МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КАЛМЫЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Б.Б. ГОРОДОВИКОВА»

На правах рукописи

ЛИДЖИЕВА Анна Сергеевна

СЕМАНТИКА СОМАТИЗМОВ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА И ЯЗЫКА ОЙРАТОВ КИТАЯ)

Специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(урало-алтайские языки, калмыцкий язык)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Мушаев В.Н.

Элиста
2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение…….. 6
ГЛАВА 1. Фразеология как лингвистическая дисциплина……..... 12
1.1. Базовое понятие и определение фразеологической единицы…….. 12
1.2. Современные подходы к изучению фразеологических образований…….. 21
1.3. Фразеологические единицы и аспекты многозначности в калмыцком языке……..... 26
1.4. Фразеология и паремиология…….. 30
1.5. Фразеология монгольских языков: история изучения, современное состояние и проблемы……. 32
1.6. Понятия «внешнее / внутреннее»…… 46
Выводы по главе ..……... 48
ГЛАВА 2. Образ человека в калмыцкой и ойратской языковой картине мира…….. 50
2.1. Характеристика образа «внешнего» человека в лингвокультуре калмыков…….. 50
- привлекательность/непривлекательность…… 50
- женская привлекательность…….. 51
- мужская внешность…… 52
- лицо……. 52
- значение цвета…… 53
- зрелость и старость…… 54
2.2. Характеристика образа «внутреннего» человека в калмыцкой лингвокультуре……. 56
- трудолюбие……. 57
- лентяй……. 59
- бессовестный, непорядочный……... 60
- вспыльчивость, несдержанность……. 61
- наглость……. 61

- высокомерие……. 62
- жадность…….. 62
- болтун……. 64
- интеллектуальные способности…… 65
- любовь…… 66
- отвага, смелость……. 68
- активная и умелая деятельность человека…….. 69
- положение человека в обществе……... 80
Выводы по главе……. 81
ГЛАВА 3. Семасиология соматизмов как компонента фразеологизмов... 83
3.1. Внешние части тела человека……. 83
3.1.1. Структура значений лексемы *толһа* (голова)..……...…… 85
3.1.2. Структура значений лексемы *келн* (язык)…… 91
3.1.3. Структура значений лексемы *нүдн* (глаза)……. 96
3.1.4. Структура значений лексемы *һар* (рука)..……... 101
3.1.5. Структура значений лексемы *көл* (ноги)…..……... 104
3.1.6. Структура значений лексемы *күзүн* (шея)..……..... 107
3.1.7. Структура значений лексемы *хурһн* (пальцы)……..……... 109
3.1.8. Структура значений лексемы *чирә* (лицо)..……. 112
3.1.9. Структура значений лексемы *нүр* (лицо)…..……... 114
3.1.10. Структура значений лексемы *урл* (губы)..……. 115
3.1.11. Структура значений лексемы *чикн* (уши)..……... 117
3.1.12. Структура значений лексемы *альхн* (ладони)…..……... 118
3.1.13. Структура значений лексемы *үсн* (волосы)……... 120
3.1.14. Структура значений лексемы *килһсн* (волосок)…… 121
3.1.15 Структура значений лексемы *сахл* (борода)…….. 121
3.1.16. Структура значений лексемы *һуй* (бедро, ляжка) …….. 122
3.1.17. Структура значений лексемы *нурһн* (спина, хребет) ..……... 123
3.1.18. Структура значений лексемы *хамр* (нос) ……..……... 123
3.1.19. Структура значений лексемы *маңна* (лоб)……. 125

3.1.20. Структура значений лексемы *күмсг* (брови)……. 125
3.1.21. Структура значений лексемы *сурмсг* / *сормсг* (ресницы)…… 127
3.1.22. Структура значений лексемы *тоха* (локоть)……. 127
3.1.23 Структура значений лексемы *нудрм* (кулак)…….. 128
3.1.24. Структура значений лексемы *хусмн* (ноготь) ……... 128
3.1.25. Структура значений лексемы *өргн* (подбородок, челюсть)…… 129
3.1.26. Структура значений лексемы *цогц* (тело) ……. 130
3.1.27. Структура значений лексемы *махмуд* (тело)…… 130
3.1.28. Структура значений лексемы *хачр* (щека)…….... 131
3.1.29. Структура значений лексемы *халх* (щека) ……... 131
3.1.30. Структура значений лексемы *көкн* (женская грудь) …… 132
3.1.31. Структура значений лексемы *гиҗг* (затылок)……. 132
3.1.32. Структура значений лексемы *өскя* (пятка)…… 132
3.1.33. Структура значений лексемы *тавг* (ступня)……. 133
3.1.34 Структура значений лексемы *өвдг* (колено)…….. 133
3.1.35. Структура значений лексемы *арсн* (кожа)……. 134
3.1.36. Структура значений лексемы *эркә* (большой палец)…… 134
3.1.37. Структура значений лексемы *сү* (подмышка)…….. 135
3.2. 38. Структура значений лексемы *киисн* (пупок, пуповина)…….. 135
3.2. Внутренние части тела человека……..……... 136
3.2.1. Структура значений лексемы *амн* (рот)……... 137
3.2.2. Структура значений лексемы *шүдн* (зубы)…….. 141
3.2.3. Структура значений лексемы *зүркн* (*с*ердце)……. 143
3.2.4. Структура значений лексемы *седкл* (сердце, душа)……... 145
3.2.5. Структура значений лексемы *чееҗ* (грудь, душа)…….. 146
3.2.6. Структура значений лексемы *ясн* (кость)..…… 149
3.2.7. Структура значений лексемы *гесн* (живот, желудок)…..……. 150
3.2.8. Структура значений лексемы *элкн* (печень)…… 152
3.2.9. Структура значений лексемы *махн* (мясо, плоть)..…….. 153
3.2.10. Структура значений лексемы *сеер, сәәр* (хребет, крестец)…….. 154

3.2.11. Структура значений лексемы *оошк* (легкие)……. 155
3.2.12. Структура значений лексемы *бөөр* (почки, бок)…...……... 155
3.2.13.Структура значений лексемы *таңна* (нёбо) ……. 156
3.2.14. Структура значений лексемы *уҗрх* (утолщенная часть рубца)….. 157
3.2.15. Структура значений лексемы *судсн* (артерия)…… 157
3.2.16. Структура значений лексемы *үй* (суставы)……... 157
3.2.17. Структура значений лексемы *киим* (толстая кишка)…… 158
3.2.18. Структура значений лексемы *кит* (тонкая кишка)……..… 158
3.2.19. Структура значений лексемы *хоол* (горло, внутренняя часть)…… 159
3.2.20. Структура значений лексемы *тәкм* (коленный сгиб, подколенное сухожилие)…… 159
3.2.21. Структура значений лексемы *хавсн* (ребра)…….……. 160
3.2.22. Структура значений лексемы *бүүл* (десна)…… 160
3.3. Субстанции…… 161
3.3.1. Структура значений лексемы *цусн (кровь*)……... 161
3.3.2. Структура значений лексемы *өөкн (жир*)……..…… 162
3.3.3. Структура значений лексемы *нульмс* (слезы)…….. 163
Выводы по главе ..…… 163
ГЛАВА 4. Соматические лексемы в героическом эпосе «Джангар»..... 167
4.1. Соматизмы в калмыцком героическом эпосе «Джангар»..... 167
4.2. Наиболее частотные соматические единицы калмыцкой и синьцзянской версий эпоса «Джангар»…….. 175
Выводы по главе ..…… 179
Заключение……... 181
Список сокращений…….. 185
Список использованной литературы…….. 186
Приложение…….. 203

Введение

Современные исследования по фразеологии связаны в первую очередь с изучением состава, семантики, структуры и особенностей функционирования фразеологических единиц (ФЕ), их экспрессивных и оценочных характеристик. По-прежнему актуальным остается вопрос о самом понятии фразеологической единицы, ее соотношении со словом и другими смежными единицами.

Фразеологические единицы – это средства образного отражения окружающего мира, вобравшие в себя культурные, религиозные и иные представления этноса. ФЕ придают особую эмоциональную окраску устной речи, обогащают выразительность языка фольклорных произведений и художественной литературы. Их роль в качестве стилистического средства очень велика.

Особый интерес представляют соматические фразеологические единицы (СФЕ), которые содержат лексемы, обозначающие части тела человека или животного. Лингвисты стали изучать соматизмы (наименование происходит от греч. soma – тело) лишь в конце XX – начале XXI веков. Высокая продуктивность соматической лексики в составе фразеологизмов определяется непосредственно онтогенетическими свойствами частей тела.

Актуальность темы исследования обусловлена следующими причинами:

- во-первых, важностью комплексного изучения соматической фразеологии калмыцкого языка и языка ойратов Китая в лексико-семантическом аспекте;

- во-вторых, неизученностью проблемы национально-культурного своеобразия фразеологизмов с компонентом «части тела», поскольку их изучение на материале калмыцкого языка ранее носило лишь фрагментарный характер;

- в-третьих, вопрос о соотношении паремиологии и фразеологии до сих пор остается открытым.

В связи с этим в данной работе предпринята попытка систематизировать и описать соматические фразеологизмы в лексико-семантическом и отчасти лингвокультурологическом аспектах, а также рассмотреть спектр переносных значений отдельных языковых единиц, связанных с обозначением частей тела в калмыцком языке и близкородственном языке ойратов Китая. Анализ соматических фразеологизмов отражает современное состояние языка, расширяет диапазон лингвистического изучения данных единиц в калмыцком языкознании и монголистике в целом.

Объектом исследования являются соматические фразеологические единицы калмыцкого языка и языка ойратов Китая.

Предмет исследования – этнолингвистические особенности фразеологических единиц калмыцкого языка с компонентом-соматизмом как источник информации о национально-культурных особенностях языковой картины мира калмыков, а также специфика реализации полисемии в соматической фразеологии калмыцкого языка и языка ойратов Китая.

Цель исследования – семасиологический анализ слов, обозначающих части тела и являющихся компонентами фразеологических единиц. В соответствии с поставленной целью в диссертации решаются следующие задачи**:**

– выявление и систематизация слов-соматизмов в составе фразеологизмов;

– описание структурно-семантических типов фразеологизмов, в состав которых входят названия частей тела;

– освещение этнолингвистических и лингвокультурологических особенностей фразеологических единиц с компонентами-соматизмами;

– семасиологический анализ компонентов-соматизмов в составе фразеологизмов.

Согласно выдвигаемой в данной работе **гипотезе,** основной пласт СФЕ калмыцкого языка является базовым в отражении картины мира калмыков. Все паремии и фразеологизмы определяют эмотивное отношение человека к тому, что он говорит, как он воспринимает предметы, вещи и явления реального мира. Нельзя также не учитывать случаи варьирования исследуемых единиц под влиянием русского и китайского языков, т.е. связанные с ареалами межъязыкового взаимодействия. В связи с чем наблюдаются и территориальные особенности языка. Это обусловлено тем, что представители данного этноса воспринимали реалии настоящего времени через призму соматических онимов. Соматические фразеологизмы в свою очередь обладают высоким потенциалом метонимии и метафоризации.

На защиту выносятся следующие положения:

– соматические фразеологические единицы являются своеобразным культурным кодом, который актуализируется при категоризации окружающего мира. Данный культурный код участвует в описании различных сфер жизнедеятельности человека. Носитель языка воспринимает окружающий мир через проецирование структуры собственного тела и его функций;

– полисемантизм соматических фразеологизмов калмыцкого языка связан с особенностями концептуализации топографических и функциональных свойств частей тела;

– фразеология калмыцкого языка отражает различные способы моделирования окружающей среды, характерные для данного этноса;

– соматизмы активно участвуют в образовании фразеологизмов, поскольку человек является частью окружающей среды;

– фразеологические единицы с компонентом-соматизмом являются ярким образным средством выразительности калмыцкого языка.

Теоретико-методологической базой исследования являются труды по общей и русской фразеологии Ш. Балли, В.В. Виноградова, С.И. Ожегова, Н.М. Шанского, А.М. Бабкина, В.Н. Телия, В.П. Жукова, В.А. Маслова,

С.Г. Воркачева и др.; труды по фразеологии монгольских языков – Т.А. Бертагаева, Г.Ц. Пюрбеева, Э.Ч. Бардаева, В.Н. Мушаева, Ц.Б. Будаева, Ш.-Н.Р. Цыденжапова, Т.Б. Тагаровой, А.Д. Дармаевой.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в разработке и конкретизации общих положений теории языковой картины мира на материале калмыцкого языка и языка ойратов Китая. Данное исследование будет способствовать расширению сравнительно-типологического изучения семантической структуры ФЕ калмыцкого и других монгольских языков. Полученные результаты могут применяться при изучении лексики и фразеологии калмыцкого языка, а также в лингвокультурологии.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут использоваться при составлении фразеологических, толковых и лингвокульторологических словарей, при разработке специальных курсов по лексикологии, лексикографии и фразеологии калмыцкого языка, при составлении учебных пособий. Исследование позволит создать методику описания ФЕ с компонентом-соматизмом с учетом особенностей национального менталитета и мировосприятия. Полученные результаты имеют особое значение для преподавания калмыцкого языка в школе и в вузе, для теории и практики национальной лексикографии, фразеологии и стилистики.

Методы и подходы исследования. Цель и поставленные в диссертации задачи обусловили использование следующих методов исследования: метод сплошной выборки, компонентного анализа**,** описательный, количественно-статистический, сравнительно-типологический, классификационный и дистрибутивный методы. В диссертации используется комплексный (лексико-семантический) подход, позволяющий оценить значимость познания мира через части человеческого тела.

Материал исследования. Основной базой исследования является картотека соматических фразеологических единиц калмыцкого языка, выделенных методом сплошной выборки из сборника «Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая», монографии Б.Х. Тодаевой «Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар», лексикографических источников, фольклора и произведений калмыцкой литературы. С целью сопоставления к анализу привлекается соматическая лексика и фразеология из синьцзянской и калмыцкой версий героического эпоса «Джангар».

Апробация результатов диссертационного исследования. Результаты работы были апробированы на следующих научных конференциях регионального, российского и международного уровней:

III Международная научно-практическая конференция «Язык, культура и межкультурная коммуникация» (г.Ховд, Монголия, 2012); Международная научная конференция, посвященная 80-летию доктора филологических наук, проф. О.Д. Бухаевой (Улан-Удэ, 2012); Международный конгресс «Фольклор монгольских народов: историческая действительность» (Элиста, 2013); XX Международная конференция, посвященная проблемам общественных наук (Москва, 2014); Международная научная конференция «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики», посвященная юбилею профессора КалмГУ В.И. Рассадина (Элиста, 2014), Международная научно-практическая конференция, посвященная 75-летию Иссык-Кульского государственного университета им. К. Тыныстанова «Гармонизация в современных условиях глобализации и интеграции» (г. Каракол, Киргизия, 2015); II региональная научно-методическая конференция (Городовиковск, Калмыкия, 2014).

Отдельные положения диссертации нашли отражение в сборниках научных трудов: «Россия-Монголия: культурная самобытность монголоязычных народов» (Элиста, 2013); «Монголоязычные народы:

культура, традиции, история» (Элиста, 2015), Российско-монгольский лингвистический сборник (Москва, 2015).

По теме диссертации опубликовано 17 работ, четыре из которых – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Общий объем публикаций составляет 4,4 п.л.

Объем и структура работы. Общий объем работы составляет 262 страницы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списка использованной литературы и приложения. Библиографический указатель включает 210 наименований, в том числе 8 на калмыцком и монгольском языках. Работа иллюстрирована 12 рисунками и 2 таблицами.

Глава 1. Фразеология как лингвистическая дисциплина

1.1. Базовое понятие и определение фразеологической единицы

Фразеологические единицы являются объектом внимания лингвистов на протяжении многих лет. «Крылатые слова», идиомы, афоризмы, пословицы и поговорки или паремии, устойчивые выражения и т.д. описываются в специальных сборниках, толковых словарях с конца XVIII века.

Возникновение фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины в отечественном языкознании можно отнести к середине 1940-х годов XX века. На основе исследований академика В.В. Виноградова была создана база для комплексного изучения устойчивых выражений и слов в языке. Однако до сих пор не совсем четко определены предмет, задачи, объем и методы изучения фразеологии. Мнения лингвистов расходятся в вопросе о сущности ФЕ. Одни ученые (В.П. Жуков, В.Н. Телия, Н.М. Шанский и др.) относят к фразеологизмам устойчивые сочетания, другие (например, Н.Н. Амосова, А.М. Бабкин, А.И. Смирницкий) – исключительно определенные группы.

Так, некоторые ученые (в том числе и акад. В.В. Виноградов) не включают в разряд ФЕ пословицы, поговорки и крылатые слова, поскольку они по семантике и синтаксической структуре отличаются от ФЕ. По мнению В.В. Виноградова, «пословицы и поговорки не являются семантическими эквивалентами слов, у них идентичная с предложениями структура» [Виноградов 1953: 243].

Фразеология исследует различные типы классификаций фразеологического состава языка в зависимости от свойств ФЕ и методов исследования.

До середины XX века в трудах отечественных ученых рассматривались отдельные вопросы фразеологии. К примеру, А.А. Потебня исследовал внутреннюю форму фразеологизмов [Потебня 1894]; И.И. Срезневский

рассматривал связь фразеологии со словообразованием (в том числе возникновение слов из выражений) [Срезневский 1893]; Ф.Ф. Фортунатов изучал слитные слова и слитные речения [Фортунатов 1956]; известны теоретические аспекты А.А. Шахматова относительно анализа неразложимых словосочетаний [Шахматов 1941]; Е.Д. Поливанов подчеркивал, что фразеологию необходимо выделять в особый раздел науки о языке [Поливанов 1931].

Таким образом, возникновение фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины в отечественном языкознании можно отнести к середине 1940-х годов XX века. Академик В.В. Виноградов в своих работах решил многие вопросы общего теоретического характера. На основе его исследований была создана база для комплексного изучения устойчивых выражений и слов в языке. В.В. Виноградов впервые предложил синхронную классификацию фразеологических оборотов русского языка с точки зрения их семантической слитности, наметил пути дальнейшего исследования фразеологических единиц [Виноградов 1977].

В конце 1950-х – начале 1960-х годов XX века были опубликованы труды по структуре и грамматическим свойствам ФЕ. В монографии А.И. Ефимова «О языке художественных произведений» впервые были проанализированы фразеологизмы художественного текста, дана классификация ФЕ в стилистическом аспекте, обозначены вопросы, связанные с фразеологическим новаторством русских писателей [Ефимов 1954].

В «Очерках по фразеологии» Б.А. Ларина представлен ряд вопросов по диахроническому изучению фразеологизмов русского языка, в том числепроблемы установления закономерностей образования и развития несвободных словосочетаний [Ларин 1956].

В работе «Очерки по общей и русской лексикологии» О.С. Ахманова пишет о лексико-фразеологическом варьировании и лексико-семантическом

описании именных и глагольных фразеологических оборотов [Ахманова 1969].

Первым классификацию фразеологических оборотов с точки зрения их семантической слитности предложил Ш. Балли. Так, фразеологические обороты французского языка автор разделил на три типа: обычные сочетания, которые возникают, если свобода выбора ограничена чем-либо (*тяжелая болезнь*); фразеологические группы, которые образуются, когда два понятия соединяются в одно (*одержать победу*); фразеологические единства, которые обозначают неразделимое целое (*закинуть удочку*) [Балли 2001].

С конца XX столетия и до настоящего времени многих лингвистов особенно интересует семантика фразеологизмов, которая изучается в рамках антропоцентрической парадигмы. Больше всего фразеологическая система привлекает ученых-лингвокультурологов, поскольку она отражает традиции и культуру народа. Данная точка зрения была освещена в теоретических трудах В.Н. Телия, В.В. Красных, В.А. Масловой, М.Л. Ковшова и др. На основе представленного алгоритма исследования и анализакультурной семантики ФЕ, который предложила В.Н. Телия и ее школа, лингвистами был составлен уникальный толково-культурологический словарь русской фразеологии.

Современное языкознание исследует фразеологию в двух направлениях. Одно из них толкует фразеологизм как единицу языка. При этом некоторые лингвисты придерживаются мнения, что объект фразеологии – это все без исключения возможные в языке конкретные словосочетания, независимо от качественных различий между этими идиомами. Другие исследователи в качестве объекта фразеологии выделяют только отдельные разряды и группы словосочетаний, которые выделяются из всех возможных в языке своей самобытностью. В зависимости от различных признаков определяют состав ФЕ в языке. Таким образом, фразеологию можно представить в двух направлениях:

а) в «широком» понимании фразеология состоит из словосочетаний, которые полностью переосмысливаются, и словосочетаний, в составе которых имеются не переосмысленные слова-компоненты (О.С. Ахманова, Н.М. Шанский, В.Л. Архангельский, Р.Н. Попов, А.В. Кунин, И.И. Чернышев);

б) в «узком» – фразеология включает в свой состав лишь словосочетания, которые переосмыслены до конца (В.П. Жуков, А.И. Молотков, Н.Н. Амосова, С.И. Ожегов, Е.А. Иванникова). В этих случаях условный характер фразеологической единицы и лексемный характер ее компонентов не ставятся под сомнение данными исследователями. ФЕ изучают как контаминацию признаков слова и идиомы, обращается внимание на омонимичность ФЕ и схожего с ней по структуре словосочетания.

Паремиология изучает пословицы, поговорки, речения, т.е. образования, кототрые некоторые исследователи относят к фразеологическим образованиям в широком смысле. Паремиология (древ.-гр. «притча, пословица, учение») является подразделом фразеологии. Ее объекты – паремии, т.е. особые единицы и знаки языка, являющиеся необходимыми элементами общения людей. Во всех языках они передают одни и те же типовые ситуации, паремиям свойственно одинаковое логическое содержание, отличаются они только ассоциативными образами. Выдающиеся отечественные паремиологи – Григорий Пермяков и Сергей Мастепанов.

Согласно другому направлению фразеологизм – это единица языка, не являющаяся словосочетанием по содержанию и по форме. В данном случае объект фразеологии – выражения, генетически совпадающие со словосочетаниями: «Фразеологические единицы разложимы только на уровне этимологии, т.е. вне системы современного языка» [Ларин 1956: 202]. Не омонимичные словосочетания качественно отличаются от них. Главным в изучении ФЕ становится характеристика фразеологизма как единицы языка,

наделенной определённой формой, содержанием и особенностями употребления.

Фразеологию представляется интересным изучать и с точки зрения лингвокультурологии, которая рассматривает язык как культурный код этноса. Уделяется огромное внимание взаимодействию культуры и языка, их онтологическому единству. Осмысливается идеальное, которое входит в язык в виде семантики языковых знаков и существует в культуре народа в форме предметов культуры, например, в форме жизнидеятельности человека, в ее результате. Таким образом, единица языка содержит культурную информацию и категорию, которая соотносит две семиотические системы – язык и культуру. В.Н. Телия говорит о культурной коннотации (данный термин был введен в языкознание в 1993 году). Культурная коннотация является интерпретацией денотативного или образно-мотивированного аспекта значения в категориях культуры. Автор пишет, что ФЕ как знаки вторичной номинации содержат образно-ситуативную мотивированность, связанную с мировосприятием этноса, содержащего культурную коннотацию (образное основание) [Телия 1996: 214].

Развитие лингвокультурологии наметило и развитие концепции речевых жанров. Наример, типология речевых жанров А. Вежбицкой предполагает моделирование каждого жанра при помощи последовательности простых предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего, определяющие данный тип высказывания. По мнению А. Вежбицкой, типология речевых жанров образована актами приказа, просьбы, вопроса, запрета, позволения, требования, возражения, поучения, гарантии, обещания, угрозы, совета и т.д. [Вежбицкая 1997: 100].

Для каждого этноса характерны свои образно-ассоциативные механизмы, которые переосмысливают исходные значения вторичной номинации. Так, если у калмыков *баран* коннотирует смирение, покорность, то у русских это животное ассоциируется (с отрицательной окраской) с

глупостью (глупый, как баран). Различие в коннотативных значениях можно объяснить культурно-этнографическими особенностями, свойственными разным народам.

Говоря об истории изучения фразеологизмов, необходимо обратиться к лексикографическим работам по фразеологии на материале современного русского языка, в частности лингвистических словарей. Среди множества фразеологических словарей наиболее полным и авторитетным является «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.И. Молоткова (1986 год). Он содержит более 4000 словарных статей, которые толкуют фразеологизмы и различные формы их употребления, в нем приведены синонимы, антонимы и данные об их этимологии. Употребление ФЕ сопровождается примерами из художественной литературы.

Необходимо отметить и следующие фразеологические словари: «Школьный фразеологический словарь русского языка» В.П. Жукова и А.В. Жукова (1989), «Словарь-справочник по русской фразеологии» Р.И. Яранцева (1981), «Фразеологические обороты русского языка» Н.М. Шанского, Е.А. Быстровой и В.И. Зимина (1988), «Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь» В.П. Фелицыной и В.М. Мокиенко (1990). В зависимости от задач, стоящих перед авторами словарей, сформирована структура словарных статей, состав фразеологизмов, указатели и индексы.

В словаре «Опыт этимологического словаря русской фразеологии» Н.М. Шанского и В.И. Зимина (1987) объяснено значение и происхождение более 1400 ФЕ, даны лингвострановедческие и социолингвистические сведения. Наиболее широко синонимия ФЕ представлена в «Словаре фразеологических синонимов русского языка» В.П. Жукова, М.И. Сидоренко и В.Т. Шклярова (1987). В словаре насчитывается около 730 синонимических рядов, словарные статьи содержат их подробное описание.

В работе М.Ф. Палевской «Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века» (1980) собрана важная информация об истории фразеологизмов.

Существует множество одноязычных и двуязычных фразеологических словарей, в них также имеется перевод ФЕ с одного языка на другой. В двуязычных словарях к каждой ФЕ приводится описательный перевод (эквивалент), например, «Французско-русский фразеологический словарь» В.Г. Гака (35000 ФЕ), «Англо-русский фразеологический словарь» А.В. Кунина (25000 словарных статей), «Немецко-русский фразеологический словарь» Л.Э. Бинович и Н.Н. Гришина (14000 ФЕ).

Фразеологизм (ФЕ, фразеологический оборот) является лексически неделимым, устойчивым в своем составе и структуре, целостным по значению словосочетанием, воспроизводимым в виде готовой речевой единицы. Фразеология (от франц. phraseologie, из греч. phrasis «выражение» и logos «учение») − раздел языкознания, который изучает устойчивое в своем составе и структуре сочетание слов. Фразеологизм отличается от свободного сочетания тем, что является единым по смыслу и воспроизводится как готовая единица языка [Виноградов 1977].

ФЕ, будучи сложными по своему составу, образуются путем соединения нескольких компонентов. Надо отметить, что компоненты фразеологических единиц несут ударение. В связи с этим нельзя называть данные компоненты в строгом значении фразеологизмами. Используемые служебное и знаменательное слова пишутся раздельно. Сложный состав ФЕ позволяет сравнивать их со свободными словосочетаниями (*попасть впросак − попасть в западню*). При этом компоненты ФЕ самостоятельно не употребляются либо изменяют свое привычное значение (*кровь с молоком* – крепкий здоровьем).

Большинство ФЕ эквивалентны одному слову (*раскинуть умом − подумать*). Данные фразеологизмы имеют нерасчлененное значение. Есть и

такие примеры, которые передают целое описательное выражение (*сесть на мель* − оказаться в трудном положении).

Как правило, у фразеологизмов постоянный состав. В свободных словосочетаниях одну лексему можно заменить другой, подходящей по смыслу (читать, изучать). А фразеологические единицы такую замену не допускают. Но есть ФЕ, имеющие разные варианты (*раскинуть умом − пораскинуть мозгами*). Однако наличие вариантов ФЕ не дает права произвольно заменять слова. Этим вариантам также присущ постоянный лексический состав, что предполагает точное воспроизведение в языке.

Поскольку составу ФЕ свойственно постоянство, то их компоненты можно назвать «предсказуемыми». Например, в идиоме лексему *закадычный* (*друг*) можно заменить на компонент *заклятый* (*враг*). Фразеологические единицы, не допускающие варьирования, можно отнести к устойчивым сочетаниям.

Большую часть фразеологических единиц характеризует непроницаемость структуры, т.е. не допускается внедрение новых слов. К примеру, *потупить голову*, но не допустимо *низко потупить голову*. Однако существуют устойчивые выражения, допускающие вставку уточняющих лексем (*разжигать страсти − разжигать роковые страсти*). В отдельных ФЕ возможен пропуск одного (нескольких) компонентов. Редукцию можно объяснить стремлением к экономии речевых средств и отсутствием специальной стилистической коннотации.

Фразеологическим единицам также свойственна устойчивость грамматического строения, в них, как правило, слова не меняют грамматические формы. Например, не допускается изменение формы *бить баклуши* на *бить баклушу*. Но в некоторых случаях замена допустима (*нагреть руки − нагреть руку*).

Отметим, что большинству ФЕ характерен строгий порядок слов (*ни свет ни заря*), или, наоборот (*не оставлю камня на камне − камня на камне не оставлю*). Перестановка компонентов фразеологизма, как правило,

допускается в тех ФЕ, которые состоят из глагола и зависимых от него именных форм.

Неоднородность структурных признаков ФЕ можно объяснить тем, что фразеология объединяет разнообразный языковой материал, границы которого не имеют четких очертаний.

Надо отметить, что большая часть фразеологизмов отличается однозначностью, одним и тем же значением (*витать в облаках* – «предаваться бесплодным мечтам», *ставить в тупик* – «приводить в затруднение»). Но есть ФЕ с несколькими значениями. Например, *мокрая курица* означает: 1) «безвольный, бесхитростный»; 2) «жалкий вид, подавленное состояние»; *валять дурака* – 1) «бездельничать»; 2) «дурачиться»; 3) «совершать глупости».

Многозначность ФЕ чаще всего возникает в результате закрепления в языке их переносных значений. Например, фразеологизм *боевое крещение* – «первое участие в бою» – получил в языке еще одно значение вследствие образного его употребления – «первое серьезное испытание в каком-либо деле». Наиболее часто переносные значения появляются у фразеологизмов терминологического характера (*привести к одному знаменателю, центр тяжести, удельный вес, точка опоры, родимое пятно*). Легче развивается многозначность у фразеологизмов, которые имеют неразложимое, целостное значение и по своей структуре соотносительны со словосочетаниями.

Мнения ученых-тюркологов также достаточно разнообразны и разноаспектны. Исследования сосредоточены вокруг (¾) основных направлений. Вопросы фразеологии рассматриваются также в работах З.М. Раемгужиной, Р.Х. Хайруллиной. Так, по мнению Хайруллиной, основой семантики служит фразеологический образ, являющийся наглядным представлением, «картинкой». На ее фоне происходит восприятие целостного значения ФЕ как обобщенно-переносного [Хайруллина 2008].

Известно, что тюркские языки имеют общий фразеологический фонд. Большая часть фразеологизмов совпадает по структуре, образности и по

смыслу, особенно соматические фразеологические единицы. Фразеологизм, по мнению З.Г. Ураксина, появляется как единица с образным значением вследствие изображаемого словами-компонентами явления. Таким образом, переносное значение основывается на прямом значении, а семантика ФЕ связана с изображенным словосочетанием явлением. Основные функции фразеологии – номинативно-коммуникативная и экспрессивно-эмоциональная [Ураксин 1975].

Большое внимание в бурятском языкознании уделено изучению семантических разрядов и структурных типов ФЕ, ФЕ старомонгольского языка, методике преподавания и т.д. Относительно этого, во-первых, следует отметить труды Ц.Б. Будаева (1970), Л.Д. Шагдарова (1974), Ш.-Н.Р. Цыденжапова (1989) и др. Большой вклад в изучение фразеологии монгольских языков внес Г.Ц. Пюрбеев.

Ценнейшим трудом по бурятской фразеологии считается работа Т.А. Бертагаева «Об устойчивых фразеологических выражениях» [Бертагаев 1949]. В ней автор проанализировал ФЕ с точки зрения их семантики, лексического состава, стилистических особенностей, дал классификацию ФЕ. Т.А. Бертагаев разделил ФЕ по их структуре на две группы: фразеологические сочетания (*сумерки наступают*) и фразеологические речения (пословицы, поговорки).

1.2. Современные подходы к изучению фразеологических образований

Соматические фразеологические единицы стали предметом пристального внимания исследователей сравнительно недавно – в конце XX – начале XXI веков. Это произошло в результате актуализации антропоцентрического подхода к лингвистическим исследованиям, понимания того, что нельзя изучать язык в отрыве от его носителя.

Соматическая лексика – это результат познания окружающей действительности через части собственного тела.

Соматизмы (от греч. soma «тело») являются одной из универсальных лексических групп любого языка. Они часто становятся объектом изучения в сравнительно-исторических и лингвокультурологических трудах отечественных и зарубежных исследователей. Ученые, как правило, выделяют соматические ФЕ в качестве первой в лексико-тематической системе языка. Соматизмы можно охарактеризовать как имена существительные, обозначающие части тела человека или животного.

Непосредственно термин «соматический» используют в медицине и других науках, противопоставляя ему термин «психический». В лингвистику данное понятие впервые ввел Ф.О. Вакк, который пришел к выводу, что соматическая лексика – это древнейший пласт фразеологии, составляющий наиболее продуктивную часть фразеологических единиц эстонского языка [Вакк 1964: 23].

Данный термин начал активно употребляться со второй половины XX столетия при изучении слов, содержащих в своем значении всё, что связано с телом человека. Ученые обращают внимание на процесс осознания как личности. На первый план выходят ощущения, возникающие через органы чувств, части тела. По мнению В. Гака, «человек является существом эгоцентричным, считающим себя центральной фигурой во вселенной. Поэтому он воспринимает этот мир по собственному подобию» [Гак 1998: 702]. Человек ориентируется во времени и пространстве, выражает исключительно субъективную оценку через окружающие его предметы сквозь призму собственных частей тела. По мнению ученых, через овладение инструментами формирования познания и умение пользоваться ими человек передает свои убеждения. Организм человека, тело становится наиболее близким в постижении окружающей действительности. Соответственно лексемы, которые обозначают части тела, являются древними наряду с человеческим сознанием.

«Соматическая лексика – это круг неотъемлемых в социуме понятий. Без них невозможно представить человеческую речь», – утверждает В.А. Власова. По ее мнению, соматическая лексика отличается высокой частотностью и развитой полисемией [Власова 1997: 27].

Лингвисты проводят параллели между реалиями окружающего мира, которые отражены в языке через части тела. Семантика соматизмов говорит о тех или иных объектах окружающей действительности. Благодаря языку человек воспринимает окружающий мир, выражает чувства, являясь звеном этой реальности [Яшманова 1992: 178].

Ученые отмечают, что соотнесенность ощущений с частями своего тела свойственна всем существующим языкам. Соматизмы выступают в качестве универсальных свойств. Языки лишь различаются между собой распределением ощущений наивной «анатомической карты» человека [Плунгян 2000: 118].

ФЕ с компонентом-соматизмом содержат в своем составе названия как внешних частей тела голова (*лоб, нос, рука*), так и внутренних (*кровь, сердце, суставы, жир, почки* и др.). Соматизмы относятся к высокопродуктивной лексике, они возникают в речи спонтанно, независимо друг от друга, т.к. они имеют общую основу в познании человеком самого себя через собственный организм. Все физические и психические особенности отражаются через соматическую лексику.

Н.Д. Арутюнова в разных трудах, которые также относятся к монгольской фразеологии, выделяет: 1. номинативные метафоры, состоящие в замене одного дескриптивного значения другим и служащие источником омонимии; 2. образные, служащие развитию фигуральных значений и синонимических средства языка; 3. когнитивные метафоры, возникающие в результате сдвига в сочетаемости предикатных слов (переноса значения) и создающие полисемию; 4. генерализующие метафоры (как конечный результат когнитивной метафоры), стирающие в лексическом значении слова

границы между логическими порядками и стимулирующие возникновение логической полисемии [Кульганек 2017: 71].

Соматизмы активно функционируют во всей лексико-фразеологической системе языка. Ю.А. Долгополову принадлежит ряд работ, в которых изучаются СФЕ в русском, английском и немецком языках, Р.М. Вайнтрауб исследовал СФЕ на материале славянских языков [Долгополов 1973; Вайнтрауб 1980].

СФЕ постоянно претерпевают изменения и развиваются. Согласно Ф. Вакку [Вакк 1968] можно выделить несколько путей изменения СФЕ:

• исчезновение архаизмов;

• образование новых фразеологизмов;

• семантические изменения существующих СФЕ.

Изменяются также форма и содержание фразеологизмов. СФЕ отличает устойчивость, высокочастотность употребления и богатая семантика. Поскольку соматическую лексику относят к древнейшему пласту, то ее семантическая структура является достаточно широкой, у соматизмов больше возможностей образования ФЕ.

Соматическая лексика разделяется на группы, обозначающие наружные (внешние) части тела и внутренние. Как правило, во всех языках внешние части (голова, рука, ноги, глаза) являются более продуктивными, поскольку их человек наблюдает ежедневно, а внутренние органы (сердце, легкие, кишки, почки), напротив, непродуктивны, т.к. скрыты от восприятия.

Соматизмы по характеру объекта номинации разделяются на шесть групп. Данную классификацию приводит в своей кандидатской диссертации Р.Ю. Мугу [Мугу 2003: 81-82]:

1. сомонимическая лексика (греч. soma «тело» + onim «имя»), которая предназначена для номинации частей тела человека;

2. остеонимическая лексика (греч. osteon «кость») обозначает кости тела человека, их соединения;

3. спланхнонимическая лексика (греч. splanchna «внутренности») для обозначения внутренних органов;

4. ангионимическая лексика (греч. angeion «сосуд») для обозначения кровеносной системы;

5. сенсонимическая лексика (лат. sensus «чувство») – для обозначения органов чувств;

6. лексика для обозначения болезней.

По мнению Р.Ю. Мугу, такая классификация называет строго обусловленные объекты обозначения, которые присущи организму человека. Предложенная классификация может использоваться в любом языке, при этом конкретные лексемы, обозначающие части тела, зависят от специфики определенного языка, и имеют отличия по количеству и качеству.

Данный аспект СФЕ позволяет определить сходства и различия в культурно-национальном сознании народа, так как соматизмы непосредственно участвуют в формировании языковой картины мира.

Ученые неоднозначно характеризуют понятие «соматический». Так, по мнению Ф.О. Вакка, это совокупность устойчивых словесных групп, обозначающих названия частей тела и жидкостей организма (слезы), а также других систем организма (кости, суставы, сухожилия и др.). Ф.О. Вакк также включает в соматическую лексику устойчивые словосочетания, которые появились вследствие описания жестов.

О. Назаров, наоборот, не включает в соматическую лексику фразеологические единицы с названиями частей тела, передающими жесты и мимику. В нашем исследовании в состав СФЕ включаются слова, которые обозначают части тела человека и животных (суставы, позвоночник, хребет, печень и др.), поскольку они являются жизненно важными элементами организма, без которых человек не способен жить.

Таким образом, СФЕ – это фразеологизмы, которые содержат слова, называющие части тела человека и животных.

Высокочастотность соматизмов и их активное участие в образовании фразеологизмов, продуктивность – характерная черта фразеологических систем всех языков [Мордкович 1972: 75].

Как правило, в образовании СФЕ участвуют внешние части тела (шея, колени). Данные слова отражают чувственное (глаза) и логическое (голова) познание мира, являются измерителем истинности (ощущения через руки).

Соматические фразеологизмы относят к высокочастотной зоне лексического состава любого языка как наиболее древнему пласту. Переносные значения данных слов ощущаются в семантике соматических фразеологизмов, но при этом важную роль играют их первичные прямые значения. Таким образом, соматизмы используются не только в прямом смысле, они имеют символическое значение.

1.3. Фразеологические единицы и аспекты многозначности в калмыцком языке

Язык как система характеризуется способностью непрерывно развиваться. Благодаря этому происходят изменения в структуре и семантике языковых единиц на разных уровнях системы языка, в том числе и лексическом. Это относится и к такому процессу, как многозначность. Многозначность (полисемия) – это наличие у одного и того же слова несколько связанных между собой значений, как правило возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения слова.

Отметим, что в языковом значении противопоставляются устойчивые и вероятные компоненты. Семантика слова на уровне языковой системы характеризуется многозначностью, а функциональное осмысление слова в речи – это реализация составляющих его значение.

Ф. де Соссюр и Э. Бенвенист отмечали, что в речевой деятельности в процессе функционирования языковой знак может приобретать несколько

значений. То есть знак является многофункциональным несмотря на то, что его осмысление – актуализация компонентов сигматической структуры.

Некоторые ученые разграничивают семантический и когнитивный уровень представлений знаний. Это, по их мнению, позволит определить базу человеческого общения, понять, какая именно часть концептуального содержания фиксируется языковыми значениями [Арутюнова 1976]. Семантическая точка зрения предполагает изучение структурной характеристики значения и смысла языковых единиц. При когнитивной – анализируется соотношение языкового значения и концептуального содержания, передаваемого отдельным словом в системе языка и речи.

Языковые значения отражают только часть представлений человека об окружающем мире. Соответственно лексико-семантические варианты значения слов и речевые смыслы не могут существовать вне контекстов, вне коммуникаций. Многозначность состоит в возможности слова передавать различные смыслы благодаря реализации разных концептуальных признаков.

Таким образом, многозначность слова – это взаимосвязанные варианты форм, которые объединены определенной базовой доминантой, или лексико-семантические варианты: *һарсн гемнь толһа деернь бууһад бәәв* (вина пала на его голову), *давшурар гүүһәд буух* (спускаться бегом по лестнице). Деепричастная форма *бууһад* переводится как «опускаться, падать». Она связана непосредственно с местом и результатом данного действия, его реализация происходит при наличии позиции действия. Эти два примера связаны семой «перемещение».

Например, с глаголом *тәвх* (класть, ставить) связано более десяти случаев его употребления: *дегтр тәвх* – класть книги; *һаран тәвх* – ставить подпись; *давшуриг эрст хаҗилһнә тәвх* – прислонить лестницу к стене; *бир тәвәд уульх* – заплакать навзрыд и др.

Значение слова может являться результатом расширения исходной семантики и ее сужения. Одна из особенностей многозначности – ассоциативное мышление, объединяющее, например, родственников: *баз*

1. свояки, мужья родных сестер (муж самой старшей сестры, жена старшего брата); 2. невестка (жена родного брата/братьев); *баав* – отец, дядя, папа; *дал*: 1. лопатка, 2. *дал-дал гих* - дрожь (от холода); 3. устар. крытый, теплый загон для крупного рогатого скота; *һом*: 1. крепкий – *һом ташан әрвң* (крепкий брюшной жир); 2. Недовольство, жалоба – *һом һундл* (несогласие).

Наиболее частотный способ образования полисемии – метафорический перенос. Так, языковая картина мира калмыков отражает бесспорные и функционально непосредственные связи: *зөг* – пчела; острый; жало; *бел*: 1. подножье горы (ближе к середине), 2. платок пожилой женщины, который носят на правом боку на пояснице (посередине), ср. *белкнг* – средний сын, *белкүсн* – поясница; значение «сужение» *бөлг* – 1. часть, глава, раздел – *долан бөлгтә зокъял* (произведение из семи частей), 2. род, этническая группа. 3. группа; *өр*: 1. заря, рассвет, 2. недра, 3. середина, центр, 4. грудь, душа, 5. *өр өвдяһл* сочувствие, 6. розжиг: *арһснд өр өгх* (разжечь кизяк). 1, 6 – разогреть, 2-5 главное, внутреннее.

Ассоциативный перенос – перенос наименований земных реалий в другие локации, способам передвижения в пространстве: *ки*: 1. воздух, газ, 2. пустой, вхолостую, бессодержательный, 3. пуповина (отрезанная). 4. дух, душа, 5. община, 6. *теңгрин ки* – грибы, дыхание неба; по внешности и функциям – *чикн*: 1. ухо, уши, 2. перенос. слух, 3. ушко – *хәәснә чикн* – ушко котла, 4. *хулһнын чикн* – щавель (ботан. букв. мышиное ухо), 5. колóк – *домбрин чикн* – колок домбры.

Встречается перенос по расположению – *бүс*: 1. пояс, 2. обруч, 3. географическая зона – пояс; по результату – *көлсн*: 1. пот, испарина, 2. заработок, плата; по форме – *тавг*: 1. ступня, 2. лапа, 3. нижняя плоская сторона (копыта лошади), 4. большая деревянная чаша, 5. основная подошва.

По виду совершенного действия – *чимкх*: 1. щипать *һар чимкх* (щипать руку), 2. отделывать, обшивать, 3. кастрировать; *үмгх*: 1. кусать, покусать (о собаках), 2. мять, 3. пожирать – *һаран үмгх* (потирать руки); ассоциативно-

эмоциональное значение - *хаг* – 1. налет, накипь, нагар, 2. перхоть, 3. солончак, 4. междометие горячо (окрик детей о горячем).

Многозначность – это взаимосвязанные между собой варианты слов, объединенные одним базовым значением, доминантой: *шу*: 1. лучевая кость, 2. стержень, 3. частица пригл. *шу цокх* (разбить), 4. трещина (в кости); *экн*: 1. мозг, 2. ядро, сердцевина, 3. семя, семена, 4. начало, источник, 5. тесто;

үй: 1. сустав, 2. звено (цепи), 3. поколение, 4. период, эпоха, 5. двоюродный – *үй ах* (старший брат по отцовской линии);

ша: 1. ревматизм, 2. очередь, орлёр (прозрачная шелковая ткань), 4. *шах, ша*; 5. уст. сетка, сито; 6. косточки (для гадания); *шал*: 1. совсем, совершенно, 2. пол – *һазр шал* (земляной пол), 3. бесплодный (почва), 4. болтовня, 5. *шал-шал гих* – булькать, чавкать, 6. кожа (твердая для окантовки кожаных изделий);

дал: 1. лопатка, 2. крытый тёплый загон для скота, 3. дрожь от холода.

Фразеологические единицы представляют собой слово и номинативную единицу, служащую для образной характеристики лица или предмета в отношении его качеств, признака, действия, свойств или сочетания. Чаще по структуре фраезологимзы сходны со словосочетанием. ФЕ разделяют на два грамматических разряда – именные и глагольные [Пюрбеев 2015: 37].

ФЕ со структурой словосочетания:

1. Именные – *амндан бат* – твердый на слово (букв. на рот свой крепкий).

2. Глагольные – *нурһан үүрх* – заложить руки за спину (букв. спину нести на себе).

ФЕ со структурой предложения:

1. Именные – *һарнь алтн* – руки золотые, *келнь ханурас хурц* – его язык острее лезвия (ханур – скальпель).

2. Глагольные – *хойр чикн харһад бәәнә* – столпотворение, где негде ногой ступить (букв. два уха касаются).

Калмыцким СФЕ свойственно не более двух значений: первичное, номинативное и образное, фигурально-переносное. А фразеологизмы, в состав которых входят названия внутренних органов, как правило, передают переживания и внутренние состояния человека. Лексико-грамматические варианты соматизма и речевые смыслы не могут существовать вне контекстов. Слово и его значение рассматриваются как одно целое, как результат познания мира. В целом полисемия в паремиологическом фонде более ограничена, чем в лексиконе, т.к. устойчивые обороты и пословично-поговорочная лексика не обладает многозначностью несмотря на то, что семантические оттенки последних достаточно ощутимы в контексте.

1.4. Фразеология и паремиология

По мнению ученых, смысл фразеологизмов вытекает не из значения слов, составляющих эти выражения. Однако они являются точными эмоционально-образными средствами выражения мысли [Еремеева, Мацук 2018: 20], играют важную роль в организации лексико-семантической системы. Об этом писали лингвисты в 1990-х годах, обратившие внимание на «ходячие выражения». Их стали называть фразеологизмами.

Согласно работам многих ученых ФЕ – сложнейший объект исследования, имеющий такие аспекты, как семантический, грамматический, функциональный, социологический, лингвокультуролгический и прагматический. Т.Н. Федуленкова определяет ФЕ как устойчивые словосочетания с полностью или частично переосмысленными значениями [Федуленкова 2000: 146]. Под фразеологизмом подразумевается общее название семантически связанных слов и предложений, которые не производятся в речи в фиксированном отношении семантической структуры и лексико-грамматического состава.

В «широком» понимании фразеологии пословицы и поговорки включаются в ее понятие (Г.Л. Пермяков, М.Н. Шанский, В.Н. Телия). Но в

науке существует отдельное направление, изучающее исключительно пословицы и поговорки, – паремиология. Данный языковой пласт отличается высокой степенью выразительности и широким диапазоном экспрессивных оттенков.

Пословицу называют устойчиво воспроизводимым афоризмом фольклорного происхождения с образной и безóбразной структурой значения, которая характеризуется эквивалентностью суждения.

Поговорка – устойчивое выражение, не эквивалентное суждению, обладающее семантической независимостью от внешнего контекста. Ее функция – украшать и разнообразить речь [Алефиренко 2018: 248].

Паремии являются особыми единицами и знаками языка, необходимыми элементами общения, передающими специфическую информацию, обозначающую жизненные ситуации, взаимоотношения между объектами. Основы паремиологии были заложены Г.Л. Пермяковым, который называл их «разного рода языковыми клише». По мнению М. Еремеевой, И.А. Мацук, не совсем верно называть пословицы и поговорки одним термином «паремиологизм», потому что они «относятся к разным жанрам, различным по характеру функционирования в речи». Кроме того, у каждого из них разные функции – заместительные, этикетные, диалогические, формальные и др. [Еремеева, Мацук 2018: 23].

Таким образом, у фразеологизмов и паремий свой набор структурных, функциональных и семантических особенностей. Н.М. Шанский отмечает, что ФЕ отличаются от слов и свободных комплексов, обладают семантической структурой и не создаются в речи говорящим, производятся в готовом виде. Объект изучения фразеологии – раздельно оформленные единицы языка, которые характеризуются полным или частичным семантическим преобразованием.

Немало современных ученых широко рассматривают паремиологию, включают в нее не только пословицы, поговорки, афоризмы и крылатые выражения, но и фразеологизмы [Ошева 2013: 84]. Н.Ф. Алефиренко считает,

что в основе целостного смыслового содержания пословиц и поговорок – суждения, а не понятия. Смысл паремий передается предложением, а значение фразеологическое единицы – словом или словосочетанием.

Еще одним отличием паремий от фразеологизмов в том, что слова в паремиях имеют самостоятельное лексическое значение, а во фразеологизмах – нет. Поэтому в последних нет актуального членения. Паремии имеют замкнутую структуру, смысловую и интонационную завершенность, категорию предикативности и модальности. А ФЕ часто выражаются словом или словосочетанием. Пословицы, поговорки и фразеологизмы отличаются своими семантическими, структурными и функциональными особенностями. Они близки, однако имеют принципиальные различия. В данной работе мы придерживаемся «широкого» взгляда на фразеологию.

1.5. Фразеология монгольских языков: история изучения, современное состояние и проблемы

В монголоведении первой значительной работой, в которой изучается лексика и фразеология монгольских языков в сравнительно-сопоставительном плане, является исследование Т.А. Бертагаева «Лексика монгольских языков. Опыт исследования слов и фразеологических сочетаний….» [Бертагаев 1947]. Ученый впервые в монголоведении выделил устойчивые ФЕ как совершенно новый объект изучения. Тем самым исследователь ввел в научный оборот не только новый термин, но и обратил внимание ученых на новую, «никем не тронутую область монгольского языкознания».

Ценным трудом по бурятской фразеологии является работа Т.А. Бертагаева «Об устойчивых фразеологических выражениях» [Бертагаев 1949]. В ней автор проанализировал ФЕ с точки зрения их семантики, лексического состава, стилистических особенностей, дал классификацию ФЕ.

Он разделил ФЕ на две группы: фразеологические сочетания и фразеологические речения (пословицы, поговорки). По его мнению, отдельные фразеологизмы, к примеру, монгольский *гарынь ганзаганд, хөлийнь дөрөнд хүргэх* (букв.: *руки до тороков, ноги до стремян довести*) обладают всеми свойствами стихотворной миниатюры: ритмикой, звуковой слаженностью, образностью, ярко передающими кочевой быт наездника [Бертагаев 1971: 145].

В статье «Об исключениях в монгольских языках» Г.Д. Санжеев [Санжеев 1946] исследует устойчивые словосочетания типа *хүсэ орохо* и другие, которые связанны с основами и представляют собой отклонения от грамматических норм современных монгольских языков.

Г.Ц. Пюрбеев в монографии «Глагольная фразеология монгольских языков» [Пюрбеев 1972] на материале ФЕ трех северных монгольских языков (халха-монгольского, бурятского и калмыцкого) изучает вопросы, касающиеся границ, семантики, объема и структуры глагольных фразеологизмов.

В 1985 году вышел труд Э.Ч. Бардаева «Современный калмыцкий язык. Лексикология» под редакцией Г.Ц. Пюрбеева. В этой работе рассматриваются типы значений слов, диалектная и терминологическая лексика, стилистические пласты, а также фразеологическая система калмыцкого языка [Бардаев 1985].

В 1990 году был издан фразеологический словарь калмыцкого языка («Хальмг келнә келц үгмүдин толь») под редакцией Г.Ц. Пюрбеева. В предисловии составитель отмечает, что в халха-монгольском языке термин *хэлц үг, хэлц (с)* (букв. фразеологическое слово, фразеологизм) очень распространен. В 2019 году вышел дополненный фразеологический словарь калмыцкого языка под редакцией Г.Ц. Пюрбеева. Словарь содержит более 1930 фразеологических единиц, которые сопровождаются толкованием значений и иллюстрируются примерами из художественной литературы и фольклора.

По этому принципу образовано слово *келц*. Данный термин по значению близок русскому слову «фраза». Отсюда и появление терминов *келц шинҗллт* − фразеология, *келц үгмүд* − фразеологизмы [ХҮТ 1990: 3-4].

Фразеологизмы в речи людей не изменяются, не образуются вновь, они остаются в неизменном виде. Если нарушить построение фразеологизма, в частности порядок следования компонентов, то утрачивается его значение, например: *хоосн амн* (пустослов), *гиҗгтә күүкн* (девушка на выданье), *ут чиктә* (распускающий слухи), *олн тавн үг угаһар* (без лишних слов), *өвдгән дарлго* (не приседая), *долан бульчрха күртль медх* (знать, как свои пять пальцев), *сүмсән алдх* (сильно перепугаться), *муулян эдлх* (терпеть невзгоды) и др.

В некоторых случаях одно слово может заменяться близким по значению: *махла авх (чөлән, зав) уга, санани (седклин) хаңхд эс орх, амнчн тоста (өөктә) болтха, һариннь тавн хурһн мет (әдл) медх*.

Г.Ц. Пюрбеев делит глагольные фразеологизмы монгольских языков на два класса – идиоматические (идиомы) и фразеологические (фраземы) сочетания. Ученый развернуто характеризует каждый тип ФЕ и делит их на семь групп:

1. фразеологизмы, которые группируются вокруг слов, содержащих понятия о животных или обозначающих различные предметы экипировки всадника, например: *мөрнь гүүҗәнә* – ему везет, сопутствует удача (букв. лошадь его бежит) [ХҮТ 1990: 65]; *эмкәһән зуух* – молчать, будто язык проглотил (букв. прикусить нижнюю губу) [ХҮТ 1990: 136]; *мөрән үзх* – сходить по нужде [ХҮТ 1990: 64]

2. фразеологизмы, называющие различные части тела: *бийән һартан авх (бәрх)* – взять себя в руки [ХҮТ 1990: 21], *нүндән доһлң нульмста* – со слезами обиды. *Уульсн һундсн йовх* [ХҮТ 1990: 73], *һар бәрлх* – драться врукопашную [ХҮТ 1990: 31].

3. фразеологизмы, связанные с национальными обрядами, традициями и обычаями. Например, *күүкнд зәңг орулх, күүкнд әрк зөөх* – сватать девушку [ХУТ 1990: 43].

4. фразеологизмы с религиозной лексикой: *теңгр цокг!* – разрази меня гром! *Буйн болтха*! – да будет милостью! [ХУТ 1990: 54]. *Теңгрт нүдн бәәнә!* – да видит небо! [ХУТ 1990: 56].

5. фразеологизмы, содержащие проклятия (харал) и благопожелания (йорәл): *әрл цааран!* – убирайся вон! [ХУТ 1990: 19, 28].

6. фразеологизмы, источником которых выступает национальный фольклор: *алтн җола (җолаһан) эргүлж (менд хәрү) ирх* –благополучно вернуться домой [ХУТ 1990: 61].

7. фразеологизмы с числительными, образующие самостоятельный ряд языковых единиц: *далн хойр худл келх* – говорить всякие небылицы; *асхрхла – ааһ цусн, әгрхлә – нәәмн чимгн* – если и прольется – всего лишь чаша крови, если и высохнут – всего-то восемь косточек [ХУТ 1990: 14].

В работе В.Н. Мушаева «Фразеологические сочетания современного калмыцкого языка» отмечено, что фразеологизмы характеризуются пятью признаками: 1) структурой; 2) значением; 3) деривацией; 4) сферой употребления; 5) активностью-пассивностью употребления [Мушаев 2011].

Автор пишет, что фразеологизмы калмыцкого языка по форме построения делятся на 2 группы: 1) по форме похожие на словосочетания и являющиеся по смыслу одним членом предложения. Примеры: *махлата мал* – человек глупый; *көл сольдж одх* – исчезнуть бесследно после воровства; *бийән бив гисн* – гордец, самовлюбленный человек. Структура таких фразеологизмов состоит из двух и более слов: *делүһән девсх* – два слова, *киисән нег утхар керчүлсн мет* – пять слов; *нульмсн көрм җиңд*, *ноха һаңньм һаңд* – шесть слов; *орһас авсн сүл күртл хәләх* – пять слов;

2) фразеологизмы по форме – предложения. Такие фразеологизмы несут коммуникативно-определенную роль. Примеры: *кишгнь иржәнә* − разбогател, всего много; *һарнь алтн* – мастер, золотые руки; *келнь ханурас*

хурц – находчивый, остроумный человек; *хойр чикм һарад бәәнә* − весь секрет наружу.

Рассмотрим кратко историю изучения ФЕ в родственных монгольском и бурятском языках. В монографии «Монгол хэлний холбоо үгийн зүйл» Л. Мишиг разграничивает различные типы свободных словосочетаний. Автор высказывает ценные замечания, раскрывающие понимание объема фразеологической системы монгольского языка и ее специфических особенностей. По его мнению, поскольку в устойчивых выражениях неизменяема грамматическая структура и они семантически эквиваленты слову, фразеологические единицы необходимо изучать также в лексикографии и лексикологии.

В первом вузовском учебном пособии на монгольском языке «Введение в языкознание» лингвист Т. Пагва также разделил ФЕ на идиомы (*өвөрмөц хэллэг*) и фраземы (*хэвшэл хэллэг*). К идиомам ученый причисляет устойчивые словосочетания *ам бузарлах, ам гарздах* – разочаровываться осквернить рот (букв. осквернить рот), к фраземам – крылатые выражения, афоризмы, поговорки и пословицы. Данной классификации придерживаются в своих исследованиях и другие монголоведы [Мишиг 1957; Пагва 1959].

В одном из разделов своего труда «Лексикология современного монгольского языка» монголовед Ж. Төмөрцэрэн изучает основные понятия фразеологической системы [Төмөрцэрэн 1974]. Он разделил фразеологизмы на три группы: 1) идиомы, 2) фразеологические сочетания, 3) фразеологические единства.

Большое значение в развитии фразеологии халха-монгольского языка имеет работа Ч. Лувсанжава «A mongol szolasok». Это первое значительное специальное исследование фразеологизмов современного монгольского литературного языка. Автор рассматривает происхождение ФЕ, грамматическую структуру, синтаксические функции, анализирует семантические изменения и состав [Лувсанжав 1966].

По синтаксической оформленности автор разделяет ФЕ на фраземы-словосочетания (*нийлэмж өвөрмөц хэллэг*) и фраземы-предложения (*өгүүлбэр өвөрмөц хэллэг*). Ч. Лувсанжав отмечает, что устойчивость фразем является относительной, при этом семантика и лексический состав фразеологизмов может сужаться и расширяться, поэтому возможно появление параллельных оборотов, т.е. смысловых и формальных вариантов.

Семантическая характеристика четырех основных групп устойчивых словосочетаний дана в монографии «Фразеология бурятского языка» Ц.Б. Будаева [Будаев 1970]. В ней автор уделяет внимание исследованию фразеологии в диахроническом плане, сравнению фразеологии бурятского, старописьменного монгольского и древнетюркского языков.

В работе Н.Р. Цыденжапова «Фразеологизмы старописьменного монгольского языка» рассматриваются проблемы возникновения, классификации, структуры и состава фразеологических единиц. Исследователь различает четыре группы фразеологических оборотов: 1) фразеологические сращения (*нишлэһэн холбоо үг*); 2) фразеологические единства (*нэгэдэһэн холбоо үг*); 3) сочетания (*зохилдоһон холбоо үг*); 4) выражения (*найруулһан холбоо үг*) [Цыденжапов1990].

ФЕ, как и лексема, становится «вместилищем» грамматических категорий и их значений. Каждая ФЕ в грамматическом отношении проявляется своеобразно. Наиболее грамматически подвижны глагольные ФЕ, которые не осложнены значением оценки. На грамматический статус ФЕ влияют разные причины, в том числе соотнесенность фразеологического оборота с какой-либо частью речи, оценочное значение.

Однако не всегда можно легко соотнести ФЕ с какой-либо частью речи. Так, в отдельных ФЕ отсутствует глагольный компонент, однако они тоже передают оттенки действия, и вследствие этого сливаются с глагольными оборотами, функционально сближаясь с ними. Эти единицы можно разъяснитьс помощью глагольных словосочетаний.

В монгольских языках существуют два структурно-семантических типа ФЕ: фраземы, которые характеризуются переносным значением одного компонента, и идиомы с семантически измененными компонентами. Грамматическая структура идиом и фразем схожа с застывшей структурой переменного сочетания слов. Идиоматические и фразеологические сочетания разделяются на глагольные и именные единицы. Причем преобладают первые из них. Это объясняется тем, что в монгольских языках большая часть сочетаний номинируется именно глагольными единицами.

Фразеологические единицы в калмыцком языке по структуре разделяются на две группы: 1) ФЕ, представляющие законченные предложения; 2) ФЕ, являющиеся по структуре отдельными словосочетаниями и выступающие как отдельные члены предложения.

Учитывая синтаксическую функцию в предложении и грамматическое господствование одного из компонентов, в калмыцком языке можно выделить следующие группы ФЕ:

1) глагольные фразеологизмы;

2) субстантивные фразеологизмы;

3) адвербиальные фразеологизмы;

4) адъективные фразеологизмы;

5) междометные фразеологизмы.

Фразеологизмы, где главными словами являются существительные и прилагательные, по значению соответствуют этим частям речи. Такие фразеологизмы обозначают одушевленные или неодушевленные предметы яркой образной характеристикой: *зуд уга әмтн* – беспечные, спокойные люди; *хату үүл* – нелегкое дело; *хар яста күн* – бедняки, чернь; *һазрин шора әрвлдг улан хорха* – жадные люди.

Фразеологизмы, образованные сочетанием имен существительных и прилагательных: *хар ухан* – плохие помыслы, *идр наста* – человек в цветущем возрасте.

Фразеологизмы, образованные двумя формами существительных, характеризуются тем, что стоящее впереди существительное, являющееся главным, употребляется в именительном, родительном и соединительном падежах: *задын хутхур* – зачинщик драки, ссоры; *седклин киләсн* – душевные муки.

Фразеологизмы, состоящие по форме из трех слов: прилагательное + существительное в косвенном и именительном падежах: *хурц келтә күн* – остроумный, находчивый человек.

ФЕ могут образоваться сочетанием существительного и числительного: *хойр толһата моһа* – двуличный человек; *келкәтә нәәмн ясн* – худой человек.

Фразеологизмы можно образовать сочетанием существительного с причастием: *ухаһан алдчкдг күн* – трусливый, забывчивый, *келсн күүкн* – нареченная девушка.

Главное слово в именных фразеологизмах может стоять не только в именительном падеже, но и в косвенных: *хар көлсәрн* − тяжелым трудом доставаться; *гесндән гер шүдтә* – хитрый; *әрә киитә* – еле живой.

Опорное слово во фразеологизмах передается также прилагательным: *амндан бат* – крепкий на слово, *цуснь халун* – сил много, все под силу (по плечу).

Фразеологизмы, где главным является глагол или слова, обозначающие действие, по форме построения можно разделить на четыре вида:

1) имена существительные, стоящие в косвенном падеже, сочетаясь с глаголами будущего времени, образуют фразеологизмы с семантикой действия. Зависимое слово в них широко употребляется в винительном и дательном падежах: *аман татх* – не говорить лишнего*, ам авх* – дать согласие, *нүдн-амн болх* – присматривать за кем-либо*, хорхад утх һарһх* – обижать слабого, *долан уулд бәәтхә* - пусть подальше находится (от нас), *күүкнд әрк зөөх* – сватать*, хормаднь һал орх* – мечется, как угорелый (об испугавшемся человеке), *сәәни орнд төрх* – умереть.

2) Наречие или слова, обозначающие обстоятельства, сочетаясь с глаголом, становятся действиями с фразеологическим значением: *деегүр авх* – взять верх, вести себя свысока, *хәрү цухрх* – взять слово назад, *эд-бод кех* – хорошо сделать, исполнить.

3) Главное слово − причастие или деепричастие: *хордсн темән довтлдг* – впадать в отчаяние, *көлән дарлго* – без передышки работать, *һарин хурһд цацурхла* – никогда дело не исполнится, как пальцы рук никогда не выровнятся, *элкн-нурһн хойр харһн алдх* – так кушать хочется, что живот к спине прилип (деепричастие + модальное слово).

4) Фразеологизмы из афористической поэзии: *амнчн тоста болтха* – благопожелание, благодарность, *толһа деерән маань хатхул* – желание, чтоб не увидел солнце (проклятие).

Фразеологизмы с семантикой действия в предложении употребляются как сказуемое или распространенный обстоятельственный оборот. Например: *Балзна Гәрә кесг сәәхн үгән келәд, әмтнә толһа эргүлв* (Нармин Морхаж).
– Рассказывая всевозможные красивые истории, Балзанов Гаря вскружил людям головы).

Цусн халун, нүдн хурц тадн эн эң-зах уга теегиг эд-бод кеһәд эврәннь һартан орулх чигн бизт. Аль хәрд һарад, шинәс үрә-садта болҗ йовнчи?(Бадмин Алексей).

– Возможно, и вы с горячими сердцами и острым взглядом сможете подчинить себе, своей воле эту бескрайнюю степь. Или ты вышла замуж и вновь родила?

Фразеологизмы с наречным значением употребляются как обстоятельства причины: *хәәр-бәәр угаһар* – без причины, не жалея; *хар нүднәс күмсг һаза* – свой близкий человек; *нүднд хол, чикнәс далд* – держаться подальше от людей, *ноосан харһулҗ болшго* – лучше не связываться, держаться подальше; *һал цаһан өдрәр* – белым днем, когда все видят.

В образовании фразеологизмов используются широко и служебные слова. Среди них широкой активностью отличаются звукоподражательные слова, слова с эмоционально-экспрессивным значением и отрицательные частицы.

Во фразеологизмах отрицательные частицы выступают при глаголе или имени: *кергтән эс авх, оньгтан эс өгх* – не брать во внимание, *үзг маань уга одх* – исчезнуть бесследно, *нүднд эс үзгдх* – не видеть совсем, *экн уга толһа* – безмозглый человек*, арһ уга улс* – беспомощные, бедные люди.

Во фразеологизмах отрицательные частицы находятся в постпозиции: *маля цокх зә уга* – набито битком, нет мест*, эк-толһа угаһар* – без порядка, абы как сделано, *махла авх цол уга* – нет времени совсем*, хара бишәр* – без дела, просто так.

В составе пословиц и поговорок отрицательные частицы также активно используются: *арһ угад – зарһ уга* – на нет и суда нет, *эмәлән авлго, җолаһан сулдхлго* – без отдыха двигаться.

В предложениях с отрицательными частицами фразеологизмы являются обстоятельством, сказуемым и дополнением. Например: *Тер хамгнь экн уга толһад орҗ өгхш* (дополнение) – Это всё моей голове (букв: без мозгов) непонятно. *Зуг санаһан бичә зова* (сказуемое) – Только не мучайся (букв: не мучь своё сознание). *Нег күн манур өөрдәд, үкрин сүүләс шүүрч атхад, хәәр-бәәр угаһар мошкв* (обстоятельство) – Кто-то к нам приблизившись, схватив за хвост корову, стал нещадно крутить (Бадмин Алексей).

Со звукоподражательными словами фразеологизмы принимают обстоятельственное значение, а иногда определительное значение, при этом они занимают место в начале предложения или в середине. Например: *Тер хоорндань саак түрүн болҗ нилчтә җөөлн нүдәр хәләҗ, школд орулҗ авсн Нәәмн багшт сарул сәәхн школ, шууглдад нааддг көвүд күүкд сананднь орад, нүдднь үзгдәд җирс-җирс гиһәд җирлһн болад җирлзнә* (Эрнҗәнә К.) – Между тем в мыслях его и учитель Няямн, который своим мягким и

авторитетным взглядом принял (их) в школу, и просторная красивая школа, и шумно играющие дети, и всё это перед глазами проходит словно мираж. *Таш-таш гиһәд бүтң бууһин дун һарад бәәнә?* (Эрнҗәнә К.) – Таш-таш, раздавался неразборчивый оружейный выстрел?

Фразеологизмы с эмоционально-экспрессивным значением в предложении занимают любое место, часто встречаются в произведениях устного народного творчества и в произведениях писателей. Например: *О, дәрке, дәрке! Зунква әәлдг! − гиһәд, герин эзн күүкд күн һаран намчлв* (Бадмин А.). – О, боже, боже! Да соизволит Зунква! – сказав это, хозяйка дома стала молиться. *Теңгр цоктха, наһцхнр чигн, төрлмүд чигн биш* (Балакан А.). – Пусть меня покарает небо, ни родные по материнской линии, ни дальные родственники. *Яһлав, яһлав, одак Мергниг саак ээҗ нурһинь улан һалзн болтлнь цокҗ* (Эрнҗәнә К.). – О, боже, боже, опять Мергена мать отсекла (букв: до красного мяса избила).

Фразеологизмы по значению бывают разные: некоторые из них являются полисемантичными:

өрчәр орад, өрәр һардг − а) о шустром человеке; б) о том, что произвело впечатление.

көлд орх − а) о первых шагах ребенка; б) о выздоровлении после болезни; в) о внезапно появившемся достатке.

эд-бод кех − а) убрать, привести в порядок; б) разделать тушу.

һар күрх − а) украсть; б) бить, избить; в) лечить.

чиигтә арсн − а) пустой, никчемный человек; б) безвольный человек.

бүдүн күзүтә − а) непослушный; б) грубый человек.

Одна из важных проблем фразеологии – семантическая классификация ФЕ. Многие ученые в данном вопросе придерживаются мнения Ш. Балли и В.В. Виноградова. Применяя типологический принцип, лингвисты дают классификацию ФЕ по степени спаянности компонентов фразелогизмов и по степени мотивированности их значений. В.В. Виноградов, разработавший классификацию фразеологизмов именно на основе различной степени их

устойчивости, обращал внимание на диалектический характер этого важного свойства сочетаний: «В речевой деятельности, так же, как и в индивидуальном стиле, границы слова и фразы особенно зыбки, текучи, неопределенны» [Виноградов 1953: 46].

Г.Ц. Пюрбеев также делит фразеологизмы калмыцкого языка на три группы. Ученый пишет: «По характеру соотношения общего значения фразеологической единицы и семантики ее составляющих частей все фразеологизмы калмыцкого языка можно классифицировать на три типа. Первый тип: это устойчивые сочетания слов, целостное значение которых не выводится и не вытекает из смысла образующих его компонентов. Они известны под названием фразеологических сращений» [Пюрбеев 1970: 46].

Ко второму типу автор относит фразеологические единства − устойчивые сочетания слов, целостное значение которых является мотивированным: оно подсказывается смыслом сочетающихся компонентов. Далее исследователь отмечает, что фразеологические единства отличаются от предыдущей группы (т.е. фразеологических сращений) большей самостоятельностью значений, входящих в нее слов, возможностью расширения и сужения лексической протяженности, допустимостью замены компонентов.

К третьему типу Г.Ц. Пюрбеев относит фразеологические сочетания, которые являются устойчивыми сочетаниями слов, обладающие признаком смысловой выделимости в структуре предложения [Пюрбеев 1970: 47, 48].

Б.Б. Бадмаев рассматривает фразеологические сочетания как готовые, навсегда данные, своеобразные образования – лексемы. Характерной особенностью некоторых таких сочетаний является их невозможность буквального смыслового перевода на другой язык. Такие сочетания называются еще идиомами. Идиомами могут быть также отдельные слова, употребляемые в переносном значении, например: чон – волк – в прямом значении не идиома, но в значении «жадный человек», «коварный человек» – идиома.

Фразеологические сочетания входят в состав предложения, но некоторые из них по своей структуре равнозначны целым предложениям, например: *ямаран зуд уга әмтн!* – какие (они) беспечные люди!

Идиоматические сочетания суть определенные словосочетания, с общим целостным значением, например: *хулхач хәрү хәәкрнә* – вор указывает на других (букв.: вор обратно кричит), *күнд толһата күн* – степенный человек (букв.: человек с тяжелой головой), *күндән гиигнәс өглһн* – потеря авторитета (букв.: выдавать тяжелое за легкое); *усн көл өгхш* – дна воды не достать ногой (букв.: вода не дает ноги); *насан эдлх* – прожить свой век (букв.: свой возраст использовать); *йовһн шууһн* – поземка (букв.: пеший буран); *көл хур* – дождь, идущий полосой (букв.: нога – дождь).

Фразеологические единства понимаются как сочетания, где составляющие их слова сохраняют некоторые признаки самостоятельности, например, *хулһнын хамрас цус һаһшго* означает тихого, скромного человека, может быть в предложении определением (букв: из мышиного носа крови не прольет), *хумсан зуусн мис мет* – тихий, незаметный (букв: подобно кошке, спрятавшей свои когти). *Мек-тах уга* – прямой (букв: без хитрости и подковы), *цог ишксн ноха* (букв: собака, наступившая на огонь), *наһан нарн бәрсн, цаһан цар чолун бәрсн* – двуликий (букв: с этой стороны солнце держит, с той стороны (жёрнов) камень).

К фразеологическим единствам относятся также поговорки и пословицы, например: *седң күн хаврт, җора мөрн намрт* – щеголь весной, иноходец осенью (отличается), *аһ үзәд, авалян гееҗ* – увидев госпожу, потерял свою жену, *өгсән авдг, тәрсән хаддг* – отданное обретется, посеянное пожнется.

В поговорках и пословицах возможны, в известных пределах, замены слов другими, но значение целого от этого не меняется, например: в поговорках, *аһ үзәд, авалян гееҗ* можно заменить на *хат үзәд, эмән гееҗ.*

Фразеологизмам в калмыцком языке присущи разные признаки: устойчивость, семантическая неделимость, воспроизводимость,

эмоциональная окраска, функционирование в предложении в качестве одного члена. ФЕ калмыцкого языка образуются на основе устойчивых, свободных сочетаний, пословиц.

Изучение фразеологических систем родственных монгольских языков – халха-монгольского, бурятского и калмыцкого языков позволяет сделать вывод, что преобладающее число структурных моделей является общими для данных языков. При этом есть небольшой процент специфических моделей ФЕ, присущих только тому или иному языку.

ФЕ калмыцкого языка, их значения связаны с образом жизни калмыцкого народа, его традициями и обычаями, его менталитетом. Пример: *өөкн дотр бөөрмет, өндгн дотр уург мет* − словно почки в жиру, словно желток в яйце – означает как сыр в масле кататься. У калмыков было принято считать жир основой необходимых веществ, которые помогают людям и животным благополучно перезимовать. Откормленный, тучный скот достаточно устойчив к морозу, непогоде, потому жир считался признаком здоровья, закаленности, крепкости скота и человека. Жирное мясо по традиции старались преподносить почетным гостям; у калмыков и монголов есть обычай давать младенцам вместо соски кусочек овечьего сала, т.к. он считался особенно полезным для развития ребенка.

«Кочевой образ жизни, охота и занятие скотоводством, − пишет Г.Ц. Пюрбеев, − сильно сказались на содержании их фразеологии как совокупности устойчивых выразительных средств языка» [Пюрбеев 1972].

Примеры: *әрк зөөх* (букв. водку возить). Согласно калмыцкому свадебному обряду, со стороны жениха должны приезжать к родителям невесты три раза с различной мерой водки или вина. Отсюда выражение *негдгч, хойрдгч, hурвдгч әрк орулх* (несколько раз свататься); *махлата мал* (букв. в шапке скотина) − о недалеком, глупом человеке. Аналогичный фразеологизм есть в бурятском языке − *малгайтай мал*.

Калмыки издавна разводили четыре вида скота: лошадей, коров, верблюдов и овец. Примеры: *эзн дурн, мөрн җора* − хозяин по воле, конь по

иноходи. *Бурнтгта темәнә әдл* − послушный, словно верблюд с кольцом в носу. *Кевтсн темәнә амнд көлвргсн хамхул ордг* − лежащему верблюду в рот перекати-поле трава залезет. *Медшгод келсн үгд үкрин өвр деер цацсн тәрән мет* – сеять зерно на рогах коровы.

Исследователь А.В. Дыбо обращает внимание на реконструкцию праалтайской лексической группы анатомических органов, относящихся к верхним конечностям человека и животного. Это связано с тем, что праалтайцы имели кодифицированную разделочную терминологию, связанную со скотоводством и охотой.

Монгольский ученый Ж. Баянсан описывает национальную специфику ФЕ, в которых отражаются в этнические реалии. Ученый рассматривает связь фразеологических значений с менталитетом носителей монгольского языка, выделяет ФЕ в качестве феномена монгольского языка и культуры. Объектом исследования стали наиболее древние фразеологизмы, отражающий образ кочевой жизни.

В целом фразеология монгольских языков все еще остается недостаточно изученной, особенно в теоретическом отношении.

1.6. Понятия «внешнее/внутреннее»

В современной лингвистике неоднократно предпринимались попытки описать, как человек отражается в языке. Образ человека в языковой экспликации может быть представлен в виде текста. Сторонники данной точки зрения считают человека элементарной составляющей текста, уподобляя его слову или тексту [Налимов 1989: 168].

Некоторые исследователи представляют образ человека в виде текста как «готового» продукта, который сложился и зафиксировался в лексеме, в целом в лексике языка [Стемковская 2000: 85-86].

Об образе человека как об одной из частей текста писали и другие ученые. По мнению Ю.А. Сорокина, значение лексемы присутствует в двух

формах – языковой (вербальной) и предметной, где первое отсылает ко второму. Надо отметить, что предметное значение основывается на перцептивном ощущении и находится в реальности и языке в виде «внешнего» или в сознании в виде «внутреннего». Немаловажно, что одна из основных задач семантических исследований, в том числе семантики лексики языка, – это изучение сигнификативных значений. Отмечается, что исследование соматической лексики должно включать одновременное изучение «внешнего» и «внутреннего» [Романов, Сорокин 2004: 159].

Если представлять человека в виде текста, можно сформировать образ как знаковую систему. Тогда у человека как у знака есть означаемое и означающее, связанные с конвенциональным характером.

В языке эти два понятия в проекции на человеческий организм отражаются в образе «внешнего» и «внутреннего» человека. Данные понятия используются представителями логического направления в языкознании (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова, В.В. Красных), при этом являясь условными, поскольку подразумевают объект в целом.

По мнению А.Вежбицкой, лексические единицы языка «отражают и передают образ жизни и образ мышления, характерный для некоторого данного общества (или языковой общности)» и являются бесценными ключами к пониманию культуры [Вежбицкая 2001:18].

«Образ человека» формируется только на основании языковых данных, а картина мира может являться мотивированной тогда, когда образ объекта подтверждается большой совокупностью фактов, что позволяет создать цельный образ. Язык, фиксирующий картину человека, – это язык толкований или язык современной семантики. Исследование языковой картины мира следует начинать с изучения отдельных характерных для данного языка лингвокультурных концептов и с реконструкции «наивного» взгляда на окружающую действительность. Таким образом, каждый язык отражает способ восприятия и концептуализации мира, в нем складывается

некая единая система взглядов, которую можно назвать коллективной философией всех носителей языка [Апресян 1995: 349-350].

Для того чтобы наиболее полно сформировать «образ человека», необходимо рассмотреть такие его составляющие, как «внешнее» и «внутреннее». Термин «внешнее», согласно Философскому словарю, отражает свойства целостного предмета, его взаимодействие с окружающим миром, «внутреннее» дает представление о строении предмета, его составе, структуре и связи между составляющими. Поскольку внешнее находится непосредственно на поверхности и обнаруживается в первую очередь, то оноперадает связи и свойства предмета, зафиксированные через сенсорные ощущения и в эмпирическом знании; внутреннее, наоборот, не доступно для наблюдения, поэтому его выявляют через теоретическое исследование, т.е. через так называемые «ненаблюдаемые сущности». Таким образом, движение познания – это движение от внешнего к внутреннему, от увиденного к ненаблюдаемому. Причем внутреннее определяется через внешнее, которое является способом выражения внутреннего [ФЭС 1989: 93].

Согласно приведенному определению, «внешний» образ человека является частью «целостного» представления о нем и противопоставляется «внутреннему». Оба они в сопоставлении друг с другом, тем не менее, составляют сущность одного человека. «Внешний» образ можно составить благодаря восприятию, а «внутренний» проявляется именно через внешнее поведение. О психическом восприятии через описание тела пишет и Х. Ортега-и-Гассет: «Но как бы не называть плоды деятельности разума – сознанием или душой, – они все-таки неотделимы от тела: пытаясь думать о них как об особых сущностях, человек воплощает их с помощью телесных представлений» [Ортега-и-Гассет 2003: 229].

Из разработок на материале конкретных языков по данной тематике мы опираемся на подходы в работе М.Г. Букуловой на материале турецкого языка [Букулова 2006].

По мнению Н.Д. Арутюновой, сопоставление внутреннего мира с «телесными воплощениями» обусловливается тем, что моделирование внутреннего мира совершается со сравнением внешнего, окружающей действительности, и соматизмы способны как бы отражать движения души [Арутюнова 1976: 95, Ортега-и-Гассет 2003: 230].

Исследование «внешнего» образа происходит через чувственно-наглядный способ, а состояние души говорит об исследовании «внутреннего» мира с помощью мышления как результата систематизации информации, полученной через познание.

Выводы по главе

Фразеология калмыцкого языка отражает культурно-исторические особенности носителей языка. Человек познает окружающую среду через части собственного тела, этим объясняется антропоцентричность языка и эгоцентричность самого человека. В значениях ФЕ с компонентами-соматизмами содержатся представления картины мира калмыков. Это проявляется на примере переносных значений лексем, которые обозначают части тела. Антропоцентрический подход в лингвистике описывает языковую картину мира этноса, поскольку человек проецирует мир через структуру собственного тела.

Наиболее архаичный пласт языка – пословицы и поговорки – отражают человеческое мышление и особенности национального мировосприятия народа. Фразеологизмы связаны с бытом, накопленным опытом изучаемого этноса, с его культурой и традициями. На основе соотношения внутренней формы и переносного значения соматизмов можно представить наивную картину мира калмыцкого народа.

Паремиологический фонд языка – это важный механизм культуры каждого народа, устойчивые выражения отражают его представления об

окружающей действительности. Высокочастотность соматической фразеологии – характерная черта фразеологической системы калмыцкого языка. Соматизмы, функционируют в языке в числе свободных словосочетаний, связаны по семантике и грамматической структуре с другими лексемами. Все это позволяет определить культурно-исторические коннотации семантической структуры исследуемого языка.

ГЛАВА 2. Образ человека в калмыцкой и ойратской языковой картине мира

2.1. Характеристика образа «внешнего» человека в калмыцкой лингвокультуре

В структуре «внешнего» образа человека по традиции выделяют физические и физиологические свойства и состояния, обращается внимание на положение в обществе, взаимоотношения человека с окружающими, все виды деятельности (поведение и речь).

Когнитивная модель познания «внешнего» человека строится на основе зрительного восприятия человека (денотат), осмысления, формирования знания о нем и его языкового представления (знак). Познание наружных частей тела человека как объекта окружающей среды происходит на уровне чувственного восприятия.

В первую очередь человек воспринимает окружающий мир через глаза, с помощью зрения, поэтому внешность человека имеет первостепенное значение во фразеологии. В формировании внешности, наружного восприятия человека в калмыцком языке участвуют коннотативные и денотативные характеристики.

Понятие **привлекательности** в калмыцком языке занимает **меньшую часть** семантического пространства фразеологизмов с компонентами-соматизмами, представители данного этноса акцентируют в основном

внимание на **непривлекательности** или отрицательных качествах характера человека. Например, существует много негативных оценок женщин, которым свойственны чрезмерная болтливость, глупость, на которых нельзя надеяться и доверять:

гергн сохр болхла, мини седкл төвкнүн (если жена «слепа», то и душа моя спокойна) [ППЗ 2007: 33];

эр күмни медл күзү күртлән алтн, эм күмни медл күзү күртлән шора (знание мужчины до самой шеи – золото, знание женщины до самой шеи – пыль) [ППЗ 2007: 19];

эдгх уга өвчн үкснәс деер, эд болшуга эмиг геесн деер (неизлечимая болезнь лучше, чем смерть, неисправимую женщину лучше оставить) [ППЗ 2007: 423].

Человека в калмыцкой культуре украшает не внешность, а душевные качества:

зөркәдсн урлд келн тусдг, зүркни иньгт нүдн тусдг (к потрескавшимся губам льнет язык, к сердцем полюбившейся устремлены глаза) [ППЗ 2007: 394];

иньгәс нүдн хөөһдг уга, шархас һар хөөһдг уга (от любимой глаз не отвести, от болячки руку не убрать) [ППЗ 2007: 391].

Внешний вид для традиционного типа калмыка имеет второстепенное значение. Поэтому СФЕ, описывающие семантическое поле внешней красоты женщины и мужчины, практически отсутствуют. **Женская привлекательность** ассоциируется в языке с красным цветом: *сән эмин хачрнь улан* (у хорошей женщины щеки красные) [ППЗ 2007: 29]. Но, тем не менее, настоящая привлекательность заключается не во внешней красоте, а во внутренних качествах. В целом женщина в понимании калмыков имеет второстепенное значение: *мордсн күүнд төркн туслдг уга, унх шүднд бүүлнь туслдг уга* (замужней дочери родственники не помогут, а зубам, которым суждено выпасть – десны не помогут) [ППЗ 2007: 67]. Часто говорится об

ограниченном уме женщины: *күүкд күүнә үснь ут болв чиг ухань ахр* (хотя у женщины волосы длинные, но ум короток) [ППЗ 2007: 30].

Девушку ценят за трудолюбие, доброту и неодобряют за чрезмерное любопытство или недоверчивость: *үснәс әәсн эмгн тарг оочлдг* (старуха, испугавшаяся молока, пьет губами (осторожно) кислое молоко) [КЗП 1905: 98]. Есть примеры, связанные с семейным очагом, который должна сохранять, поддерживать женщина. Плохую хозяйку называют бедой для дома, а хорошую – счастьем: *сән идән шүдн һол, сән күүкн нүдни һол* (хорошую пищу схватывают зубы, хорошую девушку замечают глаза) [ППЗ 2007: 56].

Упоминания в калмыцком языке **о мужской внешности** практически отсутствуют. Мужчину оценивают за силу, стойкость и другие качества: *залу күүнә үүл тавг дорнь* (судьба (действия) мужчины под его ступнями) [ППЗ 2007: 26]. Сообразительность, внимательность, ум и жизненная активность являются составляющими счастливой и обеспеченной жизни.

В целом человека могут украшать лицо и глаза, которые являются зеркалом души, внутренних качеств. Положительный или отрицательный взгляд сравнивается с чем-то светлым и высоким: *олни нүдн одта әдл* (общественное мнение подобно свету звезд) [ППЗ 2007: 338]. Главное в человеке – это чистые помыслы, светлая душа: *цаһан седклтә күүнд хаалһнь кезә чиг секәтә* (у человека с чистыми помыслами путь всегда открыт) [ППЗ 2007: 237].

Есть единичные примеры с отрицательной оценкой мужчины как лентяя и неряхи: *цалдң күүкни хачр норңха, цалдң көвүни өскя цоорха* (у девушки-неряхи щеки мокры, у парня-неряхи – пятки на носках рваные) [ППЗ 2007: 51].

Большинство СФЕ имеют значение **‘радовать глаз’:** зүркн тусcн иньгәс нүдн хөөһхш, зөркә һарсн урлас келнә үзүр хөөһхш (от любимой взгляда (глаз) не оторвать, от потрескавшихся губ кончик языка не оторвать) [ППЗ 2007: 391]. Различные грамматические варианты данного СФЕ

используются достаточно широко: *зөркә һарсн урлас келн хөөһдг уга, зүркн туссн иньгәс седкл хөөһдг уга* [ППЗ 2007: 392], *зөркәдсн урлд келн тусдг, зүркн иньгт нүдн тусдг* [ППЗ 2007: 394]. В данных примерах в одном фразеологизме встречается сразу несколько соматизмов.

С внешностью в первую очередь связано **лицо** как самая выразительная часть тела, которое может быть украшением человека: *әмдин чирә – алтн, укснә чирә – умсн* (лицо живого как золото, лицо мертвого – зола) [КЗП1905: 89]. Чувства, эмоции отражаются на лице с помощью улыбки или хмурого взгляда. Лицо расположено на главной части тела – голове, поэтому ФЕ с данным соматизмом наиболее продуктивны: *чирә хәләх* (лицемерить, угодничать букв. лицо плавить) [ХҮТ 1990: 129], *чирәд инәһәд, чирә һатц элкн деер өөк шарад* (в глаза льстить, за глаза – ругать (быть готовым убить) [ХҮТ 1990: 129].

Лицо отражает настроение человека, его внутренний мир, мысли: *чееҗдән байрта, чирәдән инәмсгллтә* (на сердце и душе – радость, на лице – улыбка) [ППЗ 2007: 166], *инәх дурнь чирә деерән, идх санань гесн дотран* (желание улыбнуться – на лице, желание поесть – в желудке). Вместе с тем, если человек совершает плохой поступок, он старается скрыть свое лицо от стыда, чтобы никто не узнал о его действиях:

чирәдән хурмш наасн күн ичрән идхәс өгдг (человек, накинувший на свое лицо войлок, продает свою совесть за еду) [ППЗ 2007: 539];

ичрән геесн күн ишкәһәр чирәһән халхлсн әдл (человек, потерявший стыд, подобен человеку, закрывшемусвоё лицо кошмой) [ППЗ 2007: 538],

чирәдән ишкә наах (надеть маску, потерять совесть) [ХҮТ 1990: 129].

Примеры ФЕ с компонентами-соматизмами, указывающие на цвет, единичны. Есть упоминание о красном, белом и черном цветах.

Паремия *үсн цаһав, ухан немгдсн уга* (волосы поседели, а ума не прибавилось) [ППЗ 2007: 223] говорит о старости, но не о мудрости. С цветом волос связаны и переживания человека, его внутреннее состояние: *үнн йоввл, үсн цәәдг, худл йоввл, ясн цәәдг* (если жить по правде – волосы

поседеют, если жить по лжи – кости побелеют) [ППЗ 2007: 404]. Пояснение может быть следующее: если всё время обманывать, то можно за это понести наказание – потерять жизнь. А тот, кто живет честно, доживает до старости.

Черный цвет служит в качестве лексической номинации чего-то негативного или незначительного, пустого: *хәләвл хар нүдтә, хатхвл хар зусн* (на взгляд – будто черные глаза, если коснуться – черная вязкая жидкость) [ППЗ 2007: 341]. Между тем данный цвет не всегда имеет отрицательную семантику: *хар нульмсн* (горькие (чистые) слезы, букв. черные слезы) [ХҮТ 2019: 223]; *хар чееҗләрн гүвдлдх (ноолдх)* - мучиться, терзаться букв. бороться с чистой (черной) своей совестью [ХҮТ 2019: 226].

Красный цвет имеет не только традиционно значение «красивый», но также этот цвет выражает агрессию, злобу или жадность: *мөңгн цаһан, нүдн улан* (деньги серебряные, глаза красные) [ППЗ 2007: 201], *улан хоолан сунтл хәәкрх* (кричать во всё красное горло) [ХҮТ 1990: 95]. Слово красный служит и для усиления объекта или действия: *улан махмудтан күрх* (обнищать) [ХҮТ 1990: 95], *улан чирәһән үзх* (встретиться раскрасневшимся лицом к лицу) [ХҮТ 1990: 95].

Таким образом, привлекательность человека в калмыцкой культуре не зависит от внешней красоты. Прежде всего играют важную роль внутренние качества, характер. Использование цветообозначений также ограничено. Например, **белый цвет** волос попадает в поле **‘**возрастная характеристика**’** и используется для физического описания седины, преклонного возраста, иногда мудрости и ума.

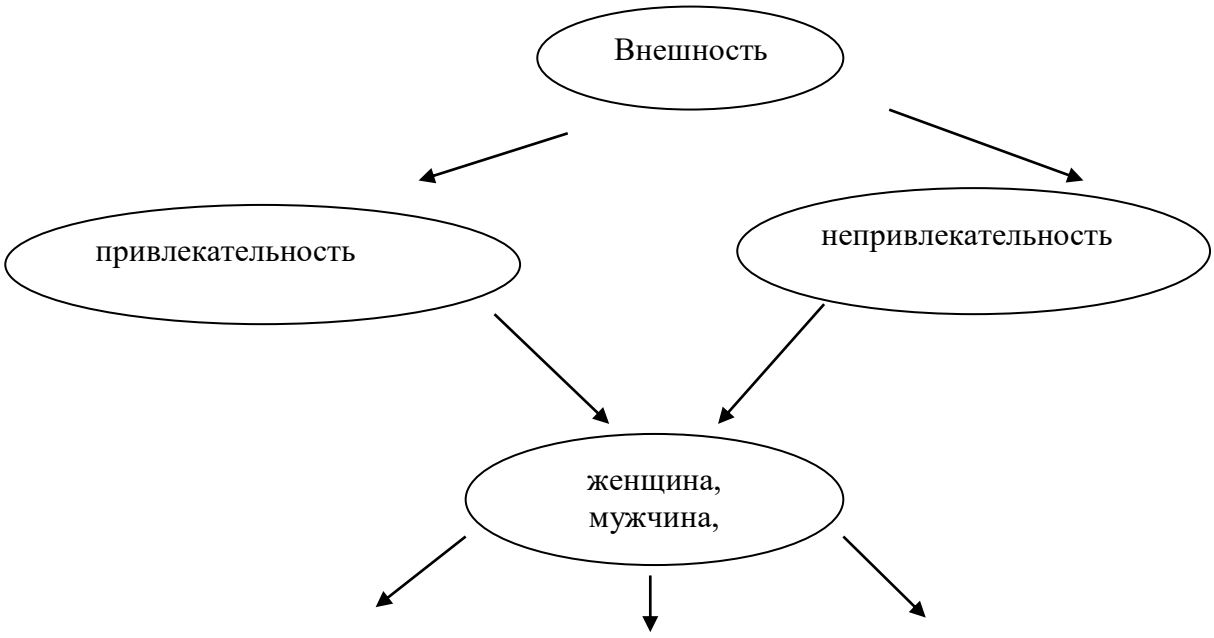
Есть группа соматических фразеологических единиц, описывающая параметры роста тела, делается акцент на навыки, умение и другие способности: *нурһнь бичкн болв чигн, нудрмнь чаңһ болдг* (хотя и мал ростом, да кулак крепкий) [ППЗ 2007: 368].

В состав семы **‘детство’** входит единственный пример ФЕ: *күүкд кичг хойрин амн сул уга* (дети и щенята постоянночто-то едят) [ППЗ 2007: 48] или

букв. *рот у детей и щенят ненасытен* [КЗП 1905: 77]. Здесь говорится о раннем возрасте ребенка, его хорошем аппетитете.

Зрелость и старость категоризируется в калмыцком языке через описание бороды как символа определенной степени зрелости. Бороду, как правило, носят люди преклонных лет, умудренные опытом. Она в древние времена считалась символом мудрости и силы: *үгиг сәәхрүлдгнь үлгүр, өвгиг сәәхрүлдгнь сахл* (пословица украшает речь, борода украшает старца) [ППЗ 2007: 275]. Значение и направленность СФЕ: всему своё время и место. Борода «сахл» говорит о старости, приближении к концу жизни, смерти: *сахл цаһан болхла, укл өөрддг мөн* (когда борода бела, то смерть близка) [ППЗ 2007: 308]. Признаки смерти или приближения к ней отражаются на лице: *үкснә нүр – үмсн, әмдин нүр – алтн* (лицо мертвого – зола, лицо живого – золото) [ППЗ 2007: 312]. Физическая смерть – это то, чего нельзя избежать: *көләр одсн ирдг, күрзәр дарсн ирдг уга* (ушедший человек возвращается, (человек) зарытый лопатой – нет) [ППЗ 2007: 311]. Чтобы сохранить свою жизнь, продлить ее, надо совершать обдуманные действия: *булсн хавхдан көләһ торһх, буслһсн усндан һаран иҗлх* (попасть ногой в капкан, который сам же зарыл, обварить руку в воде, которую сам же вскипятил) [ППЗ 2007: 503].

Внешность можно представить в виде следующей схемы:



2.2. Характеристика образа «внутреннего» человека в калмыцкой лингвокультуре

Внутренний мир человека заключен в душе, сердце, в мыслях и чувствах. «Внутренний» человек в отличие от «внешнего» недоступен для наблюдения, он скрыт от чужого глаза. Информация о внутреннем состоянии прослеживается через концепты языковых единиц.

В структуру «внутреннего» человека включаются эмоции, характер, личностные качества человека (ум, глупость, высокомерие) и т.д. Соматическая лексика калмыцкого языка в большей степени отражает недостатки. В фольклоре очень мало примеров, описывающих эмоции (гнев, сожаление, радость и др.).

Личностные качества, характер – неотъемлемая часть структуры «внутреннего» человека. Фразеосемантическое поле состоит из двух групп: одна содержит общую характеристику поля, другая – частные характеристики.

В первую группу **(общая характеристика)** входят личностные качества и черты характера со следующими основными значениями:

– оценка личностных свойств человека, например, неспособность замечать свои недостатки. Такой человек осуждается:

күүнә толһадк өвс үздг, эврәннь толһадк өвр үздг уга (на чужой голове видит соломинку, а на своей не замечают рога) [ППЗ 2007: 115];

күмни көлин атруг (өвр) үзхәр, эврәннь көлин зууза батл (чем замечать мозоли на чужих ногах, лучше следить за задником своего сапога) [ППЗ 2007: 320];

– черты характера, отражающиеся во внешности, красоте*: күлгиг нүдәрнь, күүг седкләрнь* (скакуна узнают по глазам, человека с чистой душой – по сердцу) [ППЗ 2007: 236].

Следующая подгруппа содержит другие частные характеристики человека:

– силу воли (смелость, трудолюбие, леность): *йовдсн күн яс зуух, кевтсн күн цогцан геех* (кто ходит, тот может поживиться костью, а кто лежит на боку, может умереть с голоду) [ППЗ 2007: 117];

– нравственные характеристики (подлость, порядочность, бесстыдство, злословие): *эз уга һазрин һаха толһа деер һарна* (если нет хозяина земли, свинья сядет на голову) [ППЗ 2007: 101];

– личностные свойства (высокомерие, глупость): *эргү толһа көл амрадг уга* (от дурной головы ногам нет покоя) [ППЗ 2007: 470];

– отношение к другим (болтливость, хитрость): *келнә гем – толһад* (по вине языка достается голове) [ППЗ 2007: 259];

– отношение к вещам (алчность, скупость): *гесн цадв чигн, седкл цадх уга* (хотя желудок сытый, но душа не насыщается) [ППЗ 2007: 499].

С волевыми качествами связана такая черта характера, как **трудолюбие.** Оно локализуется по представлениям калмыков в руках и ногах:

цецн күүнә – толһад, уяч күүнә – һарт (талант умного – в голове, талант портного – в руках) [ППЗ 2007: 253];

тәкм күрх уга һаран, теңгр өөд сарвах (воздеть к небу руки, которые не могут дотянуться до коленного сгиба) [ППЗ 2007: 156].

Однако при желании человек способен на многое: *уульхин дурн бәәвл, сохр нүднәс нульмсн һарна* (когда хочешьзаплакать, то и из слепых глаз слезы потекут) [ППЗ 2007: 412].

В жизни человека **трудовая деятельность** занимает одно из важных мест. Если человек не будет работать, трудиться, то не сможет обеспечить себя и существование своей семьи. Фразеологизмы с семой «труд» отражают положительную оценку в языковом сознании:

цецн күүнә - толһад, уяч күүнә - һарт (талант умного – в голове, талант портного – в руках) [ППЗ 2007: 253];

нүдн әәмтхә, һар бат (глаза боязливы, руки бесстрашны) [ППЗ 2007: 565];

нүдн әәхәс биш, һар әәдм биш (глаза боятся, руки делают) [ППЗ 2007: 567];

һар көндрхлә, амн чигн көндрдг (когда руки работают, то и рот работает) [ППЗ 2007: 329];

урна амн тоста (у мастера и рот в масле) [ППЗ 2007: 377];

мал теҗәхлә амн тоста (если ухаживать за скотом, так и рот будет в масле) [ППЗ 2007: 570].

СФЕ описывают виды деятельности, присущие кочевому народу – скотоводство. Человек не останется голодным, если будет заниматься разведением животных: *күн асрсн – толһа цуста, мал асрсн – амн тоста* (позаботишься о человеке – голова будет в крови, позаботишься о скоте – рот будет в масле) [ППЗ 2007: 9].

Калмыки традиционно разводили четыре вида скота - овец, коров, лошадей и верблюдов. И это нашло отражение в национальной фразеологии: *зүүл өвсиг мөрн амһатаһан хаздг, зөвтә үгд толһа махлатаһан хандг* (на разнотравье конь щиплет траву даже с удилами, справедливым словам и голова в шапке благодарна) [ППЗ 2007: 294]; *цаһан үкрәс хара туһл һардгк* (если жеребец пегий, жеребенок с белыми ногами) [КЗП 1905: 76]; *нохан геснд үкрән тосн тордго* (в животе собаки не задерживается коровье масло) [КЗП 1905: 93]. Есть примеры и с другими видами животных: *собака не жиреет, когда лижет свою кровь* [КЗП 1905: 93]; *свинья – у своего локтя*

[КЗП 1905: 94], *собака начинает плавать, когда вода достигает челюсти* [КЗП 1905: 104].

В калмыцком языке понятие о лени и лености связано с разными частями тела, в том числе и с волосами:

Лентяй, как правило, не способен не только на работу, но и даже на то, чтобы привести свой внешний вид в порядок: *цалдң күүкни хачр норңха, цалдң көвүни өскя цоорха* (у девушки-неряхи щеки мокры, у парня-неряхи – пятки на носках рваные) [ППЗ 2007: 51].

Одной из ярких поведенческих характеристик является сема **‘бестолковый’, ‘лентяй’**:

залхунь толһа өвдлә гих, мектәнь амн аңһала гих (ленивый скажет, что голова разболелась, а хитрый скажет, что пить захотелось) [ППЗ 2007: 507];

белн болхд аман аңһаж, берк болхд толһа зәәлдг (когда готово – рот раскрывает, когда трудно – головой мотает) [ППЗ 2007: 509].

Лень, нежелание трудиться, работать выражается в СФЕ как результат бездействия, отчего накапливается жир в разных частях тела:

санан угаһин сәәр тарһн, ухан угаһин ужрха тарһн (у бездумного круп (часть туловища лошади от спины до хвоста) жирный, у глупого – утолщенная часть рубца) [ППЗ 2007: 232];

йовдсн күн яс зуух, кевтсн күн цогцан гих (кто ходит, тот может поживиться костью, а кто лежит на боку, может умереть с голоду) [ППЗ 2007: 117].

Сема ‘лентяй’ по своей характеристике связана с семой ‘деятельность’, ‘труд’, ‘работа’. ФЕ с данным фразеосемантическим полем относятся к наиболее часто употребляемым в калмыцком языке. Они чаще всего передаются через значение ‘достаток, благополучие’ (букв.: сытый желудок), т.е. если человек трудится и у него есть голова на плечах, то он находит средства на пропитание:

толһа бәәхлә хот олдх (если есть «голова на плечах», то и пища появится) [ППЗ 2007: 92];

толһа бәәвл махла олдх (была бы «голова на месте», а шапка найдется) [ППЗ 2007: 92];

толһа мендбәәхлә токуг шиврлг[1] *олдх* (когда голова цела, токуги и шивирлик найдутся) [ППЗ 2007: 92];

күзүн даасн хөөн – толһан икнь сән, бий дасн хөөн – көлн бичкнь сән (голова, если большая – хорошо, лишь бы держала ее шея, нога, если маленькая – хорошо, лишь бы ноги тело держали) [ППЗ 2007: 445] – найти дело по себе, всё делать хорошо, основательно;

келнә гисн угән келн доран, кенә гисн кергән хорма доран (хотел было сказать, да придержал язык, хотел было сделать, да расхотел; букв: под подолом) [ППЗ 2007: 260];

келнь җөөлн, кехнь хату (на слова – мягок, на дело – скуп) [ППЗ 2007: 261].

Представление о **бессовестном, непорядочном** человеке связано с действием ʻбрать в долгʼ:

авна гивл альхан делгҗ, өгнә шивл элкән цокх (как брать, так раскрывает ладонь, как отдавать, так бьет себя в грудь) [ППЗ 2007: 501].

Непорядочность ассоциируется с нечистым лбом: *магтсн көвүн маңнадан бааста* (у хваленого сына лоб нечист) [ППЗ 2007: 50].

Лицо и лоб символизируют незапятнанную репутацию, являются свидетельством хороших или плохих действий.

В содержании лексемы «лицо» в ФЕ передается **лесть, двуличие**: *чирә деерән инәлцәд, чееҗ дотран харалцх* (в лицо улыбаться, в душе проклинать) [ППЗ 2007: 493]. Возможность выяснить отношения, поставить перед фактом тоже определяется через лицо*: улан чирә хату* (встреча лицом к лицу тяжела) [ППЗ 2007: 418]. В целом лицо является отражением каких-либо мыслей, эмоций человека:

[1] Токуг – женское украшение, прикрепляемое к шиврлг – чехлу для кос.

инәх дурнь чирә деерән, идх санань гесн дотран (желание улыбнуться – на лице, желание поесть – на уме) [ППЗ 2007: 412];

белн болхд аман аңһаж, берк болхд толһа зәәлдг (когда готово – рот раскрывает, когда трудно – головой мотает) [ППЗ 2007: 509].

зуумтха нохан зувк улан, җирһлтә күүкдин халх улан (у кусачей собаки глаза – красные, у счастливых детей – щеки румяные) [ППЗ 2007: 48].

Порядочность, доброта передаются через образы сердца, души:

көк теңгр аһарарн сән, күүкн күн седкләрн сән (голубое небо красит чистый воздух, девушку украшает душа) [ППЗ 2007: 155];

мөңг, алт өгснәс миимлзсн седкл деер (чем одаривать серебром, золотом, лучше одарить добротой души) [ППЗ 2007: 200].

Если в русской культуре в сердце локализуется храбрость, смелость, то в калмыцкой – переживания, чувства.

Открытое сердце характеризует человека прямолинейного и честного*:*

шовуни өңг өднд, күмни өңг седклд (красота птицы от перьев, красота человека от души, сердца) [ППЗ 2007: 236];

цәәһин амтн давснд, күмни чинр седклд (вкус чая – от соли, хорош ли человек – от его души (сердца) [ППЗ 2007: 236];

цаһан седклтә күүнд хаалһнь кезә чигн секәтә (у человека с открытой душой и путь открытый) [ППЗ 2007: 237].

Лицо, как и глаза, отражают внутреннее состояние человека – **печаль** или **радость**: *чееҗдән байрта, чирәдән инәмсгллтә* (на сердце и душе – радость, на лице – улыбка) [ППЗ 2007: 166]. Глаза как зеркало души отражают хитрость: *ухань сохр болвл, нүдн чигн сохр* (если разум мутный, глаза тоже мутные) [ППЗ 2007: 228].

Бывают не просто нетрудолюбивые люди, но и бездарные, неприспособленные или **бестолковые**: *ма гидг маань уга, мах иддг шүдн уга* (ни молитвы, чтобы произнести мани, ни зубов, чтобы есть мясо) [ППЗ 2007: 190], *нүдндән нүүһүл наасн, нүүртән ишкә наасн* (глаза закрыты завесой из грехов, лицо – кошмой) [ППЗ 2007: 540].

Вспыльчивость, несдержанность в калмыцком языке тоже может передаваться с помощью лица:

ор эзлсн хаанд омг седкл тохрх уга (хану – владыке страны – не к лицу надменность) [ППЗ 2007: 126];

цалдңгин һар цуста, урна урл тоста (у невоздержанногоруки в крови, у мастера губы в масле) [ППЗ 2007: 377].

В основе этого отождествления лежат и другие качества человека – **наглость,** равнодушие к чужим бедам:

эз уга һазрин һаха толһа деер һарна (наглец сядет на голову) [ППЗ 2007: 101];

нүдн хурц болв чигн, ду соңсҗ чаддг уга (хотя глаза и зоркие, но не слышат) [ППЗ 2007: 560];

чееҗ муңхгин нүдн сохр (у человека с душевной слепотой и глаза незрячие) [ППЗ 2007: 237].

Черствость и бездушие передается через образ человека, который не придерживается мер предосторожностей. Наглец не воспринимает чужую боль, просьбы: *шүдтә күмнд будан йилһл уга* (у кого крепкие зубы, тому безразлична, какая еда) [ППЗ 2007: 559].

Отдельную группу составляют ФЕ со значением **‘высокомерие’, ‘заносчивость’.** Эти качества в калмыцкой культуре ассоциируют с недалеким умом:

өндр хадын орад модн уга, барум толһад цецн уга (на верхушке высокой горы отсутствуют деревья, у заносчивого человека в голове нет мудрости) [ППЗ 2007: 254];

өндр уулын орад модн уга, өлглзсн күүнә толһад ухан уга (на верхушке высокой горы отсутствует растительность, у возгордившегося человека в головеотсутствует большой ум) [ППЗ 2007: 221].

Высокомерие соотносится с одним из главных частей тела – головой. Состояние гордого человека соотносится с чем-то высоким, ведь голова

находится наверху тела. Заносчивость коррелируется с высокой самооценкой, преувеличением собственных достоинств.

Индикатором **жадности** выступают рот и ненасытный желудок. Это объясняется повышенной потребностью человека в еде:

гесн цадв чиг, седкл цадх уга (хотя желудок сытый, но душа не насыщается) [ППЗ 2007: 499];

ундынь хәрцүләд, үгинь сурта (сначала утолите жажду, после этого задавайте вопросы) [ХҮТ 1990: 95].

идәгчин геснь өлн, ууһанчин урлнь чиигтә (у обжоры всегда желудок пуст, у пьяницы всегда губы мокры) [ППЗ 2007: 622].

Именно поэтому в народном сознании закрепилось негативное восприятие данных частей тела:

идв чиг өл авдг уга, уув чиг урлнь хүүрә (хоть и ест, но не насыщается, хотя и пьет, но губы сухи) [ППЗ 2007: 501];

авна гивл альхан делгж, өгнә шивл элкән цокх (как брать, так раскрывает ладонь, как отдавать, так бьет себя в грудь) [ППЗ 2007: 501].

Часто горло и рот ассоциируются с воротами, входом:

нүкни амнд Алтн Цееж Шовшур хойр – ода орий – гиж зогсж бәәж – Алтан Цеджи и Шовшур стояли у входа (рта) подземелья и собирались спуститься [Тодаева 1976: 187];

хоолд торсн ясн (стать поперек горла) [ХҮТ 1990: 117];

хоолд тулх (застревать в горле) [ХҮТ 1990: 117].

Ненасытными могут быть глаза, которые видят, желают материальных благ. Голодные глаза тоже характеризуют человека, отличающегося своей алчностью: *мөңгн цаһан, нүдн улан* (деньги серебряные, глаза красные) [ППЗ 2007: 201]; *ховдгин нүдн юмнд цадх уга, үквл шорад цадна* (глаза жадного ненасытные, только после смерти они насытятся землей) [ППЗ 2007: 497].

Жадность выражается по-разному, т.е. кто-то бывает алчным, от такого не дождешься возврата долга. Другой человек злоупотребляет пищей, не в силах отказаться от нее или от других удовольствий:

хоолд орш уга хот нүднд бичә үзгдг (пища, которую не получится заглотить, пусть никогда не увидят глаза) [ППЗ 2007: 613];

амн бичкн болв чиг, кезәд чиг, дүүрдг уга, амбар ямаран ик болв чиг, зәрмдн дүүрдг (хоть и мал рот, но никогда не насыщается, хоть и велик амбар, но иногда заполняется) [ППЗ 2007: 445].

Часть ФЕ описывают дискомфортные состояния, возникающие в зубах при употреблении пищи:

нүднд орсн бог шиңг, шүднд орсн махн шиңг (словно соринка в глазу, словно кусочек мяса, застрявший в зубах) [ППЗ 2007: 341];

зовлһ идсн шүдн эрүтә, зовлң сансн чееж эрүтә (питаться постным мясом – пытка для зубов, думать о страданиях – пытка для души) [ППЗ 2007: 178];

нүднд орсн бог, шүднд орсн махн (соринка в глазу – мясо, застрявшее в зубах) [ППЗ 2007: 616].

В микрополе **‘болтун’** входят люди, неспособные хранить тайны, несдержанные на язык:

мергн – эрдм дотр нуух, муңхг – эрдм амнд бәрх (мудрый скрывает знания в себе, а глупый держит их во рту / на языке) [ППЗ 2007: 248];

келнә дәәсн – бийд (враг языка – ты сам) [ППЗ 2007: 259];

келтәнь – уралан, келн угань – хооран (красноречивый впереди, неискусный в речах – позади) [ППЗ 2007: 261].

Понятие ‘болтливости, злословия’ передается через образы открытого рта и длинного языка:

келн деер шикр тәвдг, гиӂг деер сүк тәвдг (на язык кладет сахар, на затылок – топор) [ППЗ 2007: 256];

келнә махнд ясн уга (в языке нет костей) [ППЗ 2007: 259];

келән алтлхар, кергән алтл (золотишь язык, золоти и дело) [ППЗ 2007: 258].

Речь является важнейшей характеристикой человека, его качеств: *күн – келәр, кимр – әәргәр* (человек выделяется речью, а кимер[1] разбавляется кумысом) [ППЗ 2007: 258];

күн чирәһәрн сәәхн, чирә – нүдәрн, амн – келәрн, келн - үгәрн (человека красит лицо, лицо красят глаза, рот прекрасен языком, язык – словами) [ППЗ 2007: 395].

Рот, как и язык, может быть пустым, выдавать бессмысленную информацию:

олн әмтнә ам хааж̨ болдг уга (рот людям не заткнуть) [ППЗ 2007: 80] *әмтнә ам боож̨ болдг уга, бочкин бөөрәс уйж̨ болдг уга* (рты людям не закрыть, к боку бочки веревку не привяжешь) [ППЗ 2007: 80].

Порицается и вмешательство в чужие дела, навязывание своих правил: *доһлңгин өмн көлән өргж̨, сохрин өмн нүдән аньх* (перед хромым – показывать ноги, перед незрячим – зажмуривать глаза) [ППЗ 2007: 411]. Осуждается и хвастовство: *кел амнь әәмшгтә, кесн кергнь сулвтр* (на словах ужасно силен, а дело делать – слабоват) [ППЗ 2007: 57].

От необдуманных или коварных действий могут пострадать хорошие люди: *сагин тооснд санамрин толһа һанзһлгдна* (в пыли, поднятой осторожным человеком, голова беспечного бывает приторочена к седлу) [ППЗ 2007: 373].

Зло всегда порождает зло, надо контролировать свои чувства, чтобы избежать плохого: *келн деерән келдг бурхн зать хойр, седклин муухас үүсдг ур килң хойр* (на языке бурхан и мускатный орех, от злого сердца – ярость и гнев) [ППЗ 2007: 256];

хур орхла һазр сергнә, худл һархла толһа эргнә (когда дождь идет – земля освежается, когда ложные слухи пускают – голова кружится) [ППЗ 2007: 531].

Всему должно быть свое место – делам и поступкам: *өндр толһа деер һархла, нүднә хуҗр хандг, өвгн күүнлә күүндхә, чикнә хуҗр хандг* (с высокого

[1] Кимер – кипяченая вода, разбавленная молоком.

кургана смотреть – глазам приятно, беседовать со старцем – ушам, слуху приятно) [ППЗ 2007: 109].

В структуру «внутреннего» человека входят **интеллектуальные способности**, умственная деятельность. Благодаря своим знаниям, мудрости и уму человек способен мыслить, работать с пользой для себя и окружающих. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля ум определяется как способность человека мыслить: *күүнә кеерүл – толһа, толһан кеерүл – экн* (человека украшает голова, голову украшает ум) [ППЗ 2007: 400];

төө тарһнас толһан менднь деер (чем иметь жир толщиною в пядь, лучше иметь здоровую голову) [ППЗ 2007: 422];

том тарһнас толһа бүтнь (чем чрезмерная полнота, лучше здоровая голова) [ППЗ 2007: 422];

һарин эрдм күмнд зарглдна, чееҗин эрдм күм зарна (умелые руки людям служат, а знания – людьми управляют) [ППЗ 2007: 238];

һарарн нег кү дшилхлә, толһарарн миңһиг дшилдг (руками можно одолеть одного, умом можно победить тысячи) [ППЗ 2007: 231].

Умного человека характеризует способность умело использовать собственную голову, зарабатывать с ее помощью: *ууһар төр бәрлһн – улан һарын күчн, тевчңһү сәәхн седкл – уханбилгн күчн* (поймать коня укрюком зависит от силы рук, а быть обходительным – зависит от ума) [ППЗ 2007: 221].

Умственная деятельность связанас головой как вместилищем мозга. Но голова может быть пустой, без умственных способностей. Понятие глупости передается через уши:

нег чикәрнь орад наадкарнь һарх (в одно ухо входит, в другое – выходит) [ППЗ 2007: 559].

С глупой головой не представляется возможным зарабатывать, добывать пищу. Недалекий, глупый человек является обузой, нахлебником для себя и других:

тесркә шүдн киинһин дарул, тенг көвүн будани барул (редкие зубы выпускают зря воздух, глупый сын, сидя дома, зря переводит еду) [ППЗ 2007: 468].

Одно из важных чувств, которое испытывает человек, – это **любовь.** Образ дорогого, любимого человека радует глаз. Одна и та же пословица имеет четыре варианта:

зүркн туссн иньгәс нүдн хөөһхш, зөркә һарсн урлас келнә үзүр хөөһхш (от любимой взгляда (глаз) не оторвать, от потрескавшихся губ кончик языка не оторвать) [ППЗ 2007: 391];

зөркә һарсн урлас келн хөөһдг уга, зүркн туссн иньгәс седкл хөөһдг уга (от потрескавшихся губ язык не отвести, от милого сердцу человека глаз не отвести) [ППЗ 2007: 392];

зөркәдсн урлд келн тусдг, зүркн иньгт нүдн тусдг (к потрескавшимся губам льнет язык, к сердечному другу устремлены глаза) [ППЗ 2007: 394];

бүләкн нүдәр хәләхлә, иньгин зүркн хандг (когда смотришь нежными глазами, сердце любимого человека благодарно) [ППЗ 2007: 393].

Любовь, как смысл жизни, ассоциируется с глазами, с помощью которых человек, в первую очередь, познает мир:

дурн угад нүдн уга (если любовь отсутствует, то и глаза отсутствуют) [ППЗ 2007: 412],

дурн угад нүдн уга, дурсн угад навч уга (нет любви – нет глаз, не замечаешь, нет коры – нет и ветвей) [ППЗ 2007: 412];

харңһу сө нүдн уга, хар керә зүсн уга (темная ночь без глаз, черный ворон без масти) [ППЗ 2007: 608].

Любовь, как и искренность, чувствуют сердцем, душой:

иргәр орсн салькн сүүҗин экнд җиңндг, иньгин келсн үг зүркнә экнд җиңндг (ветер, который дует внизу кибитки, чувствуют кости, слова, произнесенные другом, дойдут до глубины души) [ППЗ 2007: 392].

Понятие **‘страдание’** реализуется через лексемы сердце, душа, которые являются вместилищем чувств:

зовлһ чанхла хәәсн дүүрдг, зовлң санхла чееж дүүрдг (при варке постного мяса в котле появляется пена, когда думают о беде и мучениях, душа/грудь стесняется) [ППЗ 2007: 178];

зовлһ идсн шүдн эрүтә, зовлң сансн чееж эрүтә (питаться постным мясом – пытка для зубов, думать о страданиях – пытка для души) [ППЗ 2007: 178].

Иногда страдания невозможно избежать, какое-то дело обречено на провал: *тәмк татхнь – таңнан зовлң, шүүрмг идхнь – шүднә зовлң* (курить табак – мука для нёба, кушать сушеный творог – мучение для зубов) [ППЗ 2007: 179].

В целом главное в характере человека его стержень – крепкий дух: *му цогциг сән зөрг чирдг* (слабое тело поддерживает твердый дух) [ППЗ 2007: 450].

Не так важна внешность, как внутренние качества, чистота души и сердца: *нүдн әәмтхә, зүркн зөргтә* (глаза трусливы, сердце отважно) [ППЗ 2007: 360].

Регулятором физического и психического состояния человека выступает сердце. Оно может быть **отважным, смелым**:

эрин зөрг зүркндн, ирвсин эрә бийдн (отвага мужчины – в сердце, пестрота леопарда – на его теле) [ППЗ 2007: 359];

нүдн әәмтхә, зүркн зөргтә (глаза трусливы, сердце отважное) [ППЗ 2007: 360]. В сердце проникают плохие и добрые слова: *зөв махлад толһад хандг, зөвтә үгд зүркн хандг* (хорошей шапке голова благодарна, хорошему слову сердце благодарно);

хур орхла һазр сергнә, худл һархла толһа эргнә (когда дождь идет, земля освежается, от лжи кружится голова) [ППЗ 2007: 531].

Печень «элкн» является средоточием **храбрости** богатырей: *энгин олн – әмтнәннь төлә элкән йүүләд өгий* – ради своего народа…обнажим свои сердца (букв: печень) и отдадим [Тодаева 1976: 202].

Внутреннее состояние человека может проявляться через внешность: *чееҗдән байрта, чирәдән инәмсглтә* (на сердце и душе – радость, на лице – улыбка) [ППЗ 2007: 166].

Умение и навыки помогают настоящим мастерам выполнить любую работу: *цалмар агт бәрхд, улан һарин күчн кергтә* (чтобы поймать коня арканом, необходима сила рук) [ППЗ 2007: 364]. Многое зависит от интеллекта, ума человека: *урн күүнә һар уханла үүрлнә* (руки мастера соотвествуют его уму) [ППЗ 2007: 377].

Поощряется **независимость** и **самостоятельность** – не надо ждать, надо действовать самостоятельно *нүдн әәхәс биш, һар әәдм биш* (глаза боятся, руки делают) [ППЗ 2007: 567]. Представление о коллективе передается через образ объединенных рук:

һар һаран уһадг (рука руку моет) [ППЗ 2007: 329];

һар һарарн таньна, һанзһ һуян таньна (рука руку моет, торока бедра узнает) [ППЗ 2007: 334];

һаран будхла, ханцан чиг буддг (если руки запачкал, то запачкаешь и рукава) [ППЗ 2007: 427], как вариант *һар будгдхла ханцн чиг будгддг* (если руки запачкал, запачкаешь и рукава) [ППЗ 2007: 330].

Для выражения поддержки и помощи друг другу очень часто используется в СФЕ взаимосвязанные части тела, например:

сеер хавсндан түшг, хавсн сеертән түшг (спинной хребет поддерживает ребра, ребра поддерживают позвоночник) [ППЗ 2007: 416];

нурһн хавсндан түшг, хавсн нурһндан түшг (спина – опора ребер, ребра – опора спины) [ППЗ 2007: 416].

Активная и умелая деятельность человека в калмыцкой фразеологии также передается через образы частей тела – руки и голову. **Умная** голова (руководитель) и руки (непосредственно исполнители) совершают качественное действие:

һарин эрдм күмнд заргдна, чееҗин эрдм күм зарна (умелые руки людям служат, а знания управляют людьми) [ППЗ 2007: 238];

мергниг келсн үгәрнь шинҗл, теңгиг һартк модарнь мед (мудрого определяют по словам, глупого – по палке, что у него в руке) [ППЗ 2007: 251];

урн күүнә һар уханла үүрлнә (руки мастера дружат с умом) [ППЗ 2007: 377].

Чтобы достичь положительного результата, надо действовать обдуманно, взвешенно, ко всему подходить с умом:

толһа талдан болвл, зүүдн талдан, тәрк оңгдан болвл, ухан оңгдан (если голова другая, то и сон другой; если мозг другой, то и ум другой) [ППЗ 2007: 221];

теңгр хәләҗ нульмхла, чирә деер тусдг (если плевать вверх, себе в лицо попадешь) [ППЗ 2007: 155].

Хороший или плохой результат зависит от самого субъекта действия: *заһсн үкхлә, ясн үлддг, залу үкхлә, нернь үлддг* (рыба гибнет – остаются кости, мужчина умирает – остается доброе имя) [ППЗ 2007: 384], *җорад өвкн уга, аляд амр уга* (у иноходца нет жира, у беспутного нет спокойствия) [КЗП 1905: 73].

Встречаются примеры соматических ФЕ в значении **‹недобросовестно получить пользу с помощью других’**. В калмыцком языке это передается через образ змеи как символ хитрости и коварства: *күүнә һарар моһа бәрүлх* (ловить змею чужими руками) [ППЗ 2007: 114], *күүнә һарар цог бәрх* (чужими руками жар загребать) [ППЗ 2007: 115].

Для получения положительного результата не следует совмещать два вида деятельности, лучше сосредоточиться на одном деле: *нег сүүвдән хойр тарвс сүүвдх хату* (трудно удержать под мышками два арбуза) [ППЗ 2007: 419].

Паремии с компонентами *легкие, жир, рука, мясо* связаны с результатами сравнительной оценки деятельности, например:

көдлвл амн тосдх, көдлл уга суувл, аах хоосдх (поработаешь – рот будет в масле, не потрудишься – пусто будет в чашке) [ППЗ 2007: 280];

һаза бәәх махнас һарт бәәсн оошк (чем мясо на дворе, лучше легкие в руке) [ППЗ 2007: 346];

эндркин өвкнәс маңһдурк оошк амтта (завтрашние легкие вкуснее, чем сегодняшний жир) [ППЗ 2007: 211];

өрүн идх өвкнәс өдгә идх оошк амтта (сегодняшние легкие, которые ел, вкуснее завтрашнего жира) [ППЗ 2007: 347].

Отметим, что легкие – это субпродукт с низкой пищевой ценностью, уступающий по значимости мясу. Поэтому в СФЕ используется сравнение именное с этим внутренним органом.

Регулярно встречаются примеры со значением **‘части тела животного’**:

төрин күмн төвкнүнь сән, төлгин толһа мөлҗүртәнь сән (хорошо, когда государственный муж спокойный, хорошо (питательно), если голова ягненка с мясом) [ППЗ 2007: 359];

занын сүл болхар, ботхна толһа бол (чем быть хвостом слона, лучше будь головой верблюжонка) [ППЗ 2007: 346];

төлг төрҗ эс чада бәәҗ, ишкд эк болҗ (не успел родиться ягненок, а уж стал повивальной бабкой для козленка) [ХОТ 1977: 512], т.е. сам нуждается в помощи, а стремится оказать помощь другому.

Понятия **безнадежности, неполучения результата** отражены через образы бороды, ресниц и лба, которые по своему ананомическому расположению не могут взаимойдествовать, соприкасаться. В связи с этим в калмыцком языке для передачи безнадежности употребляются данные соматизмы:

санан зая хойр учрдг уга, сахл көмсг хойр ниилдг уга (желание и судьба не встретятся, как борода и ресницы) [ППЗ 2007: 233];

сән күмн санаһар, сахл амн заяһар (добрый человек – по доброй воле, борода и рот – по воле судьбы) [ППЗ 2007: 348];

байрлв гиҗ маңна хаһрдг уга, бахтла гиҗ чееҗ хаһрдг уга (как бы ни радовался, лоб не треснет, как бы ни восторгался, грудь не треснет) [ППЗ 2007: 166].

Если **перестараться, совершить необдуманный поступок** или **сказать (сболтнуть) лишнее,** можно навредить самому себе. Поскольку голова считается наиболее важной частью тела, то в опасных случаях под угрозой находится голова человека:

өөдән хайсн чолун, эврә толһа деер ундг (камень, брошенный вверх, падает на собственную голову) [ППЗ 2007: 118];

хортан аврсн күн хәрү толһадан савата (спасти своего врага все равно, что снова занести палку над своей головой) [ППЗ 2007: 317];

келнә гем – толһад (по вине языка достается голове) [ППЗ 2007: 259] – что посеешь, то и пожнешь;

дегд түргн көлән авдг (слишком расторопный повредит ногу) [ППЗ 2007: 370].

Часто собственный длинный язык становится врагом человеку:

келнә гем – толһад төмр сав (по вине языка страдает голова) [ППЗ 2007: 259];

келнә утнь бий орадг, хорман утнь көл орадг (длинный язык самому себе вредит, длинный подол помеха для ног) [ППЗ 2007: 259],

кесндән үкдг уга, келсндән үкдг (не умирают от того, что сделал, а умирают от того, что сказал) [ППЗ 2007: 261].

Части тела передают символические действия, связанные с переживаниями человека. Так, злое слово может нанести **рану**, причинить боль, несравнимую ни с каким оружием. Данный смысл отражается в 15 СФЕ:

улдин шав эдвгдг, келнә шав эдгдг уга (рана от меча заживает, от языка – нет) [ППЗ 2007: 260];

месин шарх эдгдг, келнә шарх эдгдг уга (рана от сабли заживает, рана от слова – нет) [ППЗ 2007: 260];

малян шарх бүрлддг, келнә шарх бүрүлддг уга (рана от плети затягивается, от слов – нет) [ППЗ 2007: 259];

малян шарх эдгдг, келнә шарх эдгдг уга (рана от плети заживает, от слов – нет) [ППЗ 2007: 259];

цоклһна шарх әрлдг, келнә шарх әрлдг уга (рана от удара проходит, рана, нанесенная языком, не проходит) [ППЗ 2007: 258];

эврә ээҗин келн элсн тоңһргин ир, күүнә ээҗин келн күц тоңһргин ир (слово/язык матери родной подобно острию тупого ножа, слово/язык чужой матери подобно лезвию бритвы) [ППЗ 2007: 48];

келн деерән келдг бурхн зать хойр, седклин муухас үүсдг ур килң хойр (на языке бурхан и мускатный орех, от злого сердца – ярость и гнев) [ППЗ 2007: 256].

Слово сравнивается с ядом, плетью, мечом, чем-то тяжелым и мощным. Яд наносит непоправимое увечье живому организму, может разрушить даже скалу: *күүнә келн хорта, күрнин махн заарта* (человеческий язык ядовитый, мясо хорька имеет запах мускуса) [ППЗ 2007: 261], *зеһин келн хорта, наһцхин һар күнд* (язык племянника ядовит, рука дяди тяжела [ППЗ 2007: 62].

Калмыцкая фразеология изобилует ФЕ, в которых концептуализируется **представление о хитром человеке**:

залхунь толһа өвдлә гих, мектәнь амн аңһала гих (ленивый скажет, что голова разболелась, а хитрый скажет, что пить захотелось) [ППЗ 2007: 507];

толһаһинь илҗ бәәһәд, тәркинь сорх (поглаживая ему голову, высосать мозг) [ППЗ 2007: 494];

ичр угад нүдн уга (у бесстыжего человека отсутствуют глаза) [ППЗ 2007: 536];

авсн күмни һар җөөлн, идсн күмни амн җөөлн (у берущего руки нежные, у кушающего – уста ласковые) [ППЗ 2007: 272]. Хитрому, лживому удается извлечь для себя выгоду.

Иногда человек ждет помощи, а когда она приходит, не принимает ее или не замечает:

амнд орсн махн, келәрн түлкҗ һарһх (мясо, попавшее в рот, выталкивать языком) [ППЗ 2007: 614];

хүтг уга амнд хурһар, чикв чиг орх уга (в рот несчастливца хоть пальцем заталкивай, ничего не попадет) [ППЗ 2007: 175].

В отдельную группу можно выделить фразеологизмы с семой **‘владение чем-либо’.** Оно связано с руками человека. Держать что-либо, брать человек способен обеими руками. Это понятие реализуется через различные глаголы:

һарарн авад, һарарн өгдг (берут рукой, но и дают тоже рукой) [ППЗ 2007: 323] – отдавать долг как положено;

мука утхһар тәәрдг (тупой нож руку режет) [ППЗ 2007: 327];

күмни юмнд һаран бичә сарва (не протягивай руки к чужому добру) [ППЗ 2007: 15] – не посягать на чужое.

Отдельным микрополем выделяются СФЕ и паремии, которые характеризуют субъект действия. От него зависит успешность деятельности, что метафорически в калмыцком языке отражается через образы головы, поскольку субъект действия обладает соответствующими способностями:

көл толһаһан дахдг (нога следует за головой) [ППЗ 2007: 327];

күмнд түрүнь – толһа, хувцнд – зах (человеку нужна голова, одежде – воротник) [ППЗ 2007: 16];

тарһ хархар толһаһан хар (дорожить надо головой, а не дородностью) [ППЗ 2007: 92]. Таким образом, успех деятельности зависит от ума и умения самого субъекта действия.

Много СФЕ, которые попадают в микрополе **‘физическое состояние’.** Например:

шүдтә күмнд будан йилһл уга (у кого крепкие зубы, тому безразлично, какая еда) [ППЗ 2007: 559];

шүдән зуух (стиснуть зубы, терпеть боль) [ХҮТ 1990: 131];

шүдән хәврх (скрежетать зубами) [ХҮТ 1990: 132];

буру йовдлыг зөвәр эс тәәхлә, булмгт чиг шүдн хүһрдг (если ошибочные проступки не решить по справедливости, то, кушая булмак[1], можно сломать зубы) [ППЗ 2007: 562]. Происхождение данных фразеологизмов с компонентом-соматизмом «зубы» связано с движениями челюсти, сравнительная часть связана с усилиями по исправлению ошибок. Более твердая или жесткая пища требует больше усилий для ее пережевывания, ровно как ошибки, проступки человека бывают различными.

Чувство сытости / голода локализуется также в животе (желудке), во рту или горле через следующие образы:

гесн цадв чиг, седкл цадх уга (хотя живот сытый, но душа не насыщается) [ППЗ 2007: 499];

сән хот үрхин ормд, му гесн хаһрг (чем пропадать вкусной пище, пусть лопнет плохой живот) [ППЗ 2007: 350];

гер уга күүнә геснь өлн гидг (у бездомного живот вечно голодный) [ППЗ 2007: 93],

цадхлң гесн ямаран чиг зовлң меддг уга (сытый живот ко всем бедам глух) [ППЗ 2007: 179].

Умственная усталость осмысляется через образ головы, ног, которые могут разболеться или устать: *эргү толһа көл амрадг уга* (от дурной головы ногам нет покоя) [ППЗ 2007: 470] – глупец сам себе создает проблемы, хлопоты. Это устойчивое выражение имеет много вариантов:

тенг толһа көлән эцәдг (ногам покоя не дает глупая голова (букв. ноги худеют из-за глупой головы) [ППЗ 2007: 467], *тенг толһа көлин дәәсн* (глупая голова – враг ногам) [ППЗ 2007: 466];

тенг толһа көл муурах, тогтавр уга толһа ул элəх (из-за глупой головы ноги не знают покоя, из-за дурной головы подмётки летят-рвутся) [ППЗ 2007: 466];

һәргтә толһаһас көлтә көлд амр уга гидг (от дурной головы ногам нет покоя) [ППЗ 2007: 473].

[1] Булмак – блюдо, приготовленное на топленом масле с изюмом.

Как показал проведенный анализ, внешность в калмыцком языке и культуре занимает второстепенное значение. Очень мало примеров с описанием внешнего вида, главный показатель оценки человека – это его внутренние качества.

Основная физическая нагрузка приходится на руки и ноги, поэтому усталость сказывается часто на нижних конечностях, где локализуется боль:

толһад экн уга болхла, хойр көлд чигн амр уга (если в голове отсутствует ум, то ногине знают покоя) [ППЗ 2007: 231];

эргү толһа көл амрадг уга (глупая голова покоя не даст ногам) [ППЗ 2007: 470];

толһад ухан уга болхла, хойр көлд амрл уга (если в голове нет ума, то ногам покоя нет) [ППЗ 2007: 224]. В ходьбе, в движении человек зарабатывает свой хлеб: *хойр көләр йовж, күмн әмән теҗәнә* (человек живет и кормится, передвигаясь на двух ногах) [ППЗ 2007: 88].

Чтобы жить, надо двигаться, чем-то заниматься, ибо движение – это жизнь: *ов уга ухан ормдан бәәдг уга, ооср уга хурвч һарт тордг уга* (хитрый ум не застаивается на месте, а наперсток без бечевки на держится не пальце) [ППЗ 2007: 221].

Поспешность может ассоциироваться в сознании с негативными последствиями:

дегд түргн көлән авдг (слишком расторопный повредит ногу) [ППЗ 2007: 370];

дегд хурдн көлән авдг (слишком быстрый повредит ногу) [ППЗ 2007: 371]. Нельзя слишком торопиться или, наоборот, затягивать с принятием решения, иначе можно всё потерять:

царцан хан көлән өргхд, шаазһан хан җиврән делнә (пока хан саранчи поднимает ножки, хан сорок уже размахивает крыльями) [ППЗ 2007: 121];

сагин көл күртл, санамрин толһа өсрнә (пока ступит нога осторожного человека, слетит голова беспечного) [ППЗ 2007: 372];

сагин көлд санамрин толһа тасрна (из-за осторожного слетит голова беспечного) [ППЗ 2007: 372].

Практически отсутствуют примеры с физическим состоянием **‘пьяный’**: *эрүлин ухандк согтуһин амнд* (о чем думает трезвый, то выбалтывает пьяный) [ППЗ 2007: 482].

Через разные образы передается мысль о том, что от добра рождается добро, а зло порождает всё плохое:

келн деерән келдг бурхн зать хойр, седклин мууһас үүсдг ур килң хойр (на языке бурхан и мускатный орех, от злого сердца – ярость и гнев) [ППЗ 2007: 256];

шорһлҗнд нүдн уга болв чиг үүрән олна, буйнд нүдн уга болв чиг эзән олна (слепые муравьи находят свой муравейник, благо и добродетель слепы, но также найдут своего хозяина) [ППЗ 2007: 101];

хордхла – амч, өлсхлә – хулхач (когда озлобится – остер на язык, когда голоден – вор) [ППЗ 2007: 486].

Если хочешь получить в ответ добро, то надо вести себя соответственно:

әвр сәәтәнь әәлд арв хондг, амн муутань кеер хондг (добрый человек будет ночевать в гостях десять дней, а человек со злым языком/ртом – останется на ночлег в степи) [ППЗ 2007: 383],

сән күмни амнас сар нарн һарна (от слов/рта доброго человека светло на душе, словно восход солнца и луны) [ППЗ 2007: 347].

Поведение человека связано с **речевой деятельностью**, с помощью слова можно совершать негативные действия: хитрить, обманывать, вредить, пакостить и т.п. Эти действия часто совершаются словом:

му күмни амнас моһан хор цацгдна (изо рта злого человека извергается брызгами яд змеи) [ППЗ 2007: 454];

ховин үндсн – цусн, эвин үндсн – тосн (в итоге сплетни – кровь, в итоге мира и согласия – добро) [ППЗ 2007: 522];

сән санани үзүрт – үсн, му санани үзүрт – цусн (в конце добрых помыслов – молоко, в конце злых – кровь) [ППЗ 2007: 235].

Поведение человека концептуализируется в калмыцком языке через микрополе **‘подлость’**, с помощью которого проявляется сущность человека. При этом используются образы рта, языка:

келн деернь – бал, бурм, кеврдг дотрнь – күр чолун (на языке – мед, сахар, в груди – камень-валун) [ППЗ 2007: 256];

цалһа амн бузр, цалдң йовдл бузр (у неряхи рот загрязненнный, у развязного поведение грязное) [ППЗ 2007: 528];

келн деер шикр тәвдг, гиҗг деер сүк тәвдг (на язык кладет сахар, на затылок – топор) [ППЗ 2007: 256].

Но плохое надо исправлять: *нүүлән нульмсарн үһах, килнцән келәрн долах* (грехи смывать слезами, ошибки слизывать языком) [ППЗ 2007: 193].

Как правило, многие пороки приписывают богатым людям как представителям власти, силы. ФЕ отрицательно характеризуют их действия и поступки: *заһин көл мәәһг* (у суда ноги кривы – решения несправедливы) [ППЗ 2007: 197].

В низком стилистическом регистре находятся соматические фразеологизмы с упоминанием смерти:

үкхкүмни нүднь хурц, угатя күмни шүдн хурц (у человека, ожидающего смерть, зоркие глаза, у неимущего – острые зубы) [ППЗ 2007: 139];

заһсн үкхлә, ясн үлддг, залу үкхлә, нернь үлддг (рыба гниет – остаются кости, мужчина умирает – остается доброе имя) [ППЗ 2007: 384].

Представление о **хвастуне и пустослове** отражается в следующих соматических фразеологизмах с наружными частями тела:

белн болхд аман аңһаж, берк болхд толһа зәәлдг (когда готово – рот раскрывает, когда трудно – головой мотает) [ППЗ 2007: 509];

келтән керг уралан, келн уган керг хооран (у искусного в словах дела идут вперед, у неискусного в словах – дела не делаются) [ППЗ 2007: 261];

келн угад – белн уга (у неискусного в речах/ в языке всё не готово) [ППЗ 2007: 256];

келнь – белн, кеснь салң (как обещать, так умелец, как делать – спустя рукава) [ППЗ 2007: 261].

Молчание имеет нейтральную и в большей степени положительную оценку. Тот, кто сохраняет молчание, дорожит своей жизнью, кто не молчит – может сам себе навредить:

келхән тоол, идхән җажл (думай, что говоришь, пережевывай, что ешь) [ППЗ 2007: 262];

кесндән үкдг уга, келсндән үкдг (не умирают от того, что сделал, а умирают от того, что сказал) [ППЗ 2007: 261];

келәрн келдүр кеһәд, урларн ухр кеһәд бичгә бә (не делай из своего языка лопату, а из своих губ – ложку) [ППЗ 2007: 258];

урларн ухр кеһәд, келәрн келдүр кех (делать из губ ложку, делать из языка лопату) [ППЗ 2007: 529]. Сравнение языка с лопатой метафорически обозначает наглого, нехорошего человека.

В калмыцком языке представлены СФЕ со значением **‘правда’ и ‘ложь’** осмысляются через образы языка, глаз и рта. Вранье в калмыцкой культуре, как и в других, имеет отрицательную оценку через указание на различные части тела:

худлын келн ут, болв чиг көлнь ахрхн (у лжи длинный язык, зато короткие ноги) [ППЗ 2007: 534] – ложь раскроется рано или поздно;

үксн керә нүдим чоңкг (да выклюет мне глаза мертвая ворона) [ППЗ 2007: 312] – убеждение в своей правоте;

му эм амнд һашун, өвчнд туста, му үг чикнд һашун, йовдлднь туста (горькое лекарство горчит во рту, но помогает от болезни, плохие слова неприятны ушам, но полезны делу) [ППЗ 2007: 449] – лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

Правда и ложь могут навредить другим и прежде всего самому себе: *амндан эңкр альчурта, әмндән эңкр – утхта* (кто дорожит своим ртом, тот

носит с собой платок, кто дорожит своей жизнью, тот носит с собой нож) [ППЗ 2007: 90];

хамр дор хаһрха амн бәәнә гиҗ, бичә шальшад бә (не болтай на том основании, что под носом есть дырявый рот) [ППЗ 2007: 530];

күр ут болхла, күзү орадг, хорма ут болхла, көл орадг (длинный подол помеха для ног, длинные разговоры петля для шеи) [ППЗ 2007: 272]. Прежде чем что-то сказать, надо хорошо подумать.

Положение человека в обществе занимает важное место в культуре любого народа. От благосостояния зависит уважение, почет или, наоборот, пренебрежение. Понятие богатства и бедности представлены параллельно друг другу. Данные значения локализуются в таких соматизмах, как сытый желудок и жир:

өөкн дотрк бөөр мет, өндгн дотрк уург мет (словно почки в жиру, сале, словно желток в яйце) [ППЗ 2007: 337];

өндгнә уург мет, өөкн дотр бәәх бөөр мет (словно желток в яйце, словно почки в жиру) [ППЗ 2007: 619];

киимнь һолиһәд, кишгнь ирәд (толстая кишка его жиром налилась, счастье его пришло) [ППЗ 2007: 550].

Богатому везде слава и почет, дорога всегда открыта: *гер бәрснь – үүдн хоорнд, гесән илснь – деед бийд* (кто поставил юрту – у двери, кто поглаживал живот – на почетном месте) [ППЗ 2007: 93].

При своем богатстве зажиточный человек жаждет еще большего состояния, ему всего мало: *гесн цадв чиг, седкл цадх уга* (хотя желудок сытый, но душа не насыщается) [ППЗ 2007: 499].

Богатый равнодушен, глух к чужому горю: *цадхлң гесн ямаран чиг зовлң меддг уга* (сытый желудок ко всем бедам глух) [ППЗ 2007: 179];

нойнла наадсн – толһа уга, нохала наадсн – хорма уга (играть с нойоном всё равно, что лишиться головы, играть с собакой – всё равно, что потерять полы) [ППЗ 2007: 430];

нохала баашлвл тәкм уга, нойнла баашлвл толһа уга (играя с собакой, можешь лишиться подколенного сухожилия, играя с нойоном – можешь потерять голову) [ППЗ 2007: 131].

Подробно представлена группа ФЕ, которые описывают бедность: *киисндән күрдг киилг уга, кирән арчх альчур уга* (нет рубашки, чтобы закрыть пупок, нет платка, чтобы вытереться) [ППЗ 2007: 143]. Желудок бедняка всегда пуст: *гер уга күүнә геснь өлн гидг* (бездомный вечно голоден) [ППЗ 2007: 93]. Бедность сопряжена с трудностями, с отсутствием средств к существованию, пропитанию. А рядом с богатым всегда есть пища: *ной дахсн амн тоста, нутг дахсн нүдн герлтә* (следуешь за нойоном – рот в масле, следуешь за нутугом (с близкими) – глаза радуются) [ППЗ 2007: 128].

Подхалимство часто связано с определенной позой, соответствующим поведением. Описание внешнего поведения человека, ищущего выгоду, передается с помощью лексемы *сәәр* «крестец, поясница», *амн* «рот». Подхалим становится чересчур ласковым: *сәәрсн күүнә сәәр мааҗҗ өгх, муурсн күүнә толһа деер һарх* (почесывать поясницу человеку, который поднялся, сесть на голову тому, кто испытывает трудности) [ППЗ 2007: 495]. Пренебрежение к бедному ассоциируется со словосочетанием «сесть на голову». Льстит человек с помощью речи, красивых слов: *авсн күмни һар җөөлн, идсн күмни амн җөөлн* (у берущего руки короткие, у кушающего – уста ласковые) [ППЗ 2007: 272].

В калмыцкой фразеологии прослеживается отношение к должнику, который может быть нечестным и не вернуть долг в срок: *һарарн өгәд, көләрн авдг бичә болтха* (берут рукой, но и дают той же рукой) [ППЗ 2007: 323]. Не нужно претендовать на чужое: *күмни һарин тос долахар, эврәннь һарин ус дола* (чем облизывать масло с чужой руки, лучше слизывать воду со своей руки) [ППЗ 2007: 320]. Надо надеяться на собственные силы, свои возможности и зарабатывать самому: *күүнә һарт наалдсн тос долахд хату* (нелегко слизывать масло, которое прилипло к чужой руке) [ППЗ 2007: 210].

Выводы по главе

Языковая картина мира сформирована на принципах антропоморфности, поскольку представления об интеллектуальных и внутренних свойствах человека, его эмоциях и чувствах отражаются через определенные части тела. Можно сделать вывод, что «внутренний» человек во фразеологии моделируется по аналогии с «внешним» человеком. Данные лексемы человек наделяет различными характеристиками.

«Внешний» человек является коммуникативно-экспрессивным образом. В описании его наружности отражается его внутренний мир, основанный на национальном, психоэмоциональном, личностном и интеллектуальном мировосприятии. А внутренний мир, настроение отражается на внешности. Так складывается целостный образ человека в калмыцком языке и культуре, устанавливается неразрывная связь «внешнего» и «внутреннего».

Рассмотренные соматические фразеологические единицы позволяют сделать вывод о метафоричном характере языкового мышления. СФЕ, которые образуются с помощью метафоры, можно назвать ассоциативными. Признаки, которые лежат в их корне, зачастую не свойственны самим явлениям, но отражают особенности национально-культурного восприятия конкретного этноса.

Соматизмы – это важный код культуры, охватывающий широкий круг категорий мышления. СФЕ выступают неотъемлемой частью описания важных сфер жизни и деятельности человека, несут культурно-национальную маркировку.

Отдельную группу составляют ФЕ с лексемами, обозначающими части тела животных. Метафоры в составе таких СФЕ отражают образ жизни в прошлом кочевого народа. Все это позволяет воссоздать языковую картину мира этноса, его быт, основные виды деятельности и промыслы народа.

ГЛАВА 3. Семасиология соматизмов как компонента фразеологизмов

3.1. Внешние части тела человека

Семасиология (анг. semasiology, фр., нем., исп. semasiologie (a)) – раздел языкознания, изучающий значение (содержание, внутренную сторону) языковых единиц [Ахманова 1969: 401].

Теорию семасиологического описания языка предложил Ф. де Соссюр, который впервые в лингвистике сформулировал принцип знака. По его мнению, в знаке заключаются главные свойства естественного языка, а «звуки становятся знаком понятия» [Соссюр 1977: 145]. Однако принцип семасиологического описания языка и создание метасистемы он осуществил только в отношении системных средств.

В. Гумбольдт придал понятию «внутренней формы» своеобразный смысл, приравняв ее к механизму, который предопределяет особенности «национального характера народа», его мышления. Он отождествил содержательную сторону языка с познавательной и мыслительной деятельностью человека [Уфимцева 1986: 63].

В противоположность теории описания языка Соссюра Э. Бенвенист создал теорию и метод описания языка, как единую семасиологическую концепцию. Он разграничивает структуру описания и онтологическую структуру объекта самого языка [Степанов 1974: 9].

А. А. Уфимцева рассматривает многозначность как способность слова варьировать свое лексическое значение [Уфимцева 1986: 25]. Многозначность как языковое явление тесно связана с вторичной номинацией. «Вторичная лексическая номинация – это использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [Телия 1977: 129]. Она может иметь языковой и речевой характер. В первом случае мы имеем дело с вторичной номинацией принятой языком. Во втором случае имеется в виду окказиональная

номинация. При этом существенной разницы между двумя типами нет. В языке закрепляются наиболее логичные варианты, восполняющие недостаток номинативных средств.

В сфере вторичной номинации существуют два принципиально различных способа отображения действительности и отнесения смыслового (понятийно-языкового) содержания наименований к обозначаемым объектам:

1) Непрямое отображение внеязыкового объекта, опосредуемое «предшествующим» значением слова, те или иные признаки которого играют роль внутренней формы, переходя в новое смысловое содержание.

2) В создании новой лексической номинации участвуют более одной «предыдущей» языковой номинации, и все они оказывают влияние на новую языковую номинацию.

Отметим, что при рассмотрении соотношения «язык-мышление» следует обратить внимание на материализацию языком мысли, познание начинается не с мыслей, а именно с наблюдения. При соотношении «язык – окружающий мир» язык выполняет функцию средства репрезентации материального мира [Уфимцева 1986: 70].

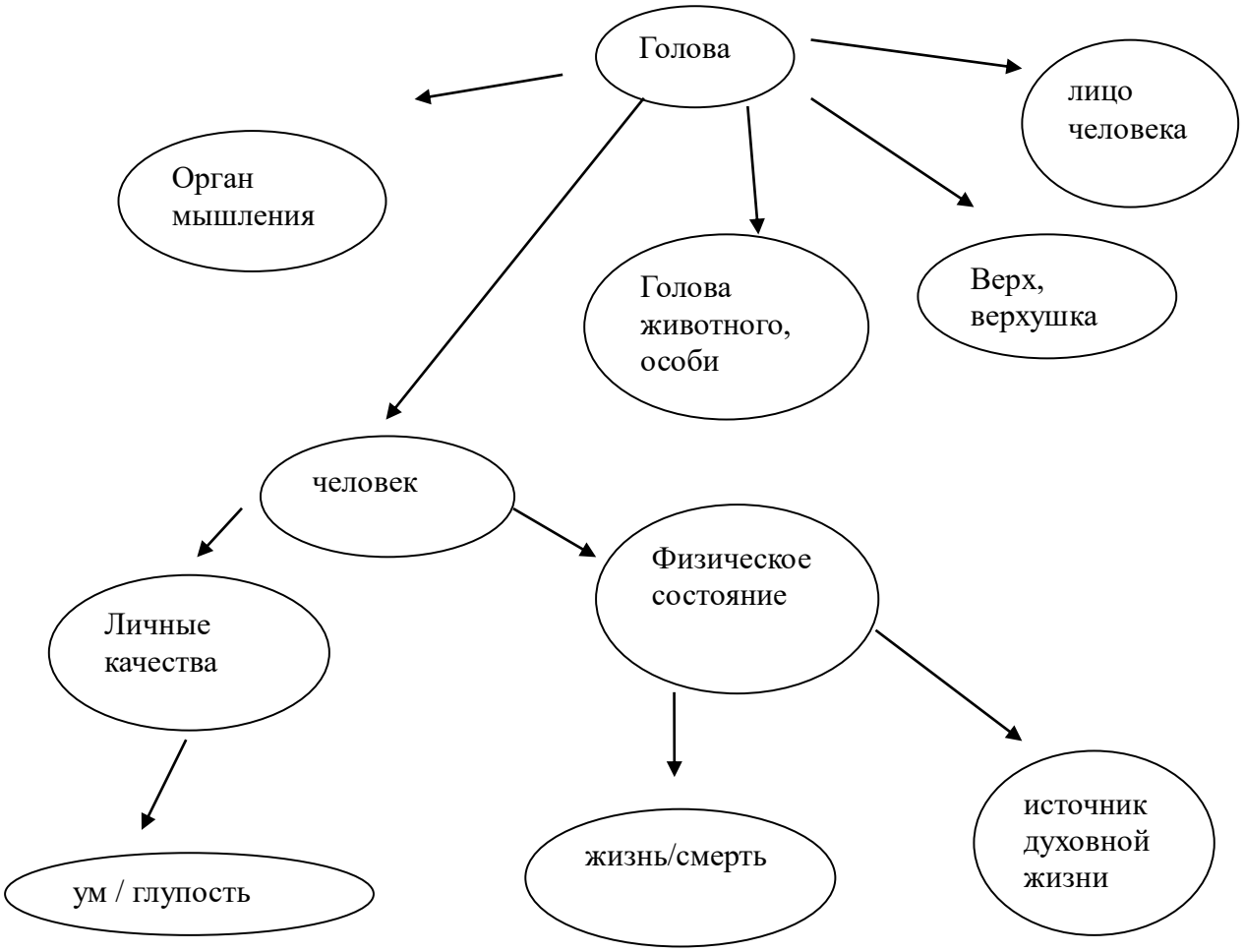
Структурно-семантический аспект раскрывает внутреннюю семантическую производность слова. При этом учитывают различные семантические включения и смысловые возможности слова. Его лексическое значение включает: а) обыденное или научное понятие; б) дополнительные созначения (коннотации). Что касается тематических групп ФЕ, то их формирование происходит за счет объединения исходных образов на основе внутренней мотивировки.

Таким образом, обогащение знания о мире удобно и естественно фиксировать с помощью уже известных образцов, закрепленных в лексических значениях. Чем больше общих черт у существующего значения слова и у познаваемого объекта, тем выше шанс избрания этого слова для обозначения этого объекта.

В данной главе рассмотрены соматические фразеологические единицы по принципу частотности – от большего к меньшему. Схемы сделаны только для наиболее частотных СФЕ.

3.1.1. Структура значений лексемы *толһа* (голова)

Материалом исследования послужила авторская картотека, созданная на основе сборников «Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая» [ППЗ 2007], калмыцких пословиц, поговорок и загадок, изданных В.Л. Котвичем [1905], Б. Басанговым [1961], Б. Букшаевым и И. Мацаковым [1960]. Методом сплошной выборки было выявлено более тысячи соматических фразеологических единиц. В работе используется 63 лексемы-соматизма. Данные СФЕ были ранжированы по лексико-грамматическому признаку и частотности.



Рассмотрим лексему *толһа* (голова). Выявлено 67 ФЕ с данным соматическим компонентом.

1. *Толһа* (голова) регулирует мышление, ее главное предзначение – мыслительная, интеллектуальная деятельность, т.е. голова управляет мышлением и рассудком. В ряде СФЕ обращается внимание на интеллект человека (наличие/ отсутствие разума):

толһань оңгдан болхла, ухань чигн оңгдан (в разных головах разный ум) [ППЗ 2007: 228],

һарарн нег кү дишлхлә, толһаһарн миңһиг дишлдг (руками можно одолеть одного, умом можно победить тысячи) [ППЗ 2007: 231].

Отсутствие умственных способностей человека отражается в соматических фразеологических единицах:

эргү толһа көл амрадг уга (от дурной головы ноги не знают покоя) [ППЗ 2007: 470];

толһад экн уга болхла, хойр көлд чигн амр уга (когда в голове отсутствует мозг, то и ноги не знают покоя) [ППЗ 2007: 231];

толһа талдан болвл, зүүдн талдан, тәрк оңгдан болвл, ухан оңгдан (когда голова другая, то и сон другой; если мозг другой, то и ум другой) [ППЗ 2007: 221].

Голова **олицетворяет** ум, мудрость, имеет переносное метонимическое значение ‘сознание’, ‘разум’:

толһа бәәвл махла олдх (была бы голова, а шапка найдется) [ППЗ 2007: 92];

залху һарла ухата толһа элгн-садн болдг уга (умная голова – не родня рукам лентяя) [ППЗ 2007: 506];

толһад ухан уга болхла, хойр көлд чигн амр уга (если в голове отсутствует ум, то ноги не знают покоя) [ППЗ 2007: 231].

тенг толһа көлән эцәдг (дурная голова ногам покоя не дает, букв. худеет) [ППЗ 2007: 467]. В сочетании с прилагательным *тенг* «глупая» соматизм «голова» указывает на умственные недостатки человека.

Встречаются СФЕ со значением **рассудительности**, умения выйти из трудной ситуации:

- *толһа мend бәәхлә хот олдх* (если есть голова, то и пища будет) [ППЗ 2007: 92];

- *толһа мend бәәхлә токуг шиврлг олдх* (когда голова цела, токуги и шиверлик найдутся – относится к женщинам) [ППЗ 2007: 92].

Интересно, что в калмыцкой традиции отсутствуют примеры фразеологизмов с соматическим компонентом «голова» человека в значении анатомического органа, покрытого волосами. Хотя в других языках, например, в русском, такие ФЕ достаточно распространены (*голова побелела, рвать на себе волосы,* т.е. сокрушаться и т.д.).

2. Голова (*толһа*) регулярно употребляется в значении ‘**голова животного’**. Это связано с тем, что традиционное занятие калмыков – кочевое скотоводство. Широту связей соматических ФЕ с окружающей действительностью можно объяснить онтогенетическими функциональными свойствами частей тела, потому представление о жизни складывается преимущественно через сравнение с животными. На протяжении многих веков калмыки-кочевники разводили четыре основных вида скота – лошадей, овец, крупный рогатый скот (коровы, быки), верблюды, которые обеспечивали наших предков всем необходимым как для питания, так и служили исторчиником материалов для сооружения жилища и пошива одежды. То есть человек познает себя через соматизмы, отражающих не только его строение, но и традиционную культуру, общественный быт, хозяйственную деятельность. Причем чаще всего исползьуются в форме оценочно-сравнительных этнокультурных кодов:

төрин күмн төвкнүнь сән, төлгин толһа мөлҗүртәнь сән (хорошо, когда государственный муж спокойный, хороша для обгладывания голова барашка) [ППЗ 2007: 359];

занын сүл болхар, ботхна толһа бол (чем быть хвостом слона, лучше быть головой верблюжонка) [ППЗ 2007: 346].

4. Голова человека находится сверху тела, с этим связаны метафоры с семой ʻ**верхушка, верхняя часть**ʼ**:** *өндр хадын орад модн уга, барум толһад цецн уга* (на верхушке высокой горы отсутствует растительность, в голове возгордившегося отсутствует мудрость) [ППЗ 2007: 254].

В сознании калмыков человеческое тело делится на две части – верхнюю и нижнюю. Данное вертикальное членение совпадает с устройством мира: голова и другие верхние части тела соотносятся с небом, нижние части – с землей. В калмыцкой культуре голова является одним из важнейших органов человеческого тела – **верхом в анатомическом коде**:

күүнә кеерүл – толһа, толһан кеерүл – экн (голова украшает человека, ум украшает голову) [ППЗ 2007: 400];

төө тарһнас толһан мендньдеер (чем иметь жир толщиною в пядь, лучше иметь здоровую голову) [ППЗ 2007: 422].

5. СФЕ может давать **характеристику качеств человека**, его сущности: *мал мууһан саҗдг, махла толһаһан дардг* (скотина бодает тех, кто послабее, а шапка давит голову всякого) [ППЗ 2007: 457];

залхунь толһа өвдләгих, мектәнь амнаңһала гих (ленивый скажет, что голова разболелась, а хитрый скажет, что пить захотелось) [ППЗ 2007: 507].

6. Встречаются примеры, в которых лексема «голова» выступает в качестве **главного жизненно важного органа**. Данный соматизм приобретает значение ʻжизньʼ, ʻсудьбаʼ. Голова олицетворяет саму жизнь, а ее потеря означает смерть:

нег толһад – нег үкл (одной голове – одна смерть) [ППЗ 2007: 308];

тоха келтрвл, ханцн дотр, толһа келтрвл, махла дотр (если сломается локтевая кость, то останется в рукаве, если сломается голова, то останется в шапке) [ППЗ 2007: 431].

Голова представляет собой **средоточие и источник жизни человека**: *күмнд түрүнь – толһа, хувцнд – зах* (голова – это самое важное у человека, воротник – это главное у одежды) [ППЗ 2007: 16];

maph хархар толһаһан хар (дорожить надо головой, а не дородностью) [ППЗ 2007: 92].

7. В калмыцкой культуре голова как субъект действия может испытывать болевые ощущения, переживания, т.е. данный соматизм в качестве имени объекта действия зачастую образует глагольные сочетания, в которых описывается **физическое состояние человека**: *хур орхла һазр сергнә, худл һархла толһа эргнә* (когда дождь идет – земля освежается, когда ложные слухи пускают – голова кружится*)* [ППЗ 2007: 531].

Также в калмыцких пословицах и поговорках описываются движения головой, например, *мотать головой*. Этот жест означает отрицание, неприятие, отказ от чего-либо:

белн болхд аман аңһаж, берк болхд толһа зәәлдг (когда готово – рот раскрывает, когда трудно – головой мотает) [ППЗ 2007: 509].

Жесты, совершаемые головой, могут указывать на эмоциональное состояние человека, например, чувство обиды, вины. Голова отвечает за все поступки и действия человека:

өөдән хайсн чолун, эврә толһа деер ундг (камень, брошенный вверх, падает на собственную голову) [ППЗ 2007: 118].

Интересно, что в калмыцкой фразеологии, в отличие от русской или немецкой, отсутствуют примеры, где лексема голова дает цветовую характеристику волос: *убеленный сединой, волосы побелели.*

8. Лексема *толһа* «голова» в паремиях образно воспринимается как **емкость, содержащая мозг**:

толһаһинь илҗ бәәһәд тәркинь сөрх (поглаживая ему голову, высосать мозг) [ППЗ 2007: 494]. Данный соматизм является местом локализации мыслей, органом памяти.

9. Голова употребляется в метонимическом значении, когда речь идет о человеке, носителе определенных свойств. Практически нет паремий, в которых было бы указание на размеры головы. Однако встречаются паремии со значением ‘**здоровая голова’**:

томтарһнас толһа бүтнь (чем чрезмерная полнота, лучше здоровая голова) [ППЗ 2007: 422].

Лексема голова (*толһа*) человека представлена в пословицах, поговорках и ФЕ калмыцкого языка как частый ассоциативный элемент:

эзн уга һазрин һаха толһа деер һарна (букв. бездомная собака может взобраться на голову, перен. наглец может взобраться на голову) [ППЗ 2007: 101].

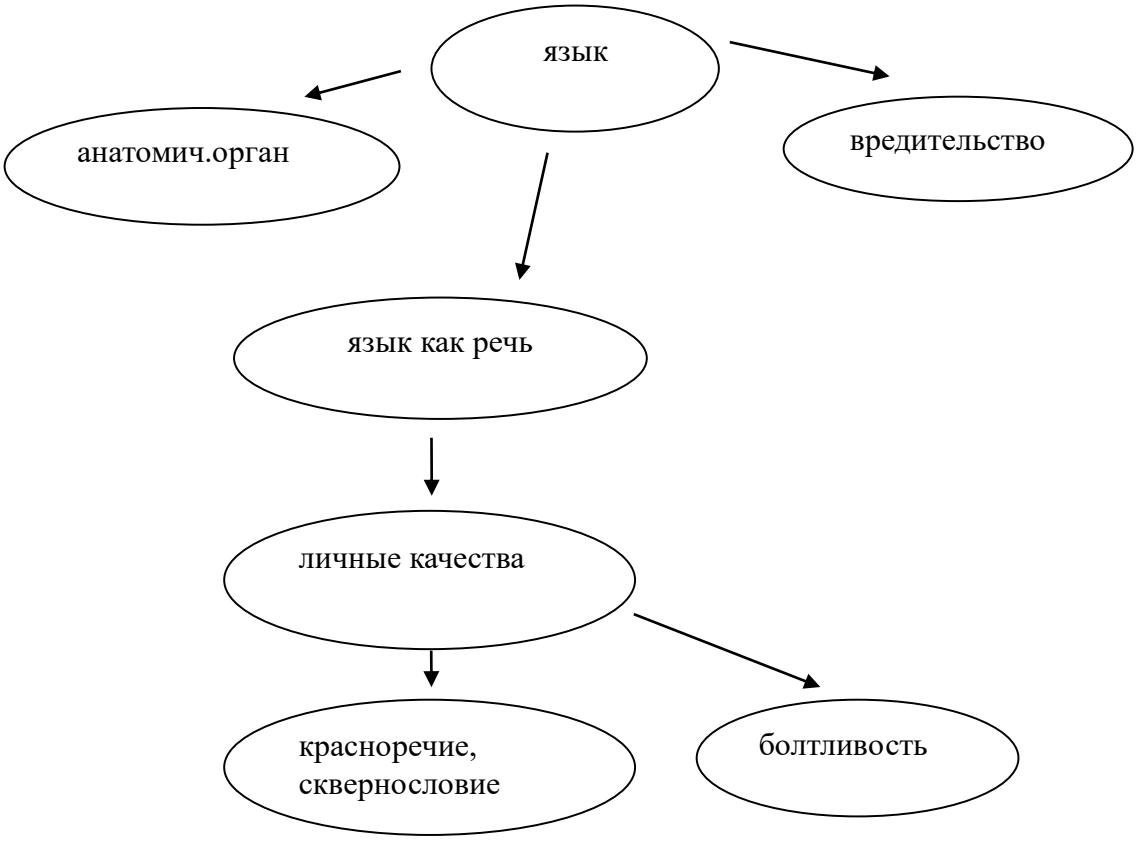
цецн – күүнә толһад, уяч күүнә – һарт (талант умного – в голове, талант портного – в руках) [ППЗ 2007: 253];

келнә гем – толһад (букв. по вине языка достается голове) [ППЗ 2007: 259];

эврәннь толһадк өвриг үзл уга, күмни толһад көвсиг үзнә (не замечая на своей голове рога, видит на чужой голове соломинку) [ППЗ 2007: 334].

хортан аврсн күн хәрү толһа деерән савата (спасти своего врага все равно, что снова занести палку над своей головой) [ППЗ 2007: 317].

3.1.2. Структура значений лексемы *келн* (язык)



Согласно классификации Н.Д. Арутюновой и А. Вежбицкой лексема язык относится к внешним частям тела. По их мнению, ко внутреннм относятся только те органы, которые нельзя увидеть без разрушения организма.

Выявлено 62 ФЕ с соматическим компонентом *келн* (язык). Он является одним из пяти органов восприятия, в частности органом ощущения вкуса.

1. Лексема *келн* в калмыцком языке в значении анатомического органа практически не употребляется. Хотя, например, фразеологизм *келнә махнд ясн уга* (в языке нет костей, букв. в мясе языка нет костей) [ППЗ 2007: 259], использующийся в значении ‘болтливый’, в определенной степени отражает и физиологическую особенность данного органа.

2. Первый символический смысл языка – коммуникация, общение. С помощью языка человек получает и передает информацию. Таким образом, данному органу присуще это главное значение. Часто *келн* обладает

значением виновного в излишней болтливости. В таком случае эта лексема содержит отрицательную окраску: *үгчрхг экнрин келн хурц* (язык болтушки остер) [ППЗ 2007: 531]. Ср. рус: остер на язык. Данный соматизм также варьируется в ФЕ с использованием разных существительных:

келн - утхас хурц (язык острее ножа) [ППЗ 2007: 256];

келн үлдд орхнь хурц (язык острее сабли) [ППЗ 2007: 255].

За несдержанность в речи человек получает наказание или страдает от собственной болтливости:

келнә утнь бий орадг, хорман утнь көл орадг (длинный язык самому себе вредит, длинный подол ногам мешает) [ППЗ 2007: 259];

келнә дәәсн – бийд (враг языка – ты сам) [ППЗ 2007: 259];

келнә гем – толһад төмр сав (по вине языка страдает голова) [ППЗ 2007: 259];

яб келн һазр доладг (тот, кто всё время пререкается, языком лижет землю) [ППЗ 2007: 257] – бывает наказан.

За все проступки придется расплачиваться:

нүүлән нульмсарн уһах, килнцән келәрн долах (грехи смывать слезами, проступки слизывать языком = греховное деяние замаливать) [ППЗ 2007: 193].

3. Существует множество примеров с дополнительной семой «лентяй», «пустослов»:

келнь – белн, кеснь салң (в обещаниях быть мастером, на деле – не стараться) [ППЗ 2007: 261],

келнь җөөлн, кехнь хату (на слова – мягок, на дело – (тверд = скуп) [ППЗ 2007: 261].

4. Язык как способ ‘нанести вред’:

хорн келн хурц зүүнәс әәмшгтә (злобный язык страшнее острейшей иглы) [ППЗ 2007: 257].

Следует отметить группу фразеологизмов с компонентом-соматизмом, которые различаются между собой сочетанием с разными глаголами, неся при этом одну и ту же смысловую нагрузку. Например:

күүнә келнд күр чолун чигн күүрдг (человеческие языки разрушат даже камень) [ППЗ 2007: 260];

хурц келнәс хад чолун шуурдг (скала растрескается от острого языка) [ППЗ 2007: 257]. С помощью языка можно обидеть человека, довести то стрессового состояния.

5. Язык сравнивается с оружием, наносящим физическую боль, – смечом, саблей, плетью или непосредственно с действием – ударом:

үлдин шав эдгдг, келнә шав эдгдг уга (рана от меча заживает, от языка - нет) [ППЗ 2007: 260];

месин шарх эдгдг, келнә шарх эдгдг уга (рана от сабли заживет, рана от языка – нет) [ППЗ 2007: 260];

малян шарх бүрлддг, келнә шарх бүрлддг уга (рана от плети затянется, от языка – нет) [ППЗ 2007: 259];

малян шарх эдгдг, келнә шарх эдгдг уга (рана от плети заживет, от языка – нет) [ППЗ 2007: 259];

цоклһна шарх әрлдг, келнә шарх әрлдг уга (рана от удара пройдет, рана от языка – не пройдет) [ППЗ 2007: 258];

эврә ээҗин келн элсн тоңһргин ир, күүнә ээҗин келн күц тоңһргин ир (язык родной матери словно острие тупого ножа, язык чужой матери словно лезвие бритвы) [ППЗ 2007: 48].

6. На основе функционального переноса для этого слова сформировано значение «орган речи». В составе данной лексико-семантической группы выделяются ФЕ со значением ‘молчаливость’:

келнә гисн угән келн доран, кенә гисн кергән хорма доран (хотел было сказать, да придержал язык, хотел было сделать, да расхотел) [ППЗ 2007: 260].

Поскольку язык является средством общения, то его главная функция – коммуникативная: *көлгнə сəəнд һазр тань, келнə сəəнд күүнлə таньлд* (пока средство передвижения в хорошем состоянии – познавай местность, пока язык искусен – знакомься с людьми) [ППЗ 2007: 260].

7. Большой интерес представляют соматические фразеологические единицы в значении ‘злословие’, которые, судя по примерам, характеризуют преимущественно женщину. Именно ей свойственна несдержанность, болтливость, злословие:

утхан бүлүдсн залу – мах иддг, келəн бүлүдсн гергн маля үздг (мужчина, который точит нож, употребляет мясо; женщину, которая точит язык, ждёт наказание) [ППЗ 2007: 33].

8. Метонимический перенос способствует возникновению значения ‘язык – речь’ – говорить приятное, разливаться соловьем:

күн – келəр, кимр – əəргəр (человек выделяется речью, а кимер разбавляется кумысом) [ППЗ 2007: 258];

келтəнь – уралан, келн угань – хооран (красноречивый (= языкастый) впереди, неискусный в речах – позади) [ППЗ 2007: 261];

келнəннь кеег һарһж, керсңгинн цаһаныг үзүлх (красоту своей речи / своего языка продемонстрировать, белизну груди своей показать) [ППЗ 2007: 259];

келн деернь – бал, бурм, кеврдг дотрнь – күр чолун (на языке – мед, сахар, в груди – камень-валун) [ППЗ 2007: 256].

8. Калмыки исповедуют буддизм. Поэтому многим событиям, происходящим с ними, люди придавали божественный смысл. Так, согласно буддизму всё, что бы не попробовал бурхан[1], пусть даже некачественное, превращается в нектар. Свидетельством этому служит пример:

келн деерəн келдг бурхн зать хойр, седклин мууһас үүсдг ур килң хойр (на языке Будда и мускатный орех, от злого сердца – ярость и гнев, букв. на языке сами говорим Будда, а в мыслях порождаем гнев) [ППЗ 2007: 256]. Ср.:

[1] Бурхан – божество.

хооларн маань уншж, хошуһарн хорха түүх (во все горло читать молитвы, ртом ловить насекомых) [ППЗ 2007: 190].

Таким образом, в калмыцком языке преобладают фразеологические единицы с соматизмом *келн* в основном с отрицательным значением. Данная лексема преимущественно ассоциируется с ложью, злом:

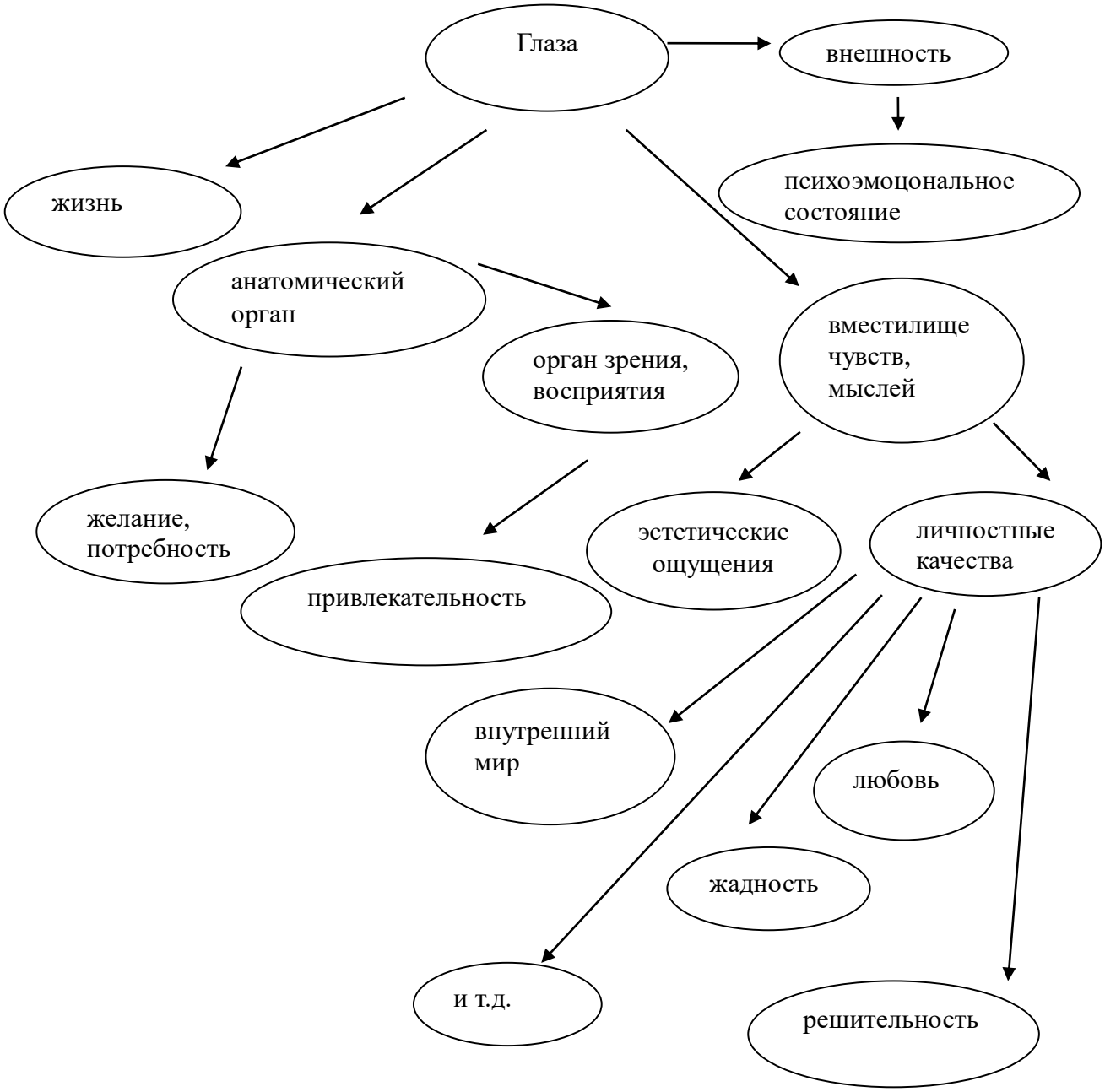
күүнә келн хорта (язык человека ядовитый) [ППЗ 2007: 261];

худлын келн ут, болв чиг көлнь ахрхн (у длинного языка ноги коротки) [ППЗ 2007:534].

Близость и привязанность также передаются с помощью данной лексемы: *зөркәдсн урлд келн тусдг, зүркни иньгт нүдн тусдг* (букв. к потрескавшимся губам льнет язык, к возлюбленной устремлены глаза) [ППЗ 2007: 394].

Основные значения ФЕ с лексемой «язык» – это ‘пустослов’, ‘болтун’, ‘лентяй’, а также ‘нанесение вреда, причинение боли’, причем СФЕ с противоположным смыслом, например, со значением ‘молчаливый’ встречаются в единичном случае. Есть фразеологические единицы с положительной оценкой языка, но их тоже немного. Можно сделать вывод, что язык характеризует человека, благодаря речевому поведению проявляются его внутренние качества. Изучение и анализ соматической фразеологии позволяют раскрыть мир смыслов и ценностей этноса.

3.1.3. Структура значений лексемы *нүдн* (глаза)



Выявлено 45 ФЕ с соматическим компонентом *нүдн* (глаза). Глаза являются парным органом зрения, который находится на лице. Одна из главных функций данного соматизма с точки зрения анатомического органа – визуальное восприятие. В составе фразеологизма «нүдн» – глаза имеют лексическое значение ‘орган зрения’. Глаза зрительно воспринимают окружающую действительность, через них человеку передается основная

информация о внешнем мире. СФЕ с данным значением делятся на следующие группы:

1. глаза как зрительный орган: *буута нәәҗмн аңчни баралх нүдн хүрц, бичгтә ханьлсн күмни бодлһ тәрк хурц* (у охотника, который дружит с оружием, глаз острый; у человека, который дружит с грамотой, ум становится острым) [ППЗ 2007: 604];

2. глаза как восприятие реальности: *эврәннь нүдән үлүкн итк, күмни үгиг дуту итк* (следует доверять собственным глазам, но не словам других) [ППЗ 2007: 408], *ухан күрм уга һазрт нүдн күрдг уга* (если умом до этого не дойти, то и глаза не увидят) [ППЗ 2007: 222].

3. А.П. Рифтин наделяет глаза такой характерной чертой, как «...зрительная направленность и установка, которые связаны с ориентированием в пространстве... восприятие является осознанием выделенного предмета, который включает в себя осмысление и анализ объекта внимания...» [Рифтин 1946: 138]. Так, «нүдн» – глаза на основе метафоры представляют собой орган ментального зрения: *нүндән нүүһүл наасн, нүүртән ишкә наасн* (букв. глаза закрыты завесой, лицо – кошмой) [ППЗ 2007: 540]. Данный фразеологизм употребляется в значении «ничего не слышу, ничего не вижу», когда человек не хочет воспринимать реальность или равнодушен к чему-либо.

4. С помощью данной лексемы передаются **эстетические ощущения**: *өндр уул деер һархла, нүднә сергмж, өвгн күүнлә күүндхлә, чееҗин сергмж* (если взойти на высокую гору – глазами ощущается простор; если говорить со старцем – сердце наслаждается) [ППЗ 2007: 109];

ховдгин нүдн юмнд цадх уга, үквл шорад цадна (жадный с ненасытными глазами, после смерти землей насытятся) [ППЗ 2007: 497], *гесн чадв чиг нүдн цадх уга* (хотя желудок сытый, но глаза не насытятся) [ППЗ 2007: 499].

5. Глаза по своей анатомии способны выделять слезы (внешняя характеристика), которые отражают внутреннее состояние: *уульхин дурн бәәвл, сохр нүднәс нульмсн һарна* (когда захочешь рыдать, и незрячие глаза

наполнятся слезами) [ППЗ 2007: 412], т.е. горе и страдание могут настигнуть каждого.

6. В калмыцком языке имеются примеры, дающие оценку поведению, характеру. Данные ФЕ с компонентом «часть тела» являются наиболее продуктивными: *чееж муңхгин нүдн сохр* (кто с невежественной душой, у того и глаза незрячие) [ППЗ 2007: 237], *нүднд хонсн хоңцла әдл* (букв. как бельмо в глазу) [ППЗ 2007: 338] или *үксн керә нүдим чоңкг* (букв. да выклюет мертвая ворона мне глаза) [ППЗ 2007: 312] – клясься в чем-либо.

7. Глаза могут передать ненависть или любовь:

зөркәдсн урлд келн тусдг, зүркни иньгт нүдн тусдг (к потрескавшимся губам льнет язык, к возлюбленной устремлены глаза) [ППЗ 2007: 394]; *дурн угад нүдн уга* (у кого нет любви, у того нет и глаз) [ППЗ 2007: 412]. Глаза выступают и как показатель доверия: *эврәннь нүдән үлүкн итк, күмни үгиг дуту итк* (надо доверять собственным глазам, чем словам посторонних) [ППЗ 2007: 408].

8. Они также раскрывают внутренний мир человека:

өндр толһа деер һархла, нүднә хуҗр хандг, өвгн күүнлә күүндхә, чикнә хуҗр хандг (с высокого кургана смотреть – глазам приятно, беседовать со старцем – ушам, слуху приятно) [ППЗ 2007: 109]. Данный орган принято считать зеркалом души, которое может отражать не только любовь или доброту, но и ложь, гнев, ненависть или жадность. Человек без моральных ограничений, который готов на всё ради денег: *мөңгнд нүдн уга* (у денег нет глаз) [ППЗ 2007: 201].

9. Зрение помогает человеку познавать окружающую реальность, проявлять эмоции, радость, злость и т.д. Поэтому «нүдн» (глаза) – это важный выразитель чувств. СФЕ с данным компонентом являются наиболее частотными. Глазам свойственные разные характеристики, участвующие в описании личностных качеств и ситуаций: *дурн угад нүдн уга* (если любовь отсутствует, то и глаз нет) [ППЗ 2007: 412].

Таким образом, глаза способны передавать различную информацию. Данный соматизм имеет большое семантическое поле, что дает право говорить о важности данных фразеологизмов в калмыцком языке. Также лексема «глаза» может легко сочетаться с остальными словами, вместе они образуют разные семантические типы. Высокая продуктивность в калмыцком языке свойственна семантическомутипу с функцией данного соматизма – зрением.

10. ФЕ с компонентом «часть тела» имеют понятие «психоэмоциональное состояние»:

Глаза являются одной из важных частей тела, без которых трудно представить полноценное существование, это отразилось во фразеологии. Так, этот орган зрения сравнивается с родиной: *төрскнән эврәннь нүднлә әдл хар* (родину надо беречь как свои глаза) [ППЗ 2007: 104].

Соматические фразеологизмы с лексемой *нүдн* «глаза» имеют богатую семантику. «Тем, что определило широкую семантику лексемы глаза и является ядром данного соматизма, выступает понятие «глубинная сущность предметов». Данная семантическая основа позволяет развивать другие образные значения, которые сгруппированы вокруг соматизма глаза. Парный орган называют «сущностью мира и души», что определяет характер иповедение человека» [Авалиани 1976: 6].

11. СФЕ с частью тела «глаза» отражаются в устойчивых выражениях с семой «желание». Это можно объяснить функцией данного органа, конкретно функцией «зрачков, находящихся в постоянном движении. Их остановка связана с объектом, привлекшим внимание» [Урысон 2003: 91]. Так, объекты, на которых останавливается взгляд, называются желаемыми. Это вполне естественно, ведь человек желает увиденные предметы, что отражается в языке:

зүркн туссн иньгәс нүдн хөөһхш, зөркә һарсн урлас келнә үзүр хөөһхш (от любимого человека глаза не отвести, от потрескавшихся губ кончик языка невозможно оторвать) [ППЗ 2007: 391];

сән идән шүдни һол, сән күүкн нүдни һол (хорошую пищу схватывают зубы, хорошую девушку замечают глаза) [ППЗ 2007: 56].

Когда необходимо подтвердить свою правоту, то человек клянется наиболее важными частями тела, в частности, глазами:

үксн керә нүдим чоңкг (если не прав, тогда пусть мертвая ворона выклюет глаза, букв. мертвая ворона глаза склёвывает) [ППЗ 2007: 312];

нүдәр тусхин өрнд күмсгәр тусг (пусть не в глаз, а в бровь, букв. чем попадать в глаз, лучше – в бровь) [ППЗ 2007: 345].

12. Глазам доверяют в первую очередь, поскольку это один из важных органов восприятия: *нүдн үннч, чикн худлч* (глаза правдивы, уши лживы) [ППЗ 2007: 407,535].

Бытовые неудачи и провалы человек также сравнивает с соринкой в глазу: *нүднд өрсн бог шиңг, шүднд өрсн махн* (соринка попала в глаза, мясо застряло в зубах) [ППЗ 2007: 616];

хоңцла әдл (словно бельмо на глазу, букв. как бельмо) [ППЗ 2007: 338].

13. С помощью глаз человек прежде всего воспринимает внешний вид кого-либо или чего-либо. На метафорической основе выделяется и значение «круглая форма», т.е. что-либо сравнивается с глазами:

күүнә нүдн одта әдл (человеческие глаза подобны звездам) [ППЗ 2007: 338].

Есть ФЕ с семой ‘трусость’:

нүдн әәмтхә, зүркн зөргтә (глаза трусливые, сердце смелое) [ППЗ 2007: 360];

нүдн әәхәс биш, һар әәдм биш (глаза боятся, руки делают) [ППЗ 2007: 567].

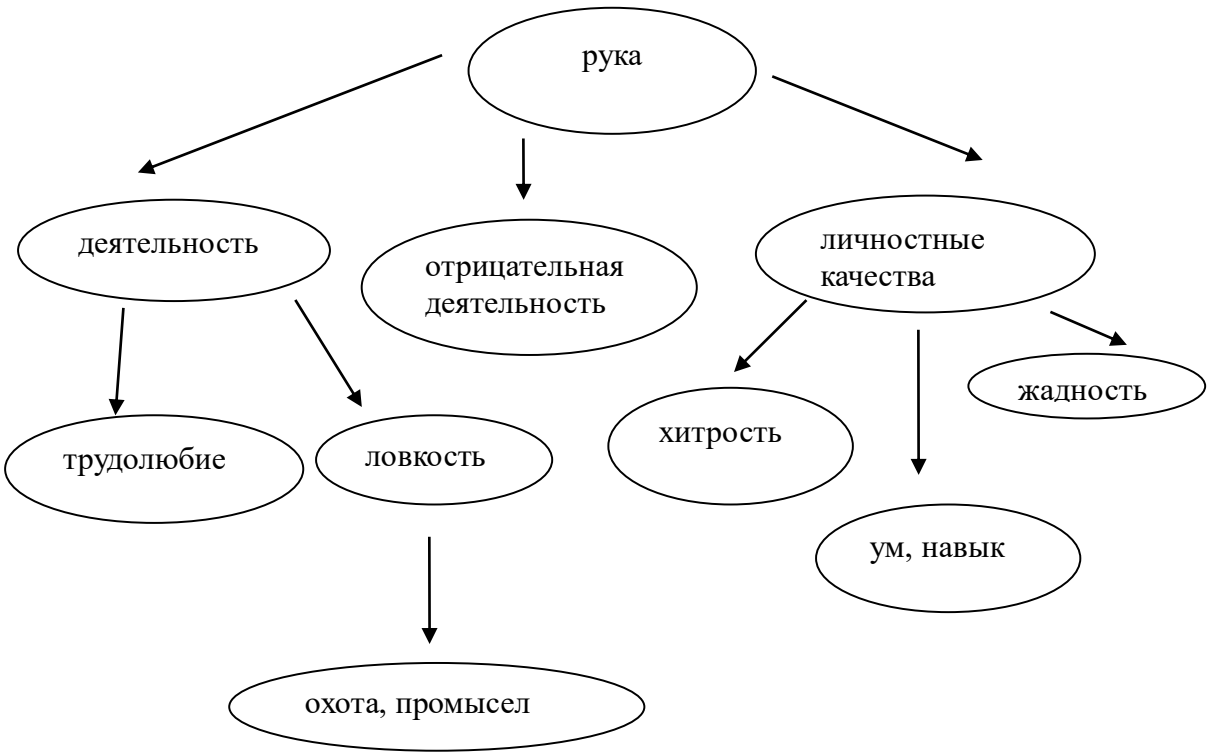
Иногда неодушевленные предметы наделяют функциями частей тела человека: *нүднд хонсн мөңгнд нүдн уга* (у денег нет глаз) [ППЗ 2007: 201];

уул үзх нүдн уга, оошк даах шүдн уга (нет глаз, чтобы разглядеть горы, нет зубов, чтобы съесть легкие) [ППЗ 2007: 144], т.е. не приспособленный ни к чему, никчемный человек.

Небольшое количество примеров связано с такими понятиями, как грех и смерть: *нүүлтәннь – нүдәрнь, нүл уганнь – амарнь* (грешных узнают по глазам, безгрешных – по губам) [ППЗ 2007: 194].

Таким образом, зрение позволяет человеку дать эстетическую оценку тому или иному объекту, увидеть окружающий мир, познакомиться с ним, поэтому глаза – это один из самых ценных и главных человеческих органов. Благодаря зрительному восприятию индивид «понимает, осмысляет объект внимания, анализирует его» [Рифтин 1946: 138]. Данная часть тела обладает умственными способностями, переживает разные чувства и позволяет характеризовать отношения между людьми.

3.1.4. Структура значений лексемы *hap* (рука, руки)



1. Иногда общение наделяется отрицательной коннотацией, например, покрывать темные дела – *hap hapapн угадг* (рука руку моет) [ППЗ 2007: 329];

hapapн авад, hapapн өгдг (берут рукой, но и дают той же рукой, букв. руками берут, руками отдают) [ППЗ 2007: 323].

2. Представители каждого этноса ценили ловкость и силу:

ууһар мөр бәрлһн – улан һарын күчн, тевчңһү сәәхн седкл – ухан билгин күчн (поймать коня крюком зависит от силы рук, а быть обходительным – зависит от ума) [ППЗ 2007: 221];

цалмар агт бәрхд, улан һарин күчн кергтә (поймать коня арканом, зависит от силы рук) [ППЗ 2007: 364];

һарин эрдм күмнд заргдна, чееҗин эрдм күм зарна (умелые руки людям служат, а знания – людьми управляют) [ППЗ 2007: 238].

3.Достаточно редко встречаются фразеологизмы с переносным значением ‘возвращение долга (через руки)’ и ‘способности человека (через руки)’ с положительной и отрицательной оцененкой:

күмни һарин тос долахар, эврәннь һарин ус дол (чем облизывать масло с чужой руки, лучше слизывать воды со своей руки) [ППЗ 2007: 320], т.е. самое лучшее – это заработанное своими руками;

күмни юмнд һаран бичгә сарва (не протягивай руки к чужому добру) [ППЗ 2007: 15]; *һаран будхла, ханцан чигн буддг* (если руки запачкал, то и рукав также запачкаешь) [ППЗ 2007: 427]; вариант – *һар будгдхла ханцн чигн будгддг* (букв. если рукав запачкал, запачкаешь руки) [ППЗ 2007: 330], *күүнә һарар цог бәрх* (чужими руками жар загребать) [ППЗ 2007: 115] – обладание чужим добром.

4. Словом, в калмыцкой культуре поощряется трудолюбие, воспевается честность, порядочность: *мах шиксн күмн һаран доладг* (человек, который крошит мясо, облизывает пальцы, т.е. голодным не останется) [ППЗ 2007: 615]; *тос цоксн күн һаран доладг* (взбивающий масло, лижет руки) [ППЗ 2007: 619].

5. Большое значение отводится навыкам:

тәкм күрх уга һаран, теңгр өөд сарвах (воздеть к небу руки, которые не могут дотянуться до коленного сгиба) [ППЗ 2007: 156] – руки коротки что-либо сделать;

мергниг келсн үгәрнь шинҗл, теңгиг һартк модарнь мед (букв. мудрого узнают по словам, глупого – по палке, что у него в руке) [ППЗ 2007: 251].

6. Представляют интерес фразеологизмы, в которых «рука» приобретает отрицательную окраску благодаря эпитету «чужой»:

күүнә һарар моһа бәрүлх [ППЗ 2007: 114] и *күмни һарар моһа бәрүлх* (ловить змею чужими руками) [ППЗ 2007: 14].

7. Умственные возможности человека также репрезентируются через соматизм *һар* (рука):

булһрсн һар бийд ацан (рука, которую вывихнул, является обузой) [ППЗ 2007: 419], т.е. от глупого толку нет.

8. В калмыцком языке встречается и эквивалент пословицы «рука руку моет», т.е. оказывать услуги в неблагородном деле: *һар һарарн таньдг* (рука с рукой знакома) [ППЗ 2007: 329].

Следующие фразеологические единицы с компонентом-соматизмом «рука» в значении ‘невозможно утаить правду’ или ‘опасность’:

өдрәр һарсн нариг һарар халхлҗ болдг уга (не заслонить рукой дневное солнце) [ППЗ 2007: 210];

иньгәс нүдн хөөһдг уга, шархас һар хөөһдг уга (букв. от любимой глаз не отвести, от болячки руку не убрать) [ППЗ 2007: 391];

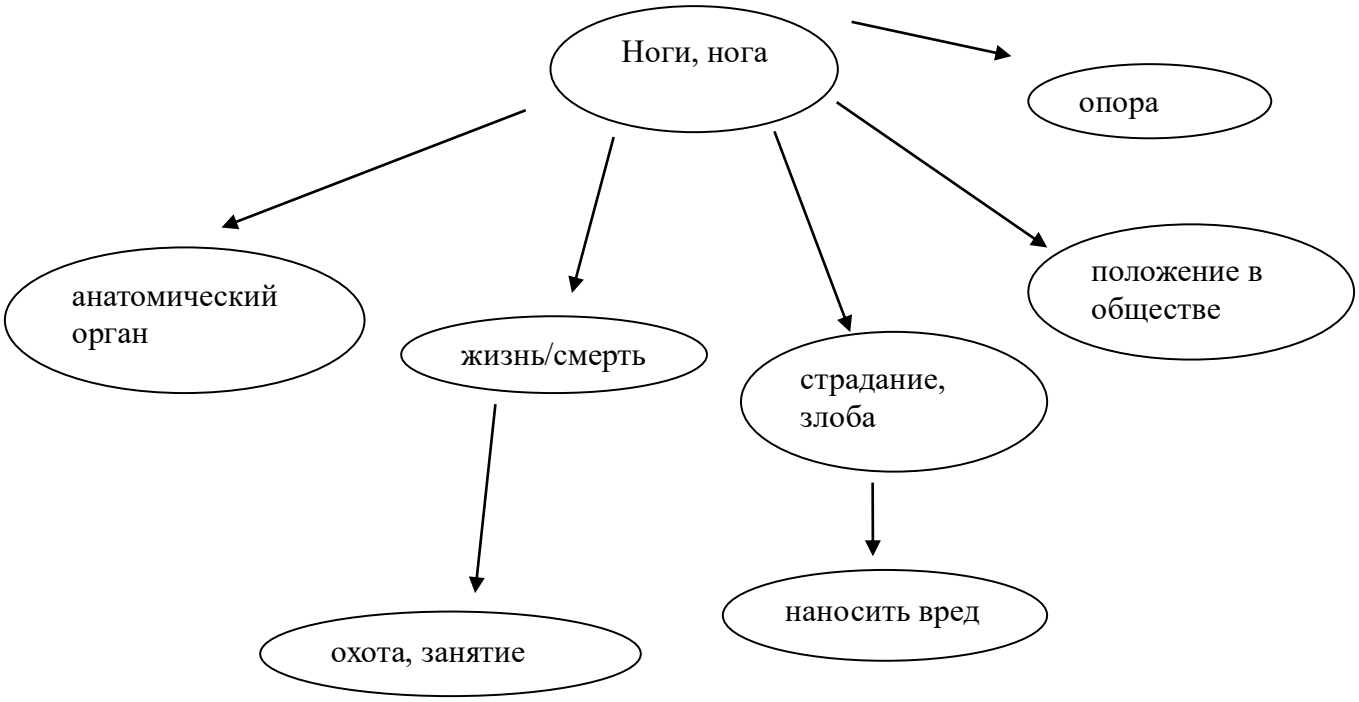
мука утх һар тәәрдг (тупой нож руку режет) [ППЗ 2007: 327], т.е. любое оружие представляет собой опасность;

һалта наадвл һаран түлдг, һалзута наадвл бийән цокулдг (букв. играть с огнем – обжечь руки, играть с сумасшедшим – быть побитым) [ППЗ 2007: 330].

9. Если человек умелый, то найдет выход из любой ситуации: *эрстән гедргән унхла, эврә һар дөң болдг уга, онц бийин эндүд эврә, ухан дөң болдг уга* (букв. когда с лестницы падаешь назад, руки не помогают, когда не анализиурешь ошибки, ум не помогает) [ППЗ 2007: 561].

Таким образом, в калмыцком языке присутствует много примеров ФЕ с соматизмом *hap* (рука). В некоторых фразеологизмах заключается предостережение: *ут шиләвр hap шатадг уга* (букв. с длинной кочергой руку не обожжешь) [ППЗ 2007: 428]. Одни порицают леность, воровство, другие воспевают трудолюбие, доброту и порядочность.

3.1.5. Структура значений лексемы *көл* (ноги)



Выявлено 39 ФЕ с соматическим компонентом *көл* «нога, ноги». Нога является символом движения, скорости. В калмыцком языке *көл* используется для обозначения нижней конечности целиком, но также есть слова, делящие нижнюю конечность на две части: *көл* «нога, ноги», *тавг* «ступня».

1. Во фразеологических единицах ноги зачастую противопоставляют голове и умственным способностям человека, то есть качественные характеристики, способность двигать и перемещаться:

толһад ухан уга болхла, булсн хавхдан көлән тоһх, буслһсн усндан һаран (букв. если в голове нет ума, то попадешься ногой в свой зарытый капкан, обваришь руку в воде, которую сам же вскипятил) [ППЗ 2007: 503];

көл толһаһан дахдг (нога следует за головой) [ППЗ 2007: 327].

В калмыцком языке одна и та же пословица варьируется за счет использования разных глаголов:

эргү толһа көл амрадг уга (из-за дурной головы ноги не знают покоя) [ППЗ 2007: 470];

тенг толһа көлән эцәдг (из-за дурной головы ноги не знают покоя) [ППЗ 2007: 467];

тенг толһа көлән дәәсн (глупая голова – враг ногам) [ППЗ 2007: 466];

тенг толһа көл мууран, тогтвр уга толһа улəлəх (из-за глупой головы ноги не знают покоя, из-за дурной головы подмётки летят, рвутся) [ППЗ 2007: 466]; *һəргтə толһаһан көлтə көлд амр уга гидг* (из-за дурной головы ноги не знают покоя) [ППЗ 2007: 473] и т.д. Таким образом, только с одной лексемой *көл* «нога, ноги» употребляется восемь соматических фразеологических единиц, передающих одно и то же смысловое значение.

Есть примеры, в которых язык противопоставляется механическому органу – ноге: *келнə утнь бий орадг, хорман утнь көл орадг* (длинный язык самому себе вредит, длинный подол ногам мешает) [ППЗ 2007: 259]. В данном примере язык ассоциируется по форме как плоский предмет.

Таким образом, можно сказать, что для человека более значимым является разумный орган (голова), а орган движения (нога) – на втором плане: *нер хуһлхар көлән хуһлый* (чем терять имя, лучше сломать ногу) [ППЗ 2007: 379].

Но вместе с тем ноги тоже важны для человека, ведь благодаря передвижению человек зарабатывает, находит пропитание для себя и своей семьи: *хойр көләр йовҗ, күмн əмəн теҗəнə* (человек живет и кормится, передвигаясь на двух ногах) [ППЗ 2007: 88].

2. Отношение к труду также выражается через ноги: *көлсәрн көлән yhahад, келәрн төмр долаһад* (букв. трудился так, словно потом мыл свои ноги, а языком облизал железо) – познал все тяготы черного труда [ППЗ 2007: 143].

3. Соматизмы отражают и значение движения:

төмр чөдр – көлд харш, наадн үг – төрт харш (железный треножник помеха для ног, а шутки – помеха для дела) [ППЗ 2007: 421];

царцан хан көлән өргхд, шаазһан хан җиврән делнә (пока хан саранчи поднимает ножки, хан сорок уже размахивает крыльями) [ППЗ 2007: 121] – сравнение движений, если долго думать, ничего не достанется.

В метонимическом смысле ноги – это опора, поддержка: *дөрән сур дөрвн болхла көлд түшән* (если у стремени четыре ремня – значит есть опора для ног) [ППЗ 2007: 410].

Встречается много примеров СФЕ, в которых подчеркивается основное предназначение ног:

дегд хурдн көлән авдг (букв. слишком быстрый повредит ногу) [ППЗ 2007: 371]; вариант – *дегд түргн көлән авдг* (букв. слишком расторопный повредит ногу) [ППЗ 2007: 370], т.е. всё необходимо делать с умом, обдуманно, чтобы не навредить себе.

4. Есть и другие значения, например, ‘жизнь есть движение’: *көләр одсн ирдг, күрзәр дарсн ирдг уга* (человек, ушедший на своих ногах, возвращается, человек, зарытый лопатой – нет) [ППЗ 2007: 311].

5. Часто ноги и то, что на них (обувь), являются поводом для сравнения людей по их положению в обществе, поскольку у богатых, как правило, на ногах более дорогие кожаные сапоги. Человек должен выбирать все соответственно своему материальному положению (как в прямом, так и в переносном смысле):

күүрәр болдг нөкд сән, көләр болдг һосн сән (хорош друг, согласный с твоими словами, хороши сапоги, подобранные по ногам) [ППЗ 2007: 272],

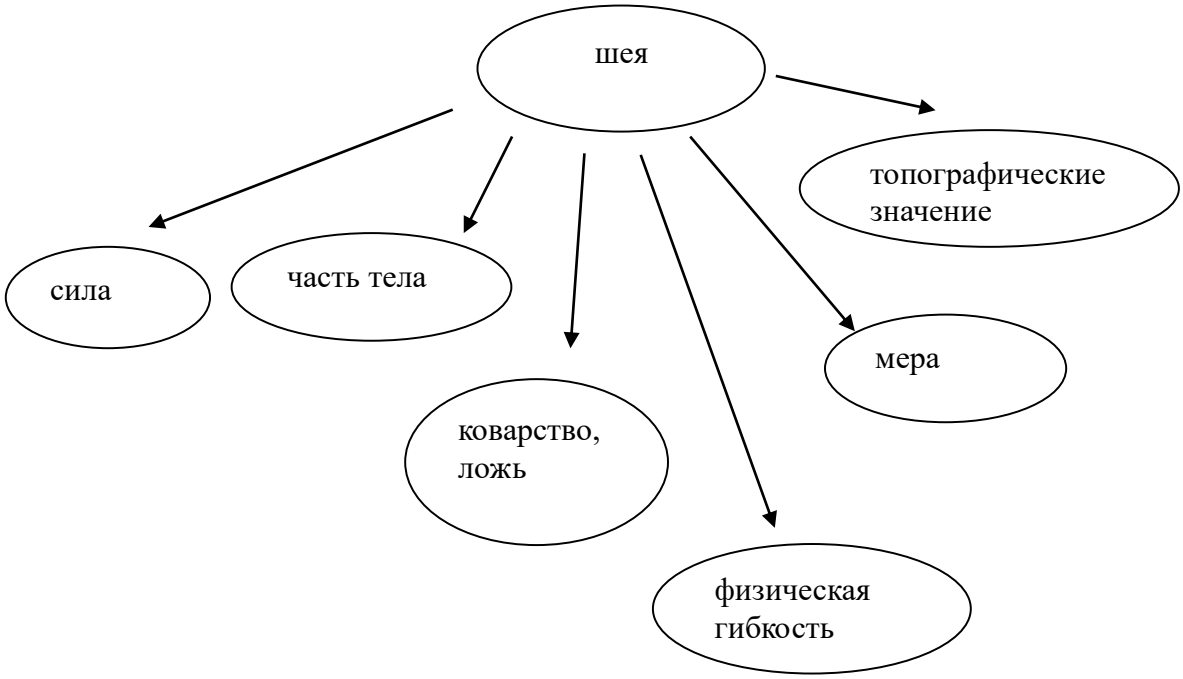
көнҗлин кирәр көлән җиидг (по длине одеяла вытягивают ножки) [ППЗ 2007: 433].

Помимо ходьбы, передвижения, ногами можно нанести удар. Такое действие тоже отражено в СФЕ:

көл күрхән шиклдг, күзүн күрхән хаздг (если достанет нога – лягнет, если достанет шея – укусит) [ППЗ 2007: 549].

6. Очень много примеров в калмыцком языке, в которых осуждается ни к чему не приспособленный человек. Он самому себе является обузой: *тәкр көл – там тал, мәкр һар – бий талан* (скрюченные ноги тянут в могилу, кривые руки тянут к себе) [ППЗ 2007: 191].

3.1.6. Структура значений лексемы *күзүн* (шея)



Выявлено 15 ФЕ с соматическим компонентом *күзүн* (шея).

1. В следующих примерах противопоставляются названия двух частей тела *шея* и *язык*, они имеют одно и то же значение, но передаются разными формами глагола:

күклинь ут күзү орадг үгин ут бий орадг (длинная коса шее мешает, длинная речь себе мешает) [ППЗ 2007: 528];

ут хорма көл оралдг, ут келн күзү оралдг (длинное платье – путы для ног, а длинный язык становится петлей на шее) [ППЗ 2007: 257].

Оба фразеологизма передают смысл: молчание – золото, т.е. из-за длинного языка можно потерять жизнь, навредить самому себе.

2. После замужества девушка попадает в другую семью, где ей придется трудиться вдвойне. Новые родственники не пожалеют ее сил и здоровья, будут испытывать на выносливость: *күмни күүкни күзүн бат, көгшн царин арсн бат* (у чужой дочери шея крепка, у старого вола – шкура) [ППЗ 2007: 14], *күүнә күүкнә күзүн бат* (у чужой девушки-невестки шея крепка) [ППЗ 2007: 55].

3. Встречаются примеры, отрицательно характеризующие женщину:

эр күмни медрл күзү күртлән алтн, эм күмни медрл күзү күртлән шора (знание мужчины до самой шеи – золото, знание женщины до самой шеи – пыль) [ППЗ 2007: 19]. Шея выступает как мера, величина («по горло»). Здесь подчеркивается чрезмерная болтливость, склонность к сплетням и пустословию. Противоположностью женщины является мужчина, который, как правило, наделяется положительными характеристиками:

залуһин хөв ик, замин күзүн ут (у мужчины судьба большая, у дороги шея длинная) [ППЗ 2007: 172].

4. *Күзүн* (шея) по анатомическому расположению находится рядом с головой и, соответственно, зубами, используется в значении «орган движения»: *көл күрхән шиклдг, күзүн күрхән хаздг* (если достанет нога – лягнет, если достанет шея – укусит) [ППЗ 2007: 549] – в любом случае исход плохой. Или ради себя человек пойдет на всё, шея в данном случае выступает как орган движения: *темәнд цегрәчк кергтә болхла, күзүһән суңһна* (когда верблюду нужны колючки, он вытягивает шею) [ППЗ 2007: 431]. Здесь упоминаются верблюды, разведением которых традиционно занимались

калмыки. Отметим, что ФЕ с названием частей тела животных и рыб весьма продуктивны.

5. Лексема шея фигурирует во многих фразеологизмах, в которых осуждается подлость, ложь и коварство. Шея ассоциируется с жизнью, т.к. находится рядом с головой:

кукн, кукн гиҗәһәд күзү керчдг (приговаривая ласково «дитя мое», перерезать шею) [ППЗ 2007: 491];

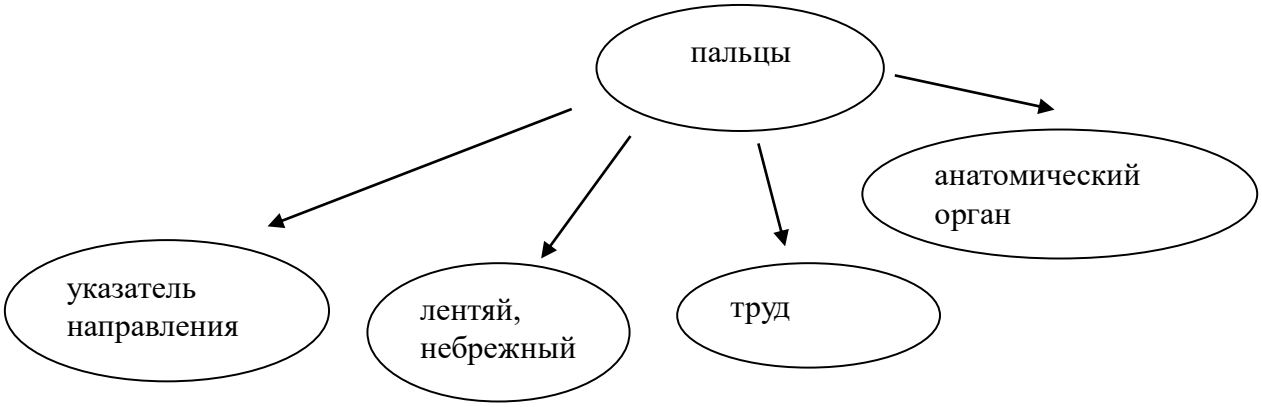
күклинь илҗәһәд күзүһинь тәәрх (поглаживая косы, перерезать шею) [ППЗ 2007: 528] (ср.: *келн деер шикр тәвдг, гиҗг деер сүк тәвдг* (на язык кладет сахар, на затылок – топор) [ППЗ 2007: 256].

6. Данная лексема используется и в своем анатомическом значении благодаря свойству шевелиться, сгибаться, удерживать:

күзүн даасн хөөн – толһан икнь сән, бий даасн хөөн – көлн бичкнь сән (хороша голова большая, лишь бы держала шея) [ППЗ 2007: 445].

В целом шее отводится второстепенная роль среди частей человеческого тела, в связи с этим семантическое поле не изобилует разнообразием значений, в том числе и в анатомическом: *күмнд күмн керг, күзүнд махн керг* (человеку нужен человек, а шее – мясо / мышцы) [ППЗ 2007: 439].

3.1.7. Структура значений лексемы *хурһн* (пальцы)



Выявлено 15 ФЕ с соматическим компонентом *хурһн* (пальцы). В основном значения связаны с анатомическими свойствами пальцев.

1. Пальцы являются частью руки, они, как правило, нужны для указания на что-либо:

өргәрн зааснь – өдрә һазр, хурһарн зааснь – хонга һазр (указать подбородком – расстояние на день пути, указать пальцем – расстояние на целые сутки) [ППЗ 2007: 210];

күмни гемиг хурһарн заахад, эврәннь гемиг ацар өглх (на чужие ошибки указывать пальцем, а на свои недостатки сквозь пальцы смотреть) [ППЗ 2007: 561]. Выражение «сквозь пальцы» имеет значение ‘делать что-то некачественно, без старания’.

3. Не так много примеров СФЕ со значением «пальцы для счета»: *маань тооллхд хурһн кергтә, мал хәрүлхд шилвр кергтә* (чтобы считать молитвы пальцы нужны, чтобы пасти скот, нужен бич) [ППЗ 2007: 190];

4. Пальцы для облизывания (ими берут еду) *бал бәрсн күн хурһан доладг* (букв. тот, кто берет в руки мед, тот облизывает пальцы) [ППЗ 2007: 423], т.е. у кого хорошая работа, тому и еда достается.

СФЕ *тавн хурһан нег хамт амндан кеҗ багтах уга* (букв. пять пальцев нельзя разом засунуть в рот) [ППЗ 2007: 434] означает, что нельзя делать несколько дел одновременно, нужно выбирать.

5. Пальцы как часть руки — рабочего органа. Следующие СФЕ передает значение ‘неумеха’:

ов уга залу орн деер тогтц уга, ооср уга хурвч хурһнд тогту уга (неуклюжему мужчине и в кровати не лежится, наперсток без тесемки на пальце не держится) [ППЗ 2007: 22].

Ср.: *эркә һурв орам сур эр күмнд кергтә, эркә һурв орам утцн эм күмнд кергтә* (ремень, который бережет большой палец, трижды нужен мужчине, а нитка, которая обернет большой палец трижды, нужна женщине) [ППЗ 2007: 439]. Калмыцки традционно занимались стрельбой из лука, а при натяжении

тетивы используются пальцы. Если говорить о женщине, то она занимается шитьем, рукоделием, здесь тоже важны данные части тела.

В основе образа данных фразеологических единиц – многоступенчатая синекдоха, т.е. уподобление части целому: палец – рука – движение / деятельность. Лексема «палец» уподобляется «руке» в ее главной физиологической функции. Малейшее движение приравнивается к деятельности в целом, отсутствие движения – к бездеятельности [БЭС 1998: 253]. В работе важна помощь каждого, лишних рук не бывает: *арвн хурһни аҗллхд сәәхн, дәкәд негнь бәәсн болв йир сәәхн* (десять пальцев для работы хороши, если был бы еще один – тоже пригодился бы) [ППЗ 2007: 396].

3. Очень часто в калмыцкой культуре детей сравнивают с пальцами на руках, которые одинаково дороги:

аавина көвүн әдл уга, арвн хурһн тегш уга (дети отца бывают не одинаковы, как не одинаковы десять пальцев на руках) [ППЗ 2007: 40];

арвн хурһн чиг тегш биш (и десять пальцев на руке разные, т.е. не равны) [ППЗ 2007: 339];

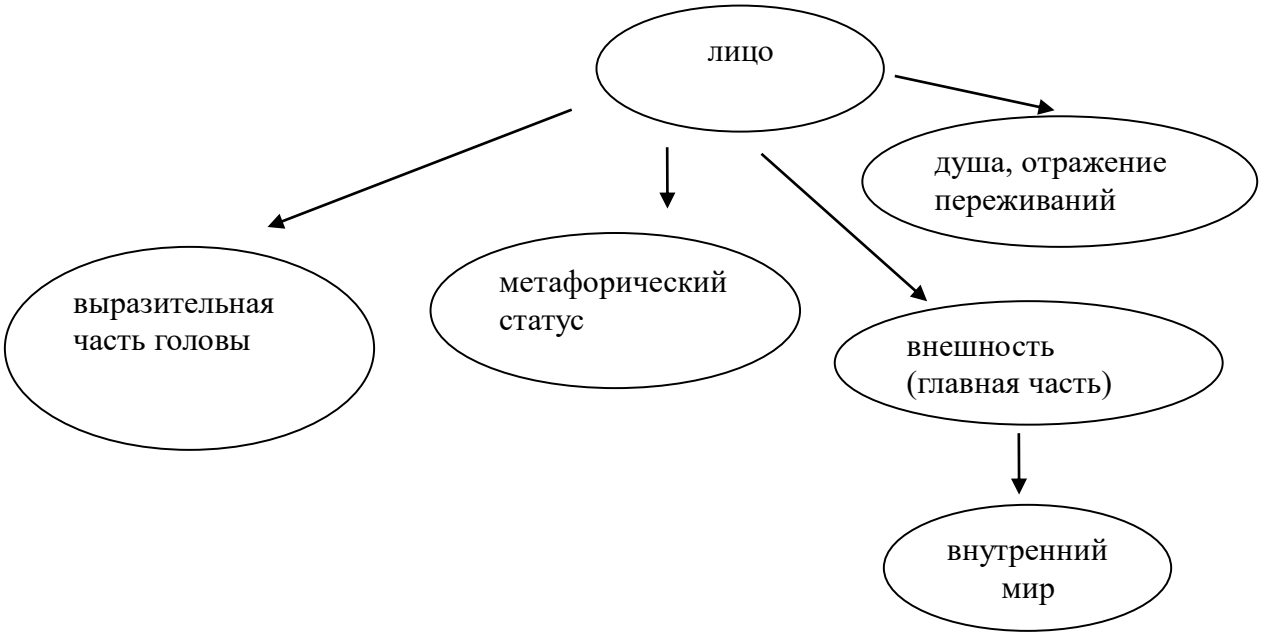
һарин хурһн әдл болдг уга, тедү олн әмтн әдл болдг уга (пальцы на одной руке не одинаковы, все люди тоже разные) [ППЗ 2007: 79];

һарин тавн хурһн әдл биш (и пять пальцев рук не одинаковы) [ППЗ 2007: 339].

Дети любимы и никем родители пожертвовать не могут, т.к. относятся ко всем одинаково с любовью:

арвн хурһни аминь чиг хазсн әдлхн өвддг (какой палец ни укуси – одинаково будут болеть) [ППЗ 2007: 340].

3.1.8. Структура значений лексемы *чирә* (лицо)



Для обозначения лица используются две лексемы – *чирә* и *нүр.* Выявлено 13 ФЕ с соматическим компонентом *чирә* (лицо)**.** В соматических фразеологических единицах с частью тела *лицо*, данный орган ассоциируется со стерженем, центром фразеологизма, т.к. вокруг него концентрируются другие составляющие.

1. Лицо отражает настроение человека, его внутренний мир, мысли:

чееҗдән байрта, чирәдән инәмсгллтә (на сердце и душе – радость, на лице – улыбка, букв. в груди радость) [ППЗ 2007: 166];

инәх дурнь чирә деерән, идх санань гесн дотран (желание улыбнуться – на лице, желание поесть – на уме) [ППЗ 2007: 412]. Вместе с тем, если человек совершает плохой поступок, он старается скрыть свое лицо, чтобы никто не узнал о его действиях, или от стыда:

чирәдән хурмш наасн күн ичрән идхәс өгдг (букв. человек, накинувший на свое лицо войлок («ничего не видящий»), продаст свою совесть за еду) [ППЗ 2007: 539]; или *ичрән геесн күн ишкәһәр чирәһән халхлсн әдл* (человек, потерявший стыд, подобен человеку, закрывающему лицо кошмой) [ППЗ 2007: 538];

Следующие два примера говорят о лицемерии: *чирә далд Чиңгс хааг му келдг* (скрыв лицо, и Чингис-хана порочат) [ППЗ 2007: 124]; *чирә деерән инәлцәд, чееж дотран харалцх* (на лицо улыбаться, в душе проклинать) [ППЗ 2007: 493].

2. Обозначение дородного человека: *чилдг юмн чилв чиг, чилдң улан чирә чилхш* (всё, что есть, когда-то кончается, и только румяное лицо не теряет свой цвет) [ППЗ 2007: 333].

3. Есть люди, умеющие скрывать свои эмоции, мысли, их основной чертой является лицемерие:

Не каждому свойственна прямолинейность, умение открыто говорить, особенно человеку вспыльчивому, гневливому: *улан чирә хату* (встреча лицом к лицу тяжела) [ППЗ 2007: 418].

4. При знакомстве, в первую очередь, обращается внимание на **внешний вид**, выражение глаз и лица: *зун күүнә чирә үзхәр, нег күүнә нер мед* (чем увидеть лица сотен людей, лучше узнай имя одного человека) [ППЗ 2007: 380] или *миңһни нүр үзхәр негни нер сур* (чем увидеть лицо тысячи людей, лучше спросить имя одного) [ППЗ 2007: 378].

Полисемантизм чаще всего присущ фразеологическим единицам с соматизмами, которым свойственны наиболее важные функции, необходимые человеческому организму. Большой объём значений данных СФЕ определяет их семантическое разнообразие.

Соматические компоненты, как правило, не теряют связь с исходной лексемой в свободном употреблении, их роль очевидна при определении общего значения фразеологической единицы, возникшего в процессе переосмысления его прототипического значения. Так как преобладающее большинство ФЕ тесно связано с основными значениями соматизма, можно сделать вывод о детерминированности большей части фразеологизмов с частью тела «лицо» лексическими значениями данного компонента.

5. Лицо украшает человека:

әмдин чирә – алтн, үкснә чирә – үмсн (лицо живого словно золото, лицо метрвого словно зола) [ППЗ 2007: 92];

күн чирәһәрн сәәхн, чирә нүдәрн сәәхн (человека украшает лицо, лицо украшают глаза) [ППЗ 2007: 395].

И еще всё надо делать с умом, иначе можно навредить себе самому: *теңгр хәләҗ нульмхла, чирә деер тусдг* (букв. если плюнуть вверх – можно себе в лицо попасть) [ППЗ 2007: 155].

3.1.9. Структура значений лексемы *нүр* (лицо)

Выявлено 7 ФЕ с соматическим компонентом *нүр* (лицо). Данный соматизм имеет такие же значения, как и лексема «чирә». Лицо – одна из главных частей тела, без которого физически человек не может продолжать существование: *үкснә нүр – үмсн, әмдин нүр – алтн* (лицо мертвого как зола, лицо живого как золото) [ППЗ 2007: 312].

1. Лицо играет важную роль при представлении, знакомстве, оно как визитная карточка:

миңһни нүр үзхәр негни нер сур (чем увидеть лицо тысячи людей, лучше спросить имя одного) [ППЗ 2007: 378]. Данная СФЕ является аналогичным эквивалентом ФЕ с соматизмом чирә.

2. С лицом связана репутация человека:

нернә хорн, нүүрин кир (букв. позор для имени подобен комку грязи на лице) [ППЗ 2007: 383].

Бессовестный человек, обманщик в данных ФЕ теряет свой статус, самого себя:

зуһу күмн нүүрән бардг, зусг яман өөкән геедг (льстивый человек теряет своё лицо, коза-двухлетка – свой жир) [ППЗ 2007: 491].

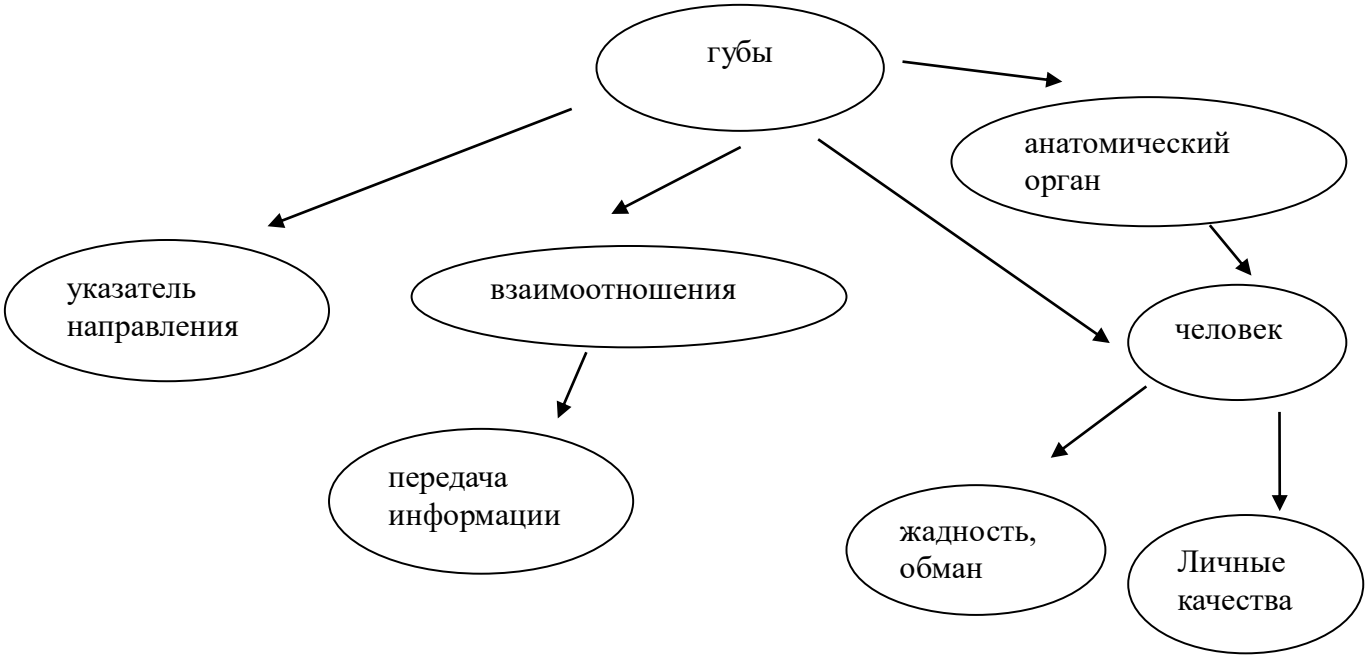
җорад өөкн уга, зуһуд нүр уга (у иноходца нет жира, у льстеца нет лица) [ППЗ 2007: 492];

зун күүнд нүүрэн үзүлж йовх, зуудг нохад бөрвэн үзүлж йовх (ста людям лицо свое показывать, ста собакам подколенные сухожилия показывать) [ППЗ 2007: 593] – нарочито демонстрировать себя.

Нежелание понимать суть, смысл передается через глаза и лицо: *нүндэн нүүһүл наасн, нүүртэн шикэ наасн* (глаза закрыты завесой, лицо – кошмой) [ППЗ 2007: 540] – о бессовестном человеке, потерявшем чувство стыда.

Из-за небольшой частотности соматизма представляется сложным выделить круг значений.

3.1.10. Структура значений лексемы *урл* (губы)



Выявлено 12 ФЕ с соматическим компонентом *урл* (губы).

1. Хотя губы, рот и зубы расположены рядом и у них одна функция – пережевывание пищи, тем не менее губы через данное действие несут разную смысловую нагрузку: *урлан тослад мах идлэ гих* (обмазав губы маслом, говорить, что ел мясо) [ППЗ 2007: 489] – обманывать людей.

2. «Губы» употребляются в значении ‘сквернословие’, ‘причинение морального вреда’, того, что свойственно органам речи – языку, рту:

келәрн келдүр кеһәд, урларн ухр кеһәд бичгә бә (не надо делать из своего языка лопату, из своих губ – ложку) [ППЗ 2007: 258];

урларн ухр кеһәд, келәрн келдүр кех (делать ложку из губ, делать лопату из языка) [ППЗ 2007: 529] или просто ‘передача информации’: *уулас унҗ үкх уга, урлас унҗ үкнә* (не погибнет от того, что упал с горы, а умрет из-за того, что слетело с губ) [ППЗ 2007: 272].

3. Порицается алчность, жадность: *идәгчин геснь өлн, ууханчин урлнь чиигтә* (у обжоры всегда желудок пуст, у пьяницы – мокрые губы) [ППЗ 2007: 622],

идв чигн өл авдг уга, уув чигн урлнь хүүрә (хоть и ест, но не насытится, хотя и пьет, но губы сухи) [ППЗ 2007: 501].

4. Как правило, в калмыцкой фразеологии сочетания губы/зубы рот/язык характеризуют взаимоотношения людей:

учхрдан урл, шүдн шиңг, удл уга һал, усн шиңг (вначале встречи, словно губы и зубы дружны, немного спустя словно огонь и вода) [ППЗ 2007: 341];

учрмгц урл шүдн, удл уга һал усн (как только встретились – словно губы и зубы, а немного спустя – огонь и вода) [ППЗ 2007: 494];

зүркн туссн иньгәс нүдн хөөһхш, зөркә һарсн урлас келнә үзүр хөөһхш (от любимой взгляда (глаз) не оторвать, от потрескавшихся губ кончик языка не оторвать) [ППЗ 2007: 391];

зөркәдсн урлд келн тусдг, зүркн иньгт нүдн тусдг (к потрескавшимся губам льнет язык, к сердцу возлюбленной устремлены глаза) [ППЗ 2007: 394];

зөркә һарсн урлас келн хөөһдг уга, зүркн туссн иньгәс седкл хөөһдг уга (от потрескавшихся губ язык не отвести, от милого сердцу человека глаз не отвести) [ППЗ 2007: 392].

Как видно из приведенных выше примеров, в одном устойчивом выражении встречается до четырех и более названий частей тела. Только в одной ФЕ бездействие губ, молчание сравнивается с прекращением жизни, движения вообще: *үксн тарвһни урл бат, угатя күмни әмн бат* (у мертвого

тарбагана губы неподвижны, у бедного человека душа живучая) [ППЗ 2007: 87]. Губы, как язык, голова и другие части тела, очень важны для человеческого организма.

3.1.11. Структура значений лексемы *чикн* (уши)

Выявлено 11 ФЕ с соматическим компонентом *чикн* (ухо, уши).

1. *Чикн*, как и *нүдн* глаза, являются органом, воспринимающим информацию (слуховую) извне. Поэтому фразеологизмы с компонентом *уши* выражают способность узнавать и слышать:

әмтн келнә, чикн соңсна (люди говорят, уши слышат) [ППЗ 2007: 78],

өндр толһа деер һархла, нүднә хуҗр хандг, өвгн күүнлә күүндхлә, чикнә хуҗр хандг (с высокого кургана смотреть – глазам приятно, беседовать со старцем – ушам, слуху приятно) [ППЗ 2007: 109];

үзхд – төрһн сәәхн, соңсхд – чикн сәәхн (смотреть – шелк красив, слушать – уши красивы) [ППЗ 2007: 397].

Чикн (ухо) – парный орган слуха, расположенный на голове, представление об ушах как об анатомическом органе отражается в паремиях с переосмысленным значением: *үг негн чикн хойр* (слово одно, а ушей два) [ППЗ 2007: 262] срав. *келх үгнь-негн, мөрнә чикн – хойр* (сказанное слово одно, а ушей два). На переносе по функции основано значение лексемы чикн «орган слуха», который также имеет значение «плохо слышать» или «услышать что-либо неверно»: *нүдн үннч, чикн худлч* (глаза правдивы, уши лживы) [ППЗ 2007: 407, 535];

келхлә - чикн цоорх(л)а (дүлә), келхлә савнь цоорх(л)а (когда говоришь ему, так у него уши дырявые (глухие), а когда наливаешь, то у него посуда дырявая) [ХОТ 1977: 292] – говорится о несговорчивом и жадном человеке.

2. Всего одна ФЕ передает значение ‘бессовестный’, ‘бесстыжий’: *мини чикн улахиг күлә* (жди, пока у меня не покраснеют уши) [ППЗ 2007: 218].

3. На основе семы «ухо – орган слуха» основывается метафорическое значение «орган ментального восприятия, слуха: *эцсн мөрнд һазр күнд, ядрсн күмнд чикн күнд* (исхудалому коню дорога тяжела, усталому человеку – уши в тягость) [ППЗ 2007: 420].

4. В составе другого поля выделяется блок ФЕ со значением «глупый», «пустая голова»: *нег чикәрнь орад наадкарнь һарх* (в одно ухо входит, в другое – выходит) [ППЗ 2007: 559].

Одно и то же устойчивое выражение с одинаковым смыслом имеет несколько вариантов:

өмн һарсн чикнәс хөөн урһсн өвр ут (рога, выросшие позже, длиннее ушей, выросших раньше) [ППЗ 2007: 212];

урд һарсн чикнәс хөөт һарсн өвр ут (выросшие позже рога, длиннее выросших раньше ушей) [ППЗ 2007: 212];

түрүлҗ һарсн чикнәс түрүлҗ урһсн өвр ут (позже выросшие рога длиннее раньше появившихся ушей) [ППЗ 2007: 345], т.е. время не имеет значения.

3.1.12. Структура значений лексемы *альхн* (ладони)

Выявлено 10 ФЕ с соматическим компонентом *альхн* (ладони).

1. Во фразеологических единицах с компонентом «альхн» имеются единичные примеры с основной функцией руки «держать что-либо», «брать». Ладони при молении и при совершении других действий должны быть сложены вместе. Они реализуют значения ‘объединения’, ‘сплоченности’:

хойр альхнас дун һархас биш, нег альхнас дун һарх уга (только две ладони дают хлопок, а одна – нет) [ППЗ 2007: 333] – заимствование из китайской фразеологии.

С помощью ладоней можно выразить благодарность, привестствие – пожать руку, сделать что-то с помощью этой части тела:

ээҗин ачиг альхн деерән мах чанҗ өгв чиг хәрүлҗ болш уга (материнский долг ничем нельзя отплатить, даже если мясо на ладони пожарить и подать) [ППЗ 2007: 43], т.е. любовь к матери безгранична, человек всегда перед ней в долгу.

2. Как и во многих других ФЕ, в устойчивых выражениях с компонентом «альхн» дается отрицательная оценка таким порокам, как жадность, подлость:

авна гивл альхан делгҗ, өгнә гивл элкән цокх (как брать, так раскрывает ладонь, как отдавать, так бьет себя в грудь) [ППЗ 2007: 501]. Трудно скрыть правду, действительность: *нариг альхарн халхҗ болдг уга* (не заслонить солнца своей ладонью) [ППЗ 2007: 160]. Аналог в русском языке – пословица «шило в мешке не утаишь».

3. Чистые ладони могут символизировать чистоту отношений, добрые помыслы человека, ладонями можно подать милостыню или сделать что-то хорошее: *әәлд бәәхлә күрдг, альхнд наалдхла – доладг* (если есть у соседа, то делятся (достается), если прилипнет к ладони, то слизывают) [ППЗ 2007: 97].

4. Сравнительно-оценочная величина ладони, **мера**. Четыре СФЕ говорят о важности дружбы, ведь друзья всегда помогут в беде. И если друзей нет, то жизнь будет маленькой, размером с ладонь. Впервые здесь упоминается размер этой части тела:

таньлта күн өргн у теегин чиңгә, таньл уга күн альхн аһун чиңгә (имеешь товарищей – широк как степь, не имеешь товарищей – узок, как ладонь) [ППЗ 2007: 340];

таньдгин нүр талын чинән, таньдг уган күр альхни чинән (лицо знакомого человека, широкое, как степь, лицо незнакомого узкое, как ладонь) [ППЗ 2007: 340];

таньлта болхла, талын чинән, таньл уга болхла, альхни чинән (имеешь друзей – широк, как степь, нет их – узок, как ладонь) [ППЗ 2007: 341];

олн таньлтань талын чиңгә, таньл угань альхни чиңгә (у кого много друзей словно степь, у кого нет друзей словно ладонь) [ППЗ 2007: 340].

Из-за небольшой частотности соматизма представляется сложным выделить круг значений.

3.1.13. Структура значений лексемы *үсн* (волосы)

Выявлено 8 ФЕ с соматическим компонентом *үсн* (волосы). Волосы – часть головы. Круг лексических значений не отличается разнообразием.

1. Есть примеры, в которых отражается отрицательное отношение к женщине, подчеркивается ограниченность ее ума: *күүкд күүнә үснь ут болв чиг ухань ахр* (хотя у женщины волосы длинные, но ум короток) [ППЗ 2007: 30].

2. Ум, мудрость приходят с возрастом, пожилой человек с белыми волосами, как правило, наделен этими характеристиками, но бывает и наоборот:

ухань ахр, үсн ут (ум короток, волосы длинные) [ППЗ 2007: 228], *үсн цаһав, ухан немгдсн уга* (волосы поседели, а ума не прибавилось) [ППЗ 2007: 223].

С цветом волос связаны и переживания человека, его внутреннее состояние: *үнн йоввл, үсн цәәдг, худл йоввл, ясн цәәдг* (если жить по правде – волосы поседеют, если жить неправедно, кости побелеют) [ППЗ 2007: 404].

3. Компонент-соматизм *үсн* в составе фразеологической единицы калмыцкого языка актуализирует сему эмоционального состояния – страха, досады: *әрк гивл амни шүлснь һооҗдг, ажл гивл оран үснь залху* (у них при слове водка слюни текут, при слове работа – волосы дыбом встают) [ППЗ 2007: 281].

4. Волосы как символ большого количества, которое невозможно пересчитать:

махн дотрк яс тоолдг, махла дотрк үс тоолдг (считать кости в теле, а волосы – под шапкой) [ППЗ 2007: 500] – несчетное количество.

5. Утеря волос ассоциируется с неизбежностью того, что должно произойти, случиться: *толһан үсн ямр нигт болв чигн тоңһргт хусгддг* (как бы ни были густы волосы на голове, но лезвие бритвы их возьмет) [ППЗ 2007: 328].

6. Через семантику соматизма *үсн* передается также порицание человека, у которого длинные неухоженные волосы:

уг муутын үсн ут, ухан муутын хумсн ут (у незнатного волосы длинны, у глупого – ногти) [ППЗ 2007: 75].

3.1.14. Структура значений лексемы *килһсн* (волосок)

Выявлена 1 ФЕ с соматическим компонентом *килһсн* (волосок). Данный соматизм вносит в значение фразеологизма сему **'что-то очень тонкое, изящное'**: *китдин ухан килһснәс нәрн, монглын уханмоднас бүдүүн* (ум китайца тоньше волоска, ум монгола толще бревна) [ППЗ 2007: 221]. В данном случае сравнивается ум китайцев и монголов: у первых он считается тонким, изящным, а у вторых – грубым. Здесь в высокомерной форме выражается интеллектуальное превосходство китайской нации над монгольской.

3.1.15. Структура значений лексемы *сахл* (борода, усы)

Выявлено 5 ФЕ с соматическим компонентом *сахл* (борода, усы). Данный компонент-соматизм не является полисемантичным. Бороду, как правило, носят люди преклонных лет, умудренные опытом.

1. Она в древние времена считалась символом мудрости и силы: *үгиг сәәхр үлгднь үлгүр, өвгиг сәәхрүлгднь сахл* (пословица украшает речь, борода украшает старца) [ППЗ 2007: 275] – всему своё место.

2. Седая борода говорит о старости, приближении конца жизни: *сахл цаһан болхла, укл өөрддг мөн* (когда борода бела, то смерть близка) [ППЗ 2007: 308]. При описании старости делается акцент на наличие бороды, седины, на физические и физиологические изменения.

3. Следующий фразеологизм с соматическим компонентом *сахл* (борода) имеет значение ‘никогда не достигнуть’ или, наоборот, ‘чему быть, того не миновать’:

санан зая хойр учрдг уга, сахл көмсг хойр ниилдг уга (желание и судьба не встретятся, так же как борода и ресницы) [ППЗ 2007: 233],

сән күмн санаһар, сахл амн заяһар (добрый человек – по доброй воле, борода и рот – по воле судьбы) [ППЗ 2007: 348].

4. Встречается ФЕ с семой ‘неуместность, нелепость’ при сочетании с несочетаемым: *элҗгнд өвр урһулҗ, эмст сахл урһулҗ* (ослу отрастили рога, а женщине – бороду) [ППЗ 2007: 30].

3.1.16. Структура значений лексемы *һуй* (бедро, ляжка)

Методом сплошной выборки нами выявлено 5 фразеологических единиц. Рассматриваемый соматизм не обладает полисемией:

1. анатомическое значение: *барань бардһр, һуйнь шордһр* (фигура полная, а ляжки тонкие) [ППЗ 2007: 514] = *нернь бардһр, һуйнь шордһр* (имя солидное, а бедро тощее) [ППЗ 2007: 548], т.е. означает несоответствие, несуразность. Единственное устойчивое выражение, в котором проводится параллель с рукой в значении ‘быть в сговоре, едиными в замысле’: *һар һарарн таньна, һанзһ һуян таньна* (рука руку моет, торока (ремешки седла) бедра узнают) [ППЗ 2007: 334].

2. Изобличается жадность, алчность: *арслңгин саржңнлһ соңсхла, арсмчин һуй чичрнә* (у спекулянта ляжки трясутся, как услышит шелест рубля) [ППЗ 2007: 203].

3. Есть пример ФЕ со значением предела: *һовин цасн һуйд күрч, һолҗң бий һуч күрв* (снег в степи до ляжек, а буйный молодец достиг тридцати лет) [ППЗ 2007: 114].

3.1.17. Структура значений лексемы *нурһн* (спина, хребет)

Выявлено 4 ФЕ с соматическим компонентом *нурһн* (спина).

1. Рост: *нурһнь бичкн болв чигн, нудрмнь чаңһ болдг* (хотя (хребет) и мал, да кулак крепкий) [ППЗ 2007: 368] – маленький рост, сила, проворство;

тоолвл насн цацу, төөлвл нурһнь цацу (посчитаешь – возрастом одногодки, померишься пядью – плечами одинаковы) [ППЗ 2007: 342].

2. Богатый может наказать бедняка за провинность, побив его по спине: *нохала өшәтәнь хорма уга үлддг, нойнла өшәтәнь нурһнь уга үлддг* (кто враждует с собакой, останется без полы, кто враждует с нойоном, тот останется без хребта) [ППЗ 2007: 131].

Как развитие описанной ситуации, этноспецифичным для калмыцкого языка, как и во многих других языках, появляется сема ̓спина/хребет как область осознания собственных недостатков или долга’.

3. Существует устойчивое выражение с соматическим компонентом ***нурһн*** **(спина, хребет),** символизирующее единство, нераздельность или опору, как развитие значения ̓позвоночник’:

нурһн хавсндан түшг, хавсн нурһндан түшг (спина – опора ребер, ребра – опора спины) [ППЗ 2007: 416]. Ср.: *сеер хавсндан түшг, хавсн сеертән түшг* (спинной хребет поддерживает ребра, ребра поддерживают спинной хребет) [ППЗ 2007: 416].

3.1.18. Структура значений лексемы *хамр* (нос)

Выявлено 4 ФЕ с соматическим компонентом *хамр* (нос). Это орган обоняния, единственный выступающий на лице. Нос может обозначать

близкое расстояние, что дает возможность, например, получить точную информацию. Также *хамр* (нос) может выражать чрезмерное любопытство.

1. Нос выступает как пространственный маркер на основе метафорического переноса на местоположение, поскольку представляет собой выступающую часть лица, т.е. ему свойственна функция топологической характеристики, необходимой при описании ориентации того или иного объекта. Во фразеологизмах актуальным является подчеркивание близости носа и рта:

хамр дор хаһрха амн бәәнә гиҗ бичгә шальшад бә (не болтай на том основании, что под носом есть дырявый рот) [ППЗ 2007: 530].

2. Нос как выпуклая передняя часть головы определяет другую сему – «указатель направления». Это отражает соответствующие производные значения. Например, синекдоха, где нос (*хамр*) обозначает человека в целом:

хамр икд нусн ик, ханцн икд кишг ик (у человека с большим носом много соплей, у человека с длинным рукавом много счастья) [ППЗ 2007: 173].

3. Другая сема соматизма *хамр* формируется на базе переноса по одной из физиологических функций – обоняния: *хаврин цагт хамр морчихла – хот* (весной в пищу всё сгодится, если носом учуешь) [ППЗ 2007: 215]. Так расширяется значение, определяющее нос как орган обоняния, что приводит к появлению значения, которое связано с понятием о «ментальном обонянии», восприятии окружающего мира.

4. Хамр (нос) может выступать как индикатор отношения человека к другому человеку или чему-либо: *хамр нуста гиһәд авч хайхд берк, көвүд му гиһәд көөж йовулхд берк* (от того, что нос сопливый, трудно его потерять, от того, что парни плохие, трудно их прогнать) [ППЗ 2007: 51] – трудно отказаться от чего-то родного, как часть своего тела не отрежешь, так нельзя отказаться от близкого человека с его недостатками.

В целом «сопливый нос» указывает на человека слабохарактерного, который любит пожаловаться на свою судьбу, поплакать.

3.1.19. Структура значений лексемы *маңна* (лоб)

Выявлено 4 ФЕ с соматическим компонентом *маңна* (лоб*).* Он занимает одно из важных мест среди внешних органов. В своем анатомическом значении соматизм лоб (маңна) употребляется в составе фразеологической единицы и идиом в сочетании со словом көлсн (пот), т.к., когда человек работает, со лба его течет пот, что говорит о тяжелом физическом труде (ср.: аналогично с соматизмом «нога»):

1. С этими компонентами передается сема «смешивать несовместимое», «нелепость»:

маңнань көлсиг тавгтан түркәд, тавгиннь көлсән маңнадан түркәд (втирать пот со лба в стопу, а пот со стопы – в лоб) [ППЗ 2007: 143].

2. С помощью данной лексемы в калмыцком языке передают внутренние качества, свойства человека. К примеру, чистый лоб символизирует честность и порядочность:

магтсн көвүн маңнадан бааста (у хваленого сына лоб нечист) [ППЗ 2007: 50];

магтсн күүкнә маңнань тахта (у хваленой девушки лоб замаранный) [ППЗ 2007: 55].

3. На лбу также располагается «место стыда». От чувства стыда или других эмоций лоб не треснет:

байрлв гиҗ маңна хаһрдг уга, бахтла гиҗ чееҗ хаһрдг уга (как бы ни радовался, лоб не треснет, как бы ни восторгался, грудь не треснет) [ППЗ 2007: 166].

3.1.20. Структура значений лексемы *күмсг* (брови)

Выявлено 7 ФЕ с соматическим компонентом *күмсг* (брови). Как правило, брови в пределах одного контекста ассоциируются с другими близкими частями тела по топографическому признаку – с лицом и глазами.

1. *Күмсг* «брови» являются очень выразительными, поскольку через их движения человек передает гнев, удивление или грусть:

күмсгән унһахар нудрман зәңгд (чем хмурить брови, сожми кулак) [ППЗ 2007: 368] – несмотря на трудности, бороться, собраться с силами. Данная лексема часто употребляется с глаголом хмуриться.

2. Интересен случай употребления данного компонента, когда упоминается расположение бровей, их близость с другими частями лица (ср.: губы – нос):

нүдиг күмсг харсдг (глаза защищают брови) [ППЗ 2007: 258];

келиг шүдн харсдг, нүдиг күмсг харсдг (языку – зубы защита, глазам – брови) [ХОТ 1977: 324].

3. Встречается в калмыцком языке крылатое выражение «не в глаз, а в бровь»:

нүдәр тусхин өрмд күмсгәр тусг (пусть не в глаз, а в бровь) [ППЗ 2007: 345]. Его значение мотивировано меткой стрельбой из лука, в переносном смысле означает неточное достижение цели.

4. Данная лексема используется в СФЕ с отрицательной семантикой и в сравнении с другими частями тела человека:

күмсгән ясхар седҗһәд, нүдән сохлх (выбить глаз, желая навести брови) [ХОТ 1977: 324], т.е. оказать медвежью услугу;

күмсг нүднәс һаза (букв. брови выступают над глазами) – глаза ценнее бровей [ХОТ 1977: 324].

5. Еще один фразеологизм с соматическим компонентом *көмсг* является единичным примером с семой ‘невозможно’, ‘никогда это не произойдет’. Автор в этом примере переводит *көмсг* как ресницы:

санан зая хойр учрдг уга, сахл көмсг хойр нишлдг уга (желание и судьба не встретятся, так же как борода и ресницы) [ППЗ 2007: 275]. И топографически эти части тела между собой не соприкасаются.

3.1.21. Структура значений лексемы *сурмсг* / *сормсг* (ресницы)

Выявлено 2 ФЕ с соматическим компонентом *сурмсг* (ресницы), в различных диалектах встречается написание *сормсг*. В данном фразеологизме имеет место значение ‘мера’, ‘предел’ или ‘разумность действий’:

сүрин һалд сормсан түләд, сүзгин түдд арсан муках (в огне костра брови свои опалить, в приступе набожности кожу свою оцарапать, содрать) [ППЗ 2007: 192]. В данном случае автор переводит *сормсг* как брови.

В современных письменных источниках ФЕ, связанные с данной лексемой, имеют значение ‘не соглашаться’, ‘стоять на своем’, например, *сормсгинь сөрүд илх* (гладить против шерсти) [ХҮТ 1990: 83].

3.1.22. Структура значений лексемы *тоха* (локоть)

Выявлено 4 ФЕ с соматическим компонентом *тоха* (локоть). Лексема локоть как часть руки имеет только одну сему ‘всё шито-крыто’, т.е. тайна сохранена. Поскольку рука и локоть покрываются одеждой, то эта скрытость действия указывается во фразеологизме, который имеет несколько вариантов в калмыцком языке:

толһа кемтрв – махла дотран, тоха кемтрв – ханцн дотран (если даже голова разбита на части, так она в шапке, если даже локоть разбит, так он в рукаве) [ППЗ 2007: 432];

тоха хуһрв чигн ханцндан, толһа хаһрв чигн махладан (хоть локоть разбит, он в рукаве, хоть голова пробита, она в шапке) [ППЗ 2007: 431];

тоха матьхр болв чигн ханцн дотран, тохм нимгн болв чигн эмәл доран (хоть локоть и кривой, но он в рукаве, хоть потник тонкий, но он под седлом) [ППЗ 2007: 431];

тоха келтврл, ханцн дотр, толһа келтрвл, махла дотр (если сломается локоть, то останется в рукаве, если проломится череп, то останется в шапке) [ППЗ 2007: 431].

3.1.23. Структура значений лексемы *нудрм* (кулак)

Выявлено 4 ФЕ с соматическим компонентом *нудрм* (кулак), как правило, в сочетании «сжать крепко руку». В калмыцком языке немало примеров, передающих эмоциональное состояние человека – переживания, безысходность:

күмсгән унһахар нудрман зәңгд (чем хмурить брови, сожми кулак) [ППЗ 2007: 368];

нульмс асххин орчд нудрман чаңһур атх (чем проливать слезы, лучше крепче сжать кулаки) [ППЗ 2007: 368];

нульмс унһахар нудрман зәңгд (чем проливать слезы, крепко сожми кулаки) [ППЗ 2007: 368], т.е. слезами горю не поможешь, надо собрать силу воли, искать выход из положения. Кулаки, как правило, сжимают от досады, гнева или используют как показатель силы:

нурһн бичкн болв чиг, нудрмнь чаңһ болдг (хотя и мал ростом, да кулак крепкий) [ППЗ 2007: 368].

3.1.24. Структура значений лексемы *хумсн* (ноготь)

Выявлено 3 ФЕ с соматическим компонентом *хумсн* (ноготь). Грязные и длинные ногти являются признаком дурного тона, поэтому во фразеологии калмыцкого языка данная лексема связана с внешним видом. Имеется сема ‘не способный ни на что’. Если человек не способен привести собственный вид в надлежащее состояние, то и другие, более важные дела, ему непосильны:

уг муутын үсн ут, ухан муутын хумсн ут (у незнатного волосы длинны, у глупого – ногти) [ППЗ 2007: 75];

ухань муутын хумсн киртә (у бестолкового грязь под ногтями) [ППЗ 2007: 227];

уг муутын утх бахлурарн элдг, ухан муутын хумсн киртә (у неумелого человека нож изнашивается у самой рукоятки, у глупого – под ногтями собирается грязь) [ППЗ 2007: 75].

3.1.25. Структура значений лексемы *өргн* (подбородок, челюсть)

Выявлено 4 ФЕ с соматическим компонентом *өргн* (подбородок, челюсть). Данная лексема с составляющим СФЕ включает в состав парадигмы значение ‘указывать на что-то’: *өргәрн зааснь – өдрә һазр, хурһарн зааснь – хонга һазр* (указать подбородком – расстояние на день пути, указать пальцем на целые сутки) [ППЗ 2007: 210], т.е. не видеть дальше своего подбородка;

өргн дор (близко, ср. рус.: под носом), *өргндән күрлдәд, өвдгтән туллцад* (букв. достигнув подбородка, упереться в колено) – с горем пополам «держаться на волоске») [ХУТ 1990: 78].

Как и в других этноязыковых культурах, во фразеологии калмыцкого языка много примеров, связанных с рождением и смертью. Однако интересно, что с соматизмом «челюсть» данный смысл передается через основную физиологическую функцию – жевать:

идсн өргн хумхардг, идүлсн довнь көкрдг (челюсть, которой пережевывают, высыхает после (смерти), бугорок, на котором выщипана трава, зеленеет (весной) [ППЗ 2007: 325];

идсн өргн цәәдг идгдсн довң көкрдг (жующая челюсть белеет, выщипанный бугорок зеленеет) [ППЗ 2007: 325] – всему своё время.

3.1.26. Структура значений лексемы *цогц* (тело)

Выявлено 2 ФЕ с соматическим компонентом *цогц* (тело). Тело представляется как некая материальная категория, внешнее представление. Оно является основой, стержнем, на котором держатся другие части (голова, руки и т.д.):

му цогциг сән зөрг чирдг (плохое тело поддерживает крепкий дух) [ППЗ 2007: 450] – главное сильный характер, внутренние качества, а не оболочка. Тело состоит из разных частей, которые образуют единое целое. Кто не работает, тот не может себя прокормить: *йовдсн күн яс зуух, кевтсн күн цогцан геех* (идущий человек может поживиться костью, а лежащий на боку, – букв. бока отлеживает) [ППЗ 2007: 117].

3.1.27. Структура значений лексемы *махмуд* (тело)

Данный соматизм является синонимом к предыдущему. Выявлено 2 ФЕ с компонентом *махмуд* (тело). Тело, как и другие части человека, является уязвимым, его можно ранить. На основе этого в переносном значении создается образ «ранить, убить»:

махмудын шарх эдгдг, үгин шарх эдгдг уга (рана на теле от плети заживает, рана от слов – нет) [ППЗ 2007: 269].

Антропоцентричность калмыцкого языка подтверждается многими примерами, ведь человек познает окружающий мир сквозь призму самого себя, собственного тела, интересы которого стоят на первом месте: *эврә кишлг махмудт өөрхн* (своя рубашка ближе к телу) [ППЗ 2007: 48]. Этот фразеологизм может быть русским заимствованием.

Таким образом, можно сказать, что границы понятия «тела» весьма размыты. Значение данного соматизма может как сужаться, так и расширяться в зависимости от контекста. В целом тело – это проекция на

внешний мир, явления и предметы которого отражаются в названиях частей тела.

3.1.28. Структура значений лексемы *хачр* (щека)

Выявлено 3 ФЕ с соматическим компонентом *хачр* (щека). Данная часть тела выражается с помощью двух лексем – *халх* и *хачр*. Но во фразеологизмах часть тела «щека» не является доминирующей, но создает портретное описание человека. Щеки находятся на передней части головы – на лице. Цвет лица и щёк может быть признаком красоты и здоровья. При этом у красного цвета есть такие определения, как алый и румяный:

цусн улан хачраснь умсж, цууда цаһан бийнь теврж (поцеловать в кроваво-красные (румяные) щеки, обнять (лебединое) белое тело ее) [ХОТ 1977: 584].

Щёки также краснеют и разрумяниваются и от физического труда: *сән эмин хачрнь улан* (у хорошей женщины щеки красные) [ППЗ 2007: 29]. Другие оттенки и характеристики данной лексемы могут быть связаны сотрицательной нагрузкой:

цалдң күүкни хачр норңха, цалдң көвүни өскя цоорха (у девушки-неряхи щеки мокры, у парня – пятки на носках рваные) [ППЗ 2007: 51] – неряшливость.

3.1.29. Структура значений лексемы *халх* (щека)

Выявлено 2 ФЕ с соматическим компонентом *халх* (щека). Красный цвет щёк может обозначать радость, сему «есть с аппетитом»:

зуумтха нохан зувк улан, җирһлтә күүкдин халх улан (у кусачей собаки красные глаза, у счастливых детей щеки румяные) [ППЗ 2007: 48;

халхан хаһртл идх (есть за обе щеки, букв. есть пока не треснут щеки) [РКС 1964: 786].

3.1.30. Структура значений лексемы *көкн* (женская грудь)

Выявлена 1 ФЕ с соматическим элементом *көкн* (женская грудь). Также для нейтрального обозначения груди используется лексема *чееж.*

Грудь как местонахождение души называют белой, и это прежде всего относится к женской груди. Если *чееж* понимается не только как душа, но и грудная клетка, то *көкн* – это грудь, которой мать кормит ребенка:

күүкд эс уульхла, экнь көкн өгдг уга (пока ребенок не заплачет, мать не даст ему грудь) [ППЗ 2007: 49] – сема ‘успокоение’.

3.1.31. Структура значений лексемы *гиҗг* (затылок)

Выявлена 1 ФЕ с соматическим элементом *гиҗг* (затылок), в которой зафиксировано представление о затылке как о наиболее уязвимой части тела: *келн деер шикр тәвдг, гиҗг деер сүк тәвдг* (на язык кладет сахар, на затылок – топор) [ППЗ 2007: 256].

Образ фразеологической единицы с компонентом-соматизмом «затылок» основан на символизации действия «отрубить голову», таким образом, человек может лишиться жизни, всего, что его окружает. Через потерю затылка, а вместе с ним и головы, передается значение ‘всё потерять’.

3.1.32. Структура значений лексемы *өскя* (пятка)

Выявлена 1 ФЕ с соматическим компонентом *өскя* (пятка). В калмыцкой фразеологии встречается 5 частей ноги: *һуй* (бедро), *өвдг* (колено), *тавг* (ступня), *өскя* (пятка) и *тәкм* (коленный сгиб).

Таким образом, ногу можно разделить на верхнюю и нижнюю части. *Өскя* (пятка) относится к нижней, всё, что ниже пояса, у калмыков имеет отрицательную коннотацию. С неодушевленными предметами, например,

одеждой, тоже ассоциируют части тела: *цалдң күүкни хачр норңха, цалдң көвүни өскя цоорха* (у девушки-неряхи щеки мокрые, у парня-неряхи – пятки на носках рваные) [ППЗ 2007: 51], т.е. лентяй, неряха.

3.1.33. Структура значений лексемы *тавг* (ступня)

Выявлено 2 ФЕ с соматическим компонентом *тавг* (ступня). Поскольку ступня является частью ноги, она символизирует «основу»: *залу күүнә үүл тавг дорнь* (мужская судьба под его ступней) [ППЗ 2007: 26], т.е. судьба мужчины в его руках.

Если движения, ходьбы нет, то человек отдыхает, не утруждает себя ничем: *тавг амр, таңна хагсу* (ступни ног в покое, верхнее нёбо сухое) [ППЗ 2007: 510].

3.1.34. Структура значений лексемы *өвдг* (колено)

Выявлено 5 ФЕ с соматическим компонентом *өвдг* (колено). *Өвдг* символизирует унижение, трусость, подчинение: *өвдглҗ бәәһәд җирһсн орхнь, босад зогсҗаһад үксн деер* (лучше умереть стоя, чем жить на коленях) [ХОТ 1977: 408]. Этот пример является калькированным.

Лексическое значение ФЕ с участием сравнительных обстоятельств меры и степени также могут выражаться с помощью лексемы *өвдг* (колено): *орунь шилвцә, һарунь өвдгцә* (доход – по щиколотку, расход – по колено) [ППЗ 2007: 204];

терүнд теңгсин усн өвдгцә (ему море по колено) [ХОТ 1977: 409].

Во фразеологии данный соматизм также употреблеяется в значении ‘трудолюбивый’:

өвдгән дарлго (не приседая, не покладая рук работать, букв. колени не сгибая) или *өвдгән дардг цол уга* (абсолютно нет времени, букв. колени согнуть некогда) [ХОТ 1977: 409].

Из-за небольшой частотности соматизма представляется сложным выделить круг значений.

3.1.35. Структура значений лексемы *арсн* (кожа)

Выявлено 2 ФЕ с соматическим компонентом *арсн* (кожа). Кожа является оболочкой, футляром или контейнером, совмещающим в себе «внутреннее и внешнее», «свое – чужое», «чувственное – телесное»: *сүрин һалд сормсан түләд, сүзгин түдд арсан муках* (в огне костра брови свои опалить, в приступе набожности кожу свою оцарапать, содрать) [ППЗ 2007: 192]. В данном фразеологизме имеет место значение ‘мера’, ‘предел’ или ‘разумность действий’.

Данная лексема очень широко употребляется со значением ‘угрозы’, ‘наказания’: *арсинь авх* (беспощадно наказывать, бить; букв. брать чью-либо шкуру = спускать шкуру) [ХОТ 1990: 14].

3.1.36. Структура значений лексемы *эркә* (большой палец)

Выявлено 2 ФЕ с соматическим компонентом *эркә* (большой палец). Отметим, что в калмыцкой культуре из пяти пальцев отрицательной характеристикой наделен указательный, а большой палец, наоборот, как бы вызывает доверие, символизируя стабильность, силу и устойчивость. В традиционной деятельности калмыков все это основано на использовании большого пальца:

эркә һурв орам сур эр күмнд кергтә, эркә һурв орам утцн эм күмнд кергтә (ремень, который бережет большой палец, трижды нужен мужчине, а нитка, которая обернет большой палец трижды, нужна женщине) [ППЗ 2007: 439]. Большой палец как самый главный выступает в переносном значении как «главное дело».

В следующей ФЕ выражается недоверие мужчине: *эр күмнд иткхәр, эркә хурһндан итк* (чем довериться мужчине, лучше довериться своему большому пальцу) [ППЗ 2007: 19]. Ср.: *ов уга залу орн деер тогтц уга, ооср уга хурвч хурһнд тогту уга* (неуклюжему мужчине и в кровати не лежится, наперсток без тесемки на пальце не держится) [ППЗ 2007: 22]. Соматический компонент *эркә* (большой палец) в данном примере является показателем высокой степени безопасности и уверенности.

Из-за небольшой частотности соматизма представляется сложным выделить круг значений.

3.1.37. Структура значений лексемы *сү* (подмышка)

Выявлено 2 ФЕ с соматическим компонентом *сү* (подмышка). Подмышка, как правило, отвечает за такую функцию, как что-то держать, нести, является непосредственно частью туловища. Употребление соматизма *сү* в данном примере основано на переносе по функции: *нег сүүвдән хойр тарвс сүүвдх хату* (трудно удержать под мышками два арбуза) [ППЗ 2007: 419], т.е. нужно сосредоточиться на одном деле и добиваться успехов в нем. Интересен пример с употреблением подмышки как обозначения предела: *суусн күүнә сүүцә, боссн күүнә бөрвцә* (до подмышек сидящего, до колен стоящего) [ППЗ 2007: 342]. Речь идет о человеке маленького роста. Это единственный пример, когда подмышка является единицей измерения.

3.2.38. Структура значений лексемы *киисн* (пупок, пуповина)

Выявлено 2 ФЕ с соматических компонента *киисн* (пупок). Лексема пупок в рассматриваемых источниках представлена значением ‘бедный’, ‘нищий’, ‘гол как сокол’.

Киисндән күрдг киилг уга, кирән арчх альчур уга (нет рубашки, чтобы закрыть пупок, нет платка, чтобы вытереться) [ППЗ 2007: 143]. СФЕ с

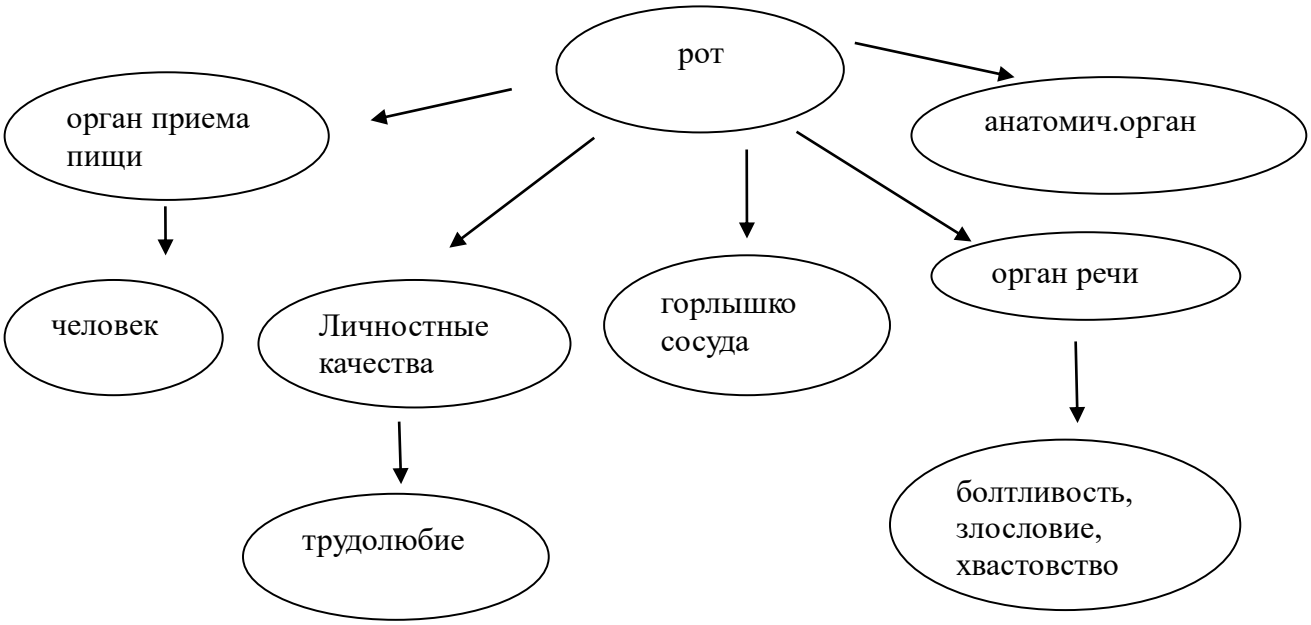
компонентом *киисн* (пупок) встречается и с другими лексическими значениями: *эврән киисән тәәрх* (самому решить свою судьбу, букв. самому себе перерезать пуповину) [ХОТ 1977: 299].

Данная лексема во многих языках имеет значение ‘центр’. В калмыцком языке, в частности в языке эпоса «Джангар» слово *киисн* (пупок) использует подобную семантику:

Өл Маңхн Цаһан уулнь Точно пуп неба и земли,
Һазр теңгр хойрин киисн болад Под лучами утреннего солнца
Өрүн һарх нарни көлдор Величественно возвышается
Маңхаһад бәәдг гинә. Сизо-белая гора Манхан-Цаган
[Жаңһр 2013: 18-19]

3.2. Внутренние органы человека

3.2.1. Структура значений лексемы *амн* (рот)



Выявлено 39 ФЕ с соматическим компонентом *амн* (рот). Рот – это видимая и внутренняя часть лица.

1. Данная лексема участвует не только в описании внешнего вида, чаще всего *амн* употребляется в значении анатомического органа в составе СФЕ с

образной мотивировкой, где характеристика рта соотносится с сущностью человека: *му күмни амнас моһан хор цацрна* (изо рта злого человека извергается брызгами яд змеи, букв. от слов) [ППЗ 2007:454], то есть сущность человека проглядывается в его поведении и речи.

2. *Амн* «рот» отвечает за такие важные функции, как говорение и употребление пищи, поэтому множество примеров связано непосредственно с физиологическими функциями данного органа: *күүкд кичг хойрин амн сул уга* (у детей и щенят часто рот набит пищей) [ППЗ 2007: 48].

Рот является ответственным за коммуникацию, передачу информации. Это определяет его главный символический смысл:

әвр сәәтәнь әәлд арв хондг, амн муутань кеер хондг (добрый будет ночевать в гостях десять дней, человек со злым языком (букв. ртом) будет спать на улице) [ППЗ 2007: 383]. В данном фразеологизме акцент делается на коммуникабельность, что тоже характеризует человека, умеет он или не умеет говорить и общаться с людьми.

Зачастую *амн* «рот» передает значение виновного в излишней болтливости. В таком случае этому соматизму присуща отрицательная коннотация:

әмтнә амн бооҗ болдг уга, бочкин бөөрәс уйҗ болдг уга (всем рот не закроешь, к боку бочки веревку не привяжешь) [ППЗ 2007: 80]. За несдержанность в словах человек может получить наказание, пострадать от собственной болтливости: *келн амн – бийд дәәсн* (язык и рот самому себе враг) [ППЗ 2007: 256];

алдрсиг арһмҗар бәрҗ болдг, амнас алдрсиг бәрҗ болдг уга (вырвавшегося коня можно поймать арканом, сорвавшееся с уст слово не поймать) [ППЗ 2007: 272].

Есть примеры, в которых поощряется молчание: больше молчишь – дольше жить будешь, молчание – золото: *амндан эңкр альчурта, әмндән эңкр – утхта* (кто дорожит своим ртом, тот носит с собой платок, кто дорожит своей жизнью, тот носит с собой нож) [ППЗ 2007: 90]. Фразеологическое

значение данного примера заключается в его семантической направленности, т.е. иногда необходимо сдерживать свою речь.

3. В данной лексико-семантической группе выделяется блок соматических фразеологических единиц со значением ‘болтливость’ с положительной оценкой: *сән күмни амнас сар нарн һарна* (от слов доброго человека светло на душе, словно от восхода солнца и луны) [ППЗ 2007: 347];

му эм амнд һашун, өвчнд туста, му үг чикнд һашун, йовдлднь туста (горькое лекарство горчит во рту, но помогает от болезни, плохие слова неприятны ушам, но полезны делу) [ППЗ 2007: 449].

4. В СФЕ со значением «сквернословие», «злословие» рот осмысляется как грязный, черный или испорченный, что тоже характеризует человека. Много говорить плохого – грех: *нүүлтәннь – нүдәрнь, нүл уганнь – амарнь* (грешных узнают по глазам, безгрешных – по губам) [ППЗ 2007: 194].

Человека, говорящего гадости, называют сквернословом. Внутренняя смысловая направленность сосредоточена на результате деятельности.

5. При метонимическом переносе появляется характерное значение ‘отверстие горлышка сосуда’ (полный, наполненный до верху или набитый до краев) или ‘место, заполненное чем-либо’:

хоңхин амиг бөглҗ болдг, күмни амиг бәрҗ болдг уга (горлышко бутылки можно заткнуть пробкой, а рот человека – не закроешь) [ППЗ 2007: 272];

амн бичкн болв, кезәд чигн, дүүрдг уга, сарай ямаран ик болв, зәрмдн дүүрдг (хоть и мал рот, но никогда не насыщается, хоть и велик амбар, но иногда заполняется) [ППЗ 2007: 445].

6. Преобладающее большинство пословиц и поговорок с соматизмом *амн* «рот» связаны со значением ‘трудолюбие’, ‘работа’:

көдлвл амн тосдх, көдлл уга суувл, аах хоосах (поработаешь – рот будет в масле, не потрудишься – пусто будет в чашке) [ППЗ 2007: 280];

урна амн тоста (у мастера и рот в масле) [ППЗ 2007: 377], то есть тот, кто работает, всегда бывает сыт.

7. Выражение «пусть рот будет в масле» является традиционным. Калмыки произносят его не только с пожеланиями богатства, достатка, но и в знак благодарности за добрые новости или в ответ на благопожелания. Здесь можно снова провести параллель с одной из главных функций рта – употреблением пищи. Масло всегда символизирует достаток, оно является священной пищей, которую в первую очередь преподносили божествам – бросали в огонь, на алтарь ставили масляную, жирную пищу. Масло добавляют в *борцоки* (национальную выпечку) и в *джомбу* (калмыцкий чай). Выпив такой чай, заправленный молоком и маслом, было принято протирать край пиалы ладонью, как бы благодаря небеса за насущный хлеб и выражая почитание самой пище.

Соматические фразеологические единицы также выражают отношения между людьми, например, подчеркивают неблагодарность за доброту. Человек, являвшийся другом, может и навредить, стать врагом. И даже родственники могут поссориться: *тасрсн махн, өсрсн цусн* (оторвавшееся мясо, брызнувшая кровь) – говорится о поссорившихся родственниках [КЗП 1905: 78].

Нельзя всем запретить говорить, сплетничать: *әмтнә ам бооҗ болдг уга, бочкин бөөрәс уйҗ болдг уга* (рот всем не закроешь, к боку бочки веревку не привяжешь) [ППЗ 2007: 80]. И слова, и действия должны быть обдуманными:

ной дахсн амн тоста, нутг дахсн нүдн герлтә (следуешь за нойоном – рот в масле, следуешь за нутуком (близкими) – глаза радуются) [ППЗ 2007: 128].

В целом рот наделяется негативной характеристикой, имеются и СФЕ со значением ‘лентяй’, ‘пустослов’:

әрк гивл амни шүлснь һооҗдг, аҗ гивл оран үснь залху (у них при слове водка слюни текут, при слове работа – волосы на голове не шевельнутся) [ППЗ 2007: 281];

кел амнь әәмшгтә, кесн кергнь сулвтр (на словах ужасно силен, а дело делать – слабоват; букв. говорить ртом ужасно силен, а дело делать – слабоват) [ППЗ 2007: 257].

Рот может быть оружием, через речь, рот человек способен навредить, обидеть: *хордхла – амч, өлсхлә – хулхач* (когда озлобится – остер на язык, когда голоден – вор) [ППЗ 2007: 486]:

эрүлин ухандк согтуһин амнд (что у трезвого на уме, то у пьяного на языке) [ППЗ 2007: 482];

цецн, мергнә чееҗд, муңхг һәргин амнд (что умный хранит в душе, то у глупого на языке) [ППЗ 2007: 256];

мергн – эрдм дотр нуцх, муңхг – эрдм амнд бәрх (мудрый скрывает знания в себе, а глупый держит их на языке) [ППЗ 2007: 248].

9. По калмыцким традициям считается, что несчастливцу, обездоленному самой судьбой очень трудно помочь, как бы ни пытались:

кишгтә күүнә амнд кишгтә хот ордг уга (в рот несчастного и хорошая пища не попадет) [ППЗ 2007: 174];

хутг уга амнд хурһар, чикв чиг орх уга (в рот несчастливца хоть пальцем заталкивай, ничего не попадет) [ППЗ 2007: 175].

Как бы ни старались небеса послать счастье такому человеку, всё ему не впрок. Очень много буддийских притч также передают данный смысл.

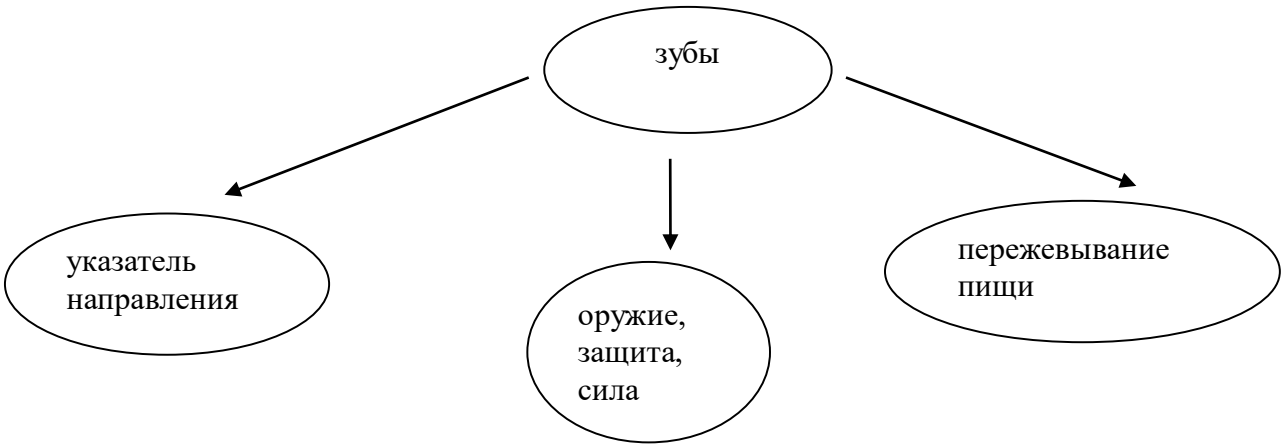
Через процесс говорения, коммуникацию человек «понимает, осмысливает объект внимания, анализирует» [Рифтин 1946]. Рот как бы становится посредником, через речь, рот узнают об умственных способностях, внутреннем мире человека, его эмоциях и переживаниях.

Таким образом, важная роль в понимании менталитета принадлежит фразеологизмам с соматическим компонентом *амн* «рот». Высокая продуктивность СФЕ с данной лексемой позволяет говорить о большом значении этого соматизма в калмыцкой культуре. Также лексема *амн* «рот» легко сочетается с другими словами, образуя различные семантические типы. В калмыцкой фразеологии очень распространен семантический тип с одной из

главных функций рта – способность говорить, общаться. Поэтому ФЕ, выражающие понятия «отношения между людьми» и «эмоциональное состояние человека», наиболее частотны.

Итак, ФЕ с лексемой *амн* (рот) несут в себе значения ‘пустослов’, ‘лентяй’, ‘нанесение вреда’. Есть фразеологические единицы с положительной оценкой языка, но их немного. Можно сделать вывод о том, что рот характеризует внутренние качества индивида, т.к. в зависимости от речевого поведения проявляются его внутренние качества. Фразеологическим единицам с данным соматизмом присуще развитое семантическое поле.

3.2.2. Структура значений лексемы *шүдн* (зубы)



Выявлено 17 ФЕ с соматическим элементом *шүдн* (зубы).

1. Большинство фразеологизмов связано с основным предназначением зубов – пережевыванием пищи:

шүдтә күмнд будан йилһл уга (у кого крепкие зубы, тому безразлично, какая еда) [ППЗ 2007: 559];

ма гидг маань уга, мах иддг шүдн уга (ни молитвы, чтобы произнести мани (молитву), ни зубов, чтобы есть мясо) [ППЗ 2007: 190];

буру йовдлыг зөвәр эс тәәлхлә, булмгт чиг шүдн хүhрдг (если ошибочные проступки не разрешить по справедливости, то, кушая даже булмак (мучное блюдо), можно сломать зубы) [ППЗ 2007: 562] или *цагнь ирхлә, булмгт шүдн ундг* (приходит время, и при кушании булмака (мучное кашеобразное блюдо) падает зуб) [ППЗ 2007: 208]

С употреблением пищи связаны примеры ФЕ, используемые в сравнениях:

нүднд орсн бог шиңг, шүднд орсн махн шиңг (словно соринка в глазу, словно кусочек мяса, застрявший в зубах) [ППЗ 2007: 341];

сән идән шүдни hол, сән күүкн нүдни hол (хорошую пищу схватывают зубы, хорошую девушку замечают глаза) [ППЗ 2007: 56].

2. Зубы также используются для защиты:

келн – дәәсн, шүдн – бәәшң (язык – враг, зубы – крепость/дворец) [ППЗ 2007: 256]. Зубы являются показателем силы или, наоборот, слабости и беспомощности:

үкх күмни нүднь хурц, угатя күмни шүдн хурц (у человека, ожидающего смерть, глаза зорки, у неимущего – зубы остры) [ППЗ 2007: 139];

инәдг шүдн чини бәәв чиг, иньглдг зүркн чини хоома (хотя зубы твои в улыбке хороши, но чувства твои не надежны) [ППЗ 2007: 394;

шүдтә күмнд будан йилhл уга (у кого крепкие зубы, тому безразлично, какая еда) [ППЗ 2007: 559], т.е. кто крепок духом, силен, тому не страшны никакие препятствия. В данном фразеологическом сочетании зубы символизируют силу человека.

3. Во фразеологии калмыцкого языка с лексемой *шүдн* «зубы» встречаются примеры, изобличающие леность и глупость:

тесркә шүдн киihин барул, тенг көвүн будани барул (редкие зубы выпускают зря воздух, глупый сын, сидя дома, зря переводит еду) [ППЗ 2007: 468].

Неизбежность чего-либо передается через поглощение еды:

унх шүднд бүүл керг уга, зовх күүкнд төркн керг уга (зубам, которым суждено выпасть, десны не помогут; девушке, которой суждено мучиться, родственники не помогут) [ППЗ 2007: 66];

өгсн күүнд төркн туслдг уга, унх шүднд бүүлнь туслдг уга (выданной замуж девушке родственники не подмога, а зубам, которым суждено выпасть, – десны не подмога) [ППЗ 2007: 67];

мордсн күүнд төркн туслдг уга, унх шүднд бүүлнь туслдг уга (девушке, выданной замуж, родственники не помогут, а зубам, которым суждено выпасть, – десны не помогут) [ППЗ 2007: 67]. Или СФЕ со значением удалить зуб, избавившись, таким образом, от какой-либо проблемы:

әәл күн цүүглдлхә бүүрән соль, шүдн зовахла авч хай (если ссорится сосед – переселись, если беспокоит зуб – выдерни) [ППЗ 2007: 97].

Таким образом, фразеологические единицы с соматизмом *шүдн* (зубы) не отличаются богатой семантикой. Доминирует семантический тип с понятием «употреблять пищу». СФЕ, которые выражают «отношение людей друг к другу», в калмыцкой фразеологии являются менее частотными. Есть примеры, когда какое-либо препятствие сравнивают с пищей, застрявшей в зубах, также употребляется в значении ʹбеспомощныйʼ или ʹсильныйʼ, т.е. зубы – это своеобразный инструмент, защищающий от всего плохого.

3.2.3. Структура значений лексемы *зүркн* (сердце)

Выявлено 10 ФЕ с соматическим компонентом *зүркн* (сердце). Лексема *сердце* в анатомическом значении как материальный орган не употребляется.

1. Лексема отражает область значений, связанных с физиологическим состоянием организма, отражая не физические болезненные, а чувственные ощущения:

зөв махлад толһа хандг, зөвтә үгд зүркн хандг (букв. от шапки по размеру голове хорошо, от хорошего слова сердце благодарно). Эту же

самую пословицу автор изучаемого сборника переводит иначе: *если шапка впору, голове приятно, от справедливых слов сердце радуется* [ППЗ 2007: 293].

Поскольку калмыки традиционно занимались животноводством, очень много примеров с зоонимами, которые так или иначе участвуют в передаче образной характеристики человека:

буульсн ингиг ботхндн күргҗ хаңһадг, бульглсн зүркиг иньгтнь күргҗ тогтнулдг (успокаивают жалобно ревущую верблюдицу, отведя ее к верблюжонку; успокаивают трепещущее сердце, отведя влюбленного к любимой) [ППЗ 2007: 394].

На основе представления о месте локализации сердца (внутреннее положение) сформировалось метафорическое значение ̓внутренний мир человека’, поскольку сердце относится к внутренним органам. В этом значении *зүркн* (сердце) тесно корреллирует с лексемой *чееҗ* (грудь; душа). В структуру внутреннего мира человека традиционно включают внутренние качества человека, его характер.

2. Описание личностных качеств происходит при участии таких качественных определений, как храбрый, отважный:

нүдн әәмтхә, зүркн зөргтә (глаза трусливы, сердце отважно) [ППЗ 2007: 360], *эрин зөрг зүркнднь, ирвсин – бийднь* (отвага мужчины – в сердце, отвага леопарда – в его теле) [ППЗ 2007: 359].

Сердце является составляющей внутреннего мира человека, его чувств, эмоций и переживаний. В первую очередь это связано с самым важным чувством – любовью к детям, родителям, родине и т.д.:

өлсхә, сагса шикрлә әдл әмтәхн, көгшрхлә күүкнд зүркнлә әдл унтә (с голода каша сладка, как сахар; в старости дети дороги, как сердце) [ППЗ 2007: 47];

У уже упоминавшейся пословицы *зүркн туссн иньгәс нүдн хөөһхш, зөркә һарсн урлас келнә үзүр хөөһхш* (от любимой взгляда (глаз) не оторвать, от

потрескавшихся губ кончик языка не оторвать) [ППЗ 2007: 391] есть несколько вариантов с лексемой «сердце», передающих один и тот же смысл:

зөркә һарсн урлас келн хөөһдг уга, зүркни туссн иньгәс седкл хөөһдг уга (от потрескавшихся губ язык не отвести, от милого сердцу человека глаз не отвести) [ППЗ 2007: 392];

зөркәдсн урлд келн тусдг, зүркн иньгт нүдн тусдг (к потрескавшимся губам льнет язык, к сердцу возлюбленной устремлены глаза) [ППЗ 2007: 394].

В последнем фразеологизме используются сразу четыре соматизма – сердце, губы, язык и глаза. И таких примеров много.

3.2.4. Структура значений лексемы *седкл* (сердце, душа)

Выявлено 13 ФЕ с соматическим компонентом седкл (сердце, душа). Надо отметить, что основное значение слова «седкл» – это думы, намерения, но часто данная лексема используется в значении ʹдуша, сердцеʼ. Седкл является как бы квазисинонимом лексемы зүркн, символом души, средоточением переживаний настроений.

1. Как и предыдущий соматизм зүркн лексема *седкл* не употребляется в анатомическом значении. Она отражает чувственные ощущения человека: *мөңг, алт өгснәс миимлзсн седкл деер* (чем одаривать серебром, золотом, лучше одарить добротой души) [ППЗ 2007: 200].

2. По сердцу, душе человека, всегда судят о его нравственных качествах*: шовуни өңг өднд, күмни өңг седклд* (красота птицы от перьев, красота человека от души, сердца) [ППЗ 2007: 236];

цәәһин амтн давснд, күмни чинр седклд (вкус чая – от соли, хорош ли человек – от его души (сердца)) [ППЗ 2007: 236].

3. Есть примеры, отрицательно характеризующие женщину, указывающие на ее чрезмерную болтливость, любопытство и т.д.:

гергн сохр болхла, мини седкл төвкнүн (если жена слепа, то и душа моя спокойна) [ППЗ 2007: 33].

4. В буддизме, который исповедуют калмыки, считается, что чистое перерождение достигается в облике мужчины, а не женщины. Это означает, что у мужчины больше ментальных заслуг, хорошая карма для такого перерождения, соответственно у женщины – меньше заслуг (*буйн*). Восхваляется девушка с доброй, открытой душой:

көк теңгр ahарарн йир сән, күүкн седкләрн йир сән (синее небо прекрасно чистым воздухом, девушка – душой) [ППЗ 2007: 155].

Чувство любви, радости человек испытывает сердцем, своей душой:

зөркә hарсн урлас келн хөөhдг уга, зүркн туссн иньгәс седкл хөөhдг уга (от потрескавшихся губ язык не отвести, от милого сердцу человека глаз не отвести) [ППЗ 2007: 392].

5. Человек с черной душой всегда вызывает отрицательные эмоции: *келн деерән келдг бурхн зать хойр, седклин муухас үүсдг ур килң хойр* (на языке бурхан и мускатный орех, от злого сердца – ярость и гнев) [ППЗ 2007: 256]. И наоборот, человеку с добрым сердцем всегда рады.

6. На основе представления о сердце как о вместилище сокровенного и интимного актуализуется значение *седкл* как символа искренности: *чееҗдән байрта, чирәдән инәмсгллтә* (на сердце и душе – радость, на лице – улыбка) [ППЗ 2007: 166].

Значение ʹвместилище’ формирует семантическую область, связанную со значением сердца как органа чувств: *чееҗдән цеертә, седклдән киләстә* (умом понимает, что нельзя, а душой страдает) [ППЗ 2007: 504] .

3.2.5. Структура значений лексемы *чееж* (грудь, душа)

Выявлено 10 ФЕ с соматическим компонентом чееж *(грудь, душа).* Лексема чееж семантическими значениями совпадает с лексемами седкл и зүркн. Ассоциация между грудью, душой и сердцем возникла на основе

метонимического переноса. В том числе это связано и с тем, что сердце как самый важны орган человека располагается в грудноц клетке, под ребрами.

1. Как и предыдущий соматизм *зүркн*, лексема *чееҗ* также отражает чувственные ощущения человека – страдание, радость, переживания:

чееҗдән байрта, чирәдән инәмсгллтә (на сердце и душе – радость, на лице – улыбка) [ППЗ 2007: 166];

байрлв гиҗ маңна хаһрдг уга, бахтла гиҗ чееҗ хаһрдг уга (как бы ни радовался, лоб не треснет; как бы ни восторгался, грудь не треснет) [ППЗ 2007: 166];

келхлә, келнә зовлң, санхла, чееҗин зовлң (как говорить – для языка мучение, как думать – для сердца мучение) [ППЗ 2007: 179].

2. Семантические группы связаны со значением ʻвместилище’, где находится самое сокровенное и интимное, лексема *чееҗ* связана с семой ʻизливать душу’:

зовлң санхла чееҗ дүүрдг (если думать о несчастьях и мучениях, грудь наполняется печалью) [ППЗ 2007: 178].

3. Важное метонимическое отношение находится между тем, что содержит, и тем, что содержится. *Чееҗ* в значении ʻвместилище’ формирует значение ʻорган, который вырабатывает эмоции и чувства’. В значении ʻвместилища эмоций’ чееҗ связывается с замкнутой емкостью, разрывающейся от боли:

зовлһ идсн шүдн эрүтә, зовлң сансн чееҗ эрүтә (питаться нежирным мясом – пытка для зубов, думать о страданиях – пытка для души) [ППЗ 2007: 178];

му хот гесни зовлң, му садн чееҗин зовлң (плохая еда – мучение для желудка, плохие родственники – мучение для души) [ППЗ 2007: 70];

чееҗдән цеертә, седклдән киләстә (умом понимает, что нельзя, а душой страдает) [ППЗ 2007: 504].

4. В традционной культуре калмыков, в частности в эпосе и сказках, лексема *чееҗ* выступит в значении ʻвместилище и хранилище мудрости

знаний’. Например, мудрец и ясновидец Алтн-Чееҗ героического эпоса «Джангар» мог предсказывать будущее на 99 лет вперёд и видеть прошлое на 99 лет назад.

В целом *чееҗ* связывается с положительными оценками нравственности человека. Понятия о порядочности, честности ассоциируются с душой. Одним из универсальных значений лексемы *чееҗ* является представление о том, что сердце – это локус правдивости и откровенности:

өндр уул деер һархла, нүднә сергмҗ, өвгн күүнлә күүндхлә, чееҗин сергмҗ (взойдешь на высокую гору – глазам простор открывается, поговоришь со старцем – сердце наслаждается) [ППЗ 2007: 109]. В последнем примере отмечается уважение к представителям старшего поколения, которые всегда вызывают доверие и ассоциируются с чем-то чистым, мудрым, священным. Пожилые и дети всегда вызывают только положительные эмоции.

Таким образом, лексемы чееж, седкл и зүркн являются местом хранения сокровенного, недоступного для посторонних глаз. Они связаны с внутренним миром человека, его сердцем – органом любви к человеку противоположного пола. Одно из значений лексемы «сердце, душа» представляет сердце как ментальный орган, который имеет способность чувствовать, переживать. Сердцем, душой человек может предчувствовать какое-то событие, оно является местом памяти, но эти соматизмы практически не употребляются в собственно анатомическом значении. Лексические значения связаны с топографией данного органа. Значение лексем *грудь, душа* и *сердце* отражают личностные качества человека, данные соматизмы связаны с общечеловеческими свойствами и качествами.

Анализ СФЕ позволяет говорить о взаимосвязи частей тела – сердце и душа часто заменяют друг друга. Это можно объяснить тем, что сердце – материальный орган, представляющий центр физической жизни. Душа напротив является нематериальной, психическим компонентом. Она

отражает внутреннее состояние человека, его характер. По словам Й. Русецкой, «концептуализация во фразеологической системе первостепенных лингвокультурных концептов «душа» и «тело» говорит об их непосредственном взаимодействии, это метафорически передается во фразеологической системе любого языка вокруг данных соматизмов» [Русецкая 2012: 18].

Соматизм «грудь» имеет сему «страдание», передающееся с помощью глаголов *болеть, щемить, вздыматься*. Данная лексема является символом средоточия чувств и переживаний. В понимании людей *грудь* – местонахождение души, поэтому СФЕ связаны с эмоциями и нравственными качествами человека.

3.2.6. Структура значений лексемы *ясн* (кость)

Выявлено 16 ФЕ с соматическим компонентом *ясн* (кость).

1. Большинство соматических фразеологических единиц с компонентом *ясн* (кости) связано с употреблением пищи, мяса, имеющегося на костях:

ясна мөлҗүртәнь сән (кость для обгладывания хороша, если с мясом; букв. питаться впроголодь) [ППЗ 2007: 357];

яс дахулҗ мах иддг, йос дахулҗ үг келдг (мясо едят, следуя вдоль кости, слова говорят, следуя правилам приличия) [ППЗ 2007: 195];

алг махни тасрха, алтн ясни кемткрә (кусочек жирного мяса, обломок золотой кости) [ППЗ 2007: 77];

нохан цуглран ясн деер, нойдин цуглран яамн деер (где кости, там сборище собак, где управление, там сборище нойонов (князей)) [ППЗ 2007: 132].

2. В калмыцком языке и культуре воспевается трудолюбие, работа, которая кормит человека:

гертән кевтсн ноха өлсдг, гермүд төгәлсн – яс кемлдг (если собака лежит дома – она голодает, если бродит по дворам – грызет кости) [ППЗ 2007: 95].

3. Поскольку кости считаются остатками, то они не могут насытить человека, утолить голод. Если человек работает, он может что-нибудь купить, заработать на пропитание. Недаром в осуждение кого-либо народная мудрость гласит: *пересчитывать кости* – впустую тратить время:

махн дотрк яс тоолдг, махла дотрк үс тоолдг (считать кости в мясе тела, а волосы – под шапкой) [ППЗ 2007: 500].

Нужно отметить, что у калмыков, согласно обычаям, было принято обгладывать кость, особенно, если гостя угощали бараньей лопаткой:

балг утхар яс мөлҗҗ болдг уга (широким плоским ножом нельзя обгладывать кость) [ППЗ 2007: 331].

3. Ясн «кость» как достаточно прочный материал ассоциируется с надежной защитой или труднодоступностью: *ясн дотрк чимгн мет, яңһг дотрк идән мет* (как костный мозг внутри кости, как ядро ореха внутри скорлупы) [ППЗ 2007: 336].

4. Кость как остаток пищи сиволизирует смерть, завершение жизни:

күмни нутгт нерән дуудулҗ, эврә нутгт ясан тәвдг (в чужом краю своё имя прославляют, в своём краю кости кладут) [ППЗ 2007: 382];

заһсн үкхлә, ясн үлддг, залу үкхлә, нернь үлддг (рыба гниет – остаются кости, мужчина умирает – остается доброе имя) [ППЗ 2007: 384]. Причем, если всё время обманывать, то можно за это понести наказание – потерять жизнь:

үнн йоввл, үсн цәәдг, худл йоввл, ясн цәәдг (если жить по правде – волосы поседеют, если жить по лжи – кости побелеют) [ППЗ 2007: 404].

Кости – важная составляющая организма: *нерән геехәр, ясан хуһр* (чем потерять имя, лучше сломать кости) [ППЗ 2007: 381] или *нер хуһрхар яс хуһр* (поломать кости лучше, чем загубить свое имя) [ППЗ 2007: 379].

5. В анатомическом отношении указывается на отсутствие костей в языке, что в переносном смысле означает ʹнельзя запретить всем говорить, обсуждатьʼ: *келнә махнд ясн уга* (в мясе языка нет костей) [ППЗ 2007: 259].

3.2.7. Структура значений лексемы *гесн* (живот, желудок)

Выявлено 12 ФЕ с соматическим компонентом *гесн* (живот). В калмыцкой культуре живот по признаку своего расположения также относится к низу. Он связан с основной физиологической функцией, представляет собой вместилище и орган переработки пищи и питья: *идәгчин геснь өлн, ууханчин урлнь чиигтә* (у обжоры всегда в желудке пусто, у пьяницы губы бывают влажными) [ППЗ 2007: 622].

1. Образ безостановочно функционирующего желудка свиведельствует о том, что лексема *живот* олицетворяет плотское начало, отвечает за аппетит. Эту лексему часто противопоставляют *душе*, *сердцу*:

гесн цадв чигн, седкл цадх уга (хотя желудок сытый, но душа не насыщается) [ППЗ 2007: 499]; *сән хот үрхин ормд, му гесн хаһрг* (чем пропадать вкусной пище, пусть лопнет плохой желудок) [ППЗ 2007: 350]. В переносном смысле данные СФЕ передают значение ʹбыть жадным, ненасытнымʼ. Все последующие соматизмы также связаны с основной функцией живота, желудка. Так, человек, который не имеет крова, всегда бывает голодным: *гер уга күүнә геснь өлн гидг* (бездомный всегда голоден) [ППЗ 2007: 93].

2. Часто *живот* говорит не только о хорошем аппетите, но и является метафорой личностных качеств человека, его характера. ФЕ с соматизмом *гесн* имеет метафорический смысл – вместилище чувств. Бедные люди в калмыцкой культуре всегда вызывают сострадание, сочувствие, а богатые, наоборот, – только критику и отрицательную оценку: *цадхлң гесн ямаран чигн зовлң меддг уга* (сытый желудок ко всем бедам глух) [ППЗ 2007: 179];

гер бәрснь – үүдн хоорнд, гесән илснь – деед бийд (кто поставил юрту – у двери, кто поглаживал живот – на почетном месте) [ППЗ 2007: 93], т.е. богатый всегда сыт, находится в почете.

3. Целеустремленный человек при большом желании может всего достигнуть, надо лишь приложить усилия: *гер ямр баһ болв чигн нег күмни зәәтә, гесн ямр баһ болв чиг нег ааһ будани зәәтә* (как бы ни был мал дом, найдется место для одного, как бы ни был мал желудок, найдется место для одной чашки пищи) [ППЗ 2007: 93];

4. Живот как матка: *геснд багтсн күн герт чигн багтдг* (человек, помещавшийся в животе, поместится и в доме) [ППЗ 2007: 94] – в тесноте, да не в обиде.

5. Иногда человек сам себе может навредить: *иткснкүмн бийдән дәәсн, икәр идсн будан геснд дәәсн* (положишься на себя – самому же во вред, переешь – желудку во вред) [ППЗ 2007: 315].

Имеются также примеры фразеологических единиц, где встречается несколько соматизмов:

геснdән гемтә, гер шүндән ямта (с больным желудком, с испорченным передним зубом) – непригодный [ППЗ 2007: 484]; *келиг шүдн харсдг, нүдиг күмсг харсдг* (зубы язык, брови защищают глаза) [ППЗ 2007: 258], *му хот гесни зовлң, му садн чееҗин зовлң* (плохая еда – мучения для желудка, плохие родственники – мучение для души) [ППЗ 2007: 70], т.е. человеку в тягость и болезнь, и плохие люди. Есть примеры, в которых дается положительная оценка труду, благодаря которому человек может себя прокормить: *гертән бәәхлә гесн өлсдг, йовхла яс кемлдг* (если сидеть дома, голод желудок скрутит; если ходить, можно косточки глодать) [ППЗ 2007: 95].

Стоит отметить, что женщина в традиционной культуре калмыков занимает второстепенное место. В семье она ела последней и ложилась спать не на самом лучшем месте в жилище.

3.2.8. Структура значений лексемы *элкн* (печень)

Выявлено 2 ФЕ с соматическим компонентом *элкн* (печень). *Элкн* относится к числу тех компонентов, которые не часто встречаются в калмыцких фразеологизмах. Данный соматизм зафиксирован всего в двух случаях. Малочисленность примеров можно объяснить тем, что *элкн* в калмыцких традициях не подвергался символизации. Семантически данная лексема часто сопрягается с употреблением пищи:

күцц эс буслсн хот – элкнд му, күцц эс келсн үг – уханд харш (недоваренная пища вредна для печени (= желудка), недосказанные слова вредны для ума) [ППЗ 2007: 228] – доводить дело до конца;

авна гивл альхан делгҗ өгнә гивл элкән цокх (как брать, так раскрывает ладонь; как отдавать, так бьет себя по печени (= в грудь) [ППЗ 2007: 501] – быть бессовестным;

энгин олн -әмтнәннь төлә элкән йүүләд өгий – ради своего народа…обнажим свои сердца (букв: печень) и отдадим [Тодаева 1976: 202].

3.2.9. Структура значений лексемы *махн* (мясо, плоть)

Выявлено 12 ФЕ с соматическим компонентом *махн* (мясо, плоть).

1. Большая часть СФЕ связана с использованием мяса в качестве пищи:

мах шиксн күмн һаран доладг (человек, который крошит мясо, облизывает пальцы – голодным не останется) [ППЗ 2007: 615];

ма гидг маань уга, мах иддг шүдн уга (ни молитвы, чтобы произнести мани, ни зубов, чтобы есть мясо) [ППЗ 2007: 190].

2. С качеством мяса сравнивают качества, характер человека: *күмни му тәәҗ, махни му оошк* (худший из людей – тайджи (князь), худшее из мяса – легкие) [ППЗ 2007: 448].

Здесь просматривается отрицательное отношение к знатным богатым людям. Нужно довольствоваться тем, что имеется: *һаза бәәх махнас һарт бәәсн оошк* (чем мясо на дворе, лучше легкие в руке) [ППЗ 2007: 346].

3. Порицается обман, ложь, злословие: *урлан тослад мах идлә гих* (обмазав губы маслом, говорить, что ел мясо) [ППЗ 2007: 489];

му махнд өвсн тоосн, му күмнд үг күр (к плохому мясу липнут пылинки, соринки; у плохого человека пристрастие к разговорам и пересудам, букв. у немясистого человека) [ППЗ 2007: 452] – плохой человек притягивает всё плохое, ему свойственны многие недостатки. Вместо того чтобы доставлять неприятности, лучше сделать что-нибудь полезное: *хаххд мах булана, хальтрхд тайг булана* (когда человек давится, мясо отнимать, когда человек поскользнется, посох отбирать) [ППЗ 2007: 503]. Человек должен придерживаться правил поведения: *яс дахулҗ мах иддг, йос дахулҗ үг келдг* (мясо едят, следуя вдоль кости, слова говорят, следуя правилам приличия) [ППЗ 2007: 195].

4. *Махн* «мясо» сравнивается с чем-то драгоценным, необходимым для жизни: *алг махни тасрха, алтн ясни кемткә* (кусочек жирного мяса, обломок золотой кости) [ППЗ 2007: 77], человеку также нужна опора, защита, как мясу нужен скелет или мышцы: *күмнд күмн керг, күзүнд махн керг* (человеку нужен человек, а шее – мышцы) [ППЗ 2007: 439]. Иногда неудача, что-то ненужное ассоциируется с застрявшим в зубах мясом:

махла өмсв толһад, мах идв аранд (наденешь шапку – останется на голове, съешь мясо – застрянет в зубах) [ППЗ 2007: 616]; *нүднд орсн бог шиңг, шүднд орсн махн шиңг* (словно соринка в глазу, словно кусочек мяса, застрявший в зубах) [ППЗ 2007: 341].

3.2.10. Структура значений лексемы *сеер, сәәр* (хребет, поясница)

Выявлена 1 ФЕ с соматическим компонентом *сеер* (хребет). Данный соматизм отражает сему ʹопораʼ, ʹединствоʼ, ʹнеразделимостьʼ:

сеер хавсндан түшг, хавсн сеертән түшг (спинной хребет поддерживает ребра, ребра поддерживают спинной хребет) [ППЗ 2007: 416]. Хребет и спина – это опора, символ твердости характера. Ср.: *нурһн хавсндан түшг, хавсн нурһндан түшг* (спина – опора ребер, ребра – опора спины) [ППЗ 2007: 416].

Данная часть тела используется в значении ʼлентяйʼ, ʼнеумехаʼ. Человек, который лежит без дела и работы, накапливает жир, толстеет: *санан угаһин сәәр тарһн, ухан угаһин уҗрха тарһн* (у бездумного спина жирная, у глупого – уджирха) [ППЗ 2007: 232]. Подхалимство богатому или пренебрежение к бедному передает следующая ФЕ: *сәәрсн күүнә сәәр мааҗҗ өгх, муурсн күүнә толһа деер һарх* (почесывать поясницу человеку, который поднялся, сесть на голову тому, кто испытывает трудности) [ППЗ 2007: 495].

3.2.11. Структура значений лексемы *оошк* (легкие)

Выявлено 5 ФЕ с соматическим компонентом *оошк* (легкие). Легкие считаются плохим мясом, субпродуктом. Данный соматизм является непродуктивным, и его семантическое поле небольшое:

э*ндркин өвкнәс маңһдурк оошк амтта* (завтрашние легкие вкуснее, чем сегодняшний жир) [ППЗ 2007: 211];

һаза бәәх махнас һарт бәәсн оошк (чем мясо на дворе, лучше легкие в руке) [ППЗ 2007: 346] **–** надо ценить то, что имеешь.

СФЕ *күмни му тәәҗ, махни му оошк* (худший из людей – тайджи (князь), худшее из мяса – легкие) [ППЗ 2007: 448] имеет значение «не всё то золото, что блестит».

Следующее устойчивое выражение имеет сему ʼмало силʼ, т.е. не хватит сил, чтобы что-то сделать: *уул үзх нүдн уга, оошк даах шүдн уга* (нет глаз, чтобы разглядеть горы, нет зубов, чтобы съесть легкие) [ППЗ 2007: 144].

3.2.12. Структура значений лексемы *бөөр* (почки, бок)

Выявлено 2 ФЕ с соматическим компонентом *бөөр* (почки, бок). Почки являются носителем символических ассоциаций, связанных с материальным благосостоянием. Выражение «почки в жиру» означает быть защищенным:

өөкн дотрк бөөр мет, өндгн дотрк уургмет (словно почки в жиру, сале, словно желток в яйце) [ППЗ 2007: 337];

өндгнә уург мет, өөкн дотр бәәх бөөр мет (словно желток в яйце, словно почки в жиру) [ППЗ 2007: 619].

Встречается СФЕ с несколько иной соматической направленности: *бөөр өөклх* (с жиру беситься, букв. почка жиреет и обрастает жиром) [ХОТ 1977: 115].

3.2.13. Структура значений лексемы *таңна* (нёбо)

Выявлено 3 ФЕ с соматическим компонентом *таңна* (нёбо). Нёбо – это верхняя стенка ротовой полости, которая связана с физиологической функцией – употреблением пищи. Через данную функцию передаются переносные значения, например, ‘не утруждать себя ничем’: *тавг амр, таңна хагсу* (если ступни ног в покое, нёбо сухое) [ППЗ 2007: 510]. Подобно тому, как твердая пища может навредить нёбу, так и жизненные обстоятельства могут неблагоприятно сложиться: *тәмк татхнь – таңнан зовлң, шүүрмг идхнь – шүднә зовлң* (курить табак – мука для нёба, кушать сушеный творог – мучение для зубов) [ППЗ 2007: 179] – неизбежность страдания.

Лексема *таңна* символизирует единство, неразделимость или родство: *таньлдад автл талын һурвн гөрәсн, таньлдснас хооран таңнан һурвн судсн* (пока не знакомы словно три степных зверя, после знакомства словно три артерии твердого нёба) [ППЗ 2007: 597].

3.2.14. Структура значений лексемы *уҗрха* (утолщенная часть рубца)

Выявлено 3 ФЕ с соматическим компонентом *уҗрха* (утолщенная часть рубца). В этой части тела скапливается жир, который в одном случае является символом достатка:

уханд ухан бәәнә, уҗрхад өөкн бәәнә (в уме – разум, в уджрихе – сало) [ППЗ 2007: 229];

ухан уга юмнд, уҗрха бас бәәдв (поскольку ум отсутствует, где взяться уджрихе?) [ППЗ 2007: 224] – не способен заработать, прокормить себя.

В другом случае *уджриха* является признаком лености человека, который лежит без дела и накапливает жир, толстеет:

санан угаһин сәәр тарһн, ухан угаһин уҗрха тарһн (у бездумного спинной хребет жирный, у глупого – уджриха) [ППЗ 2007: 232].

3.2.15. Структура значений лексемы *судсн* (артерия)

Выявлена 1 ФЕ с соматическим компонентом *судсн* (артерия). Название артерии относится к ангионимической лексике, которая служит для обозначения кровеносной системы человеческого организма. Образ, лежащий в основе данного фразеологизма, отражает неразрывную связь между людьми, крепкую дружбу:

таньлдад автл талын һурвн гөрәсн, таньлдснас хооран таңнан һурвн судсн (пока не знакомы словно три степных зверя, после знакомства словно три артерии твердого нёба) [ППЗ 2007: 597].

3.2.16. Структура значений лексемы *үй* (суставы)

Выявлена 1 ФЕ с соматическим компонентом *үй* (суставы). Название суставов так же, как название артерии, относится к ангионимической лексике. С помощью лексемы *үй* передается понятие ʼусердиеʼ:

үнниг олгч – хууль, үйиг олгч – утх (правду находят по закону, суставы – ножом) [ППЗ 2007: 122], т.е. всё достаётся по закону трудом и скрупулезностью.

3.2.17. Структура значений лексемы *киим* (толстая кишка)

Выявлено 2 ФЕ с соматическим компонентом *киим* (толстая кишка). С этой частью тела в сочетании со словом «жир» в калмыцком языке прослеживается ассоциативное слияние значений ʻфизическая силаʼ или ʻматериальные, финансовые возможностиʼ – т.е. всё, что необходимо для жизни в полном достатке:

киимнь һолиһәд, кишгнь ирәд (толстая кишка его жиром налилась, счастье его пришло) [ППЗ 2007: 550];

киимнь һолиһәд, китнь бүдүрәд (толстая кишка его разжирела, а тонкая кишка потолстела) [ППЗ 2007: 545]. Словом, дела пошли на поправку, появились дополнительные средства. Интересен тот факт, что в калмыцкой фразеологии есть упоминание не просто о кишке, но и ее дифференциация на толстую и тонкую.

3.2.18. Структура значений лексемы *кит* (тонкая кишка)

Выявлена 1 ФЕ с соматическим компонентом *китнь* (тонкая кишка): *киимнь һолиһәд, китнь бүдүрәд* (толстая кишка его чересчур разжирела, а тонкая кишка потолстела) [ППЗ 2007: 545];

китньһолиһәд, киимнь көөһәд (толстая кишка (у него) растолстела) – разъелся как боров) [ХОТ 1977: 303]. Данный соматизм имеет те же значения, что и «толстая кишка».

3.2.19. Структура значений лексемы *хоол* (горло, внутренняя часть)

Выявлена 1 ФЕ с соматическим компонентом *хоол* (горло). Горло – орган, отвечающий за передачу информации, он может указывать на предельное заполнение внутреннего пространства. *Хоол* (горло) как часть тела помогает ярче воспринимать отчаянный крик души человека: *хооларн маань унижҗ, хошуһарн хорха түүх* (во все горло читать молитвы, ртом ловить насекомых) [ППЗ 2007: 190]. Выражение «громко кричать» в данном случае означает ʹчто-то делать бездумно’, ʹперестараться’. Ср.: *амнаннь зава һаһх* (чесать языком, букв. дать волю языку) [ХУТ 2019: 32].

3.2.20. Структура значений лексемы *тәкм* (коленный сгиб, подколенное сухожилие)

Выявлено 2 ФЕ с соматическим компонентом *тәкм* (коленный сгиб, подколенное сухожилие). Соматизмы, связанные с ногой, так или иначе имеют сему ʹустойчивость/неустойчивость’ в прямом и переносном значениях. Устойчивость передает уверенность в собственных силах. Как правило, богатому человеку подвластно многое, он может наказать, лишить дохода и даже жизни: *нохала баашлвл тәкм уга, нойнла баашлвл толһа уга* (играть с собакой – остаться без подколенного сухожилия, играть с нойоном – остаться без головы) [ППЗ 2007: 131]. Очень часто в калмыцкой фразеологии встречаются примеры с отрицательной оценкой действий богатых людей. Еще один пример с лексемой *тәкм* имеет значение ʹбессилие, невозможность’: *тәкм күрх уга һаран, теңгр өөд сарвах* (воздеть к небу руки, которые не могут дотянуться до коленного сгиба) [ППЗ 2007: 156]. Ср.: *тоха матьхр болв чиг ханцн дотран, тоха нимгн болв чиг эмәл доран* (хоть локоть и кривой, но он в рукаве, хоть потник тонкий, но он под седлом) [ППЗ 2007: 431].

3.2.21. Структура значений лексемы *хавсн* (ребра)

Выявлено 3 ФЕ с соматическим компонентом *хавсн* (ребра). Данный соматизм символизирует единство, неразделимость, опору равно тому, как ребра поддерживают хребет: *нурһн хавсндан түшг, хавсн нурһндан түшг* (спина – опора ребер, ребра – опора спины) [ППЗ 2007: 416]. Хребет и ребра – это опора, символ твердости характера, поддержки, дружбы: *сеер хавсндан түшг, хавсн сеертән түшг* (спинной хребет поддерживает ребра, ребра поддерживают спинной хребет) [ППЗ 2007: 416].

СФЕ с компонентом хавсн может быть полисемантичным и различной степени стилевой направленности: *хәрәс хавс хуһлтн* имеет два значения: а) поживиться за чужой счет; б) пригреться у чужого очага [ХОТ 1977: 562].

3.2.22. Структура значений лексемы *бүүл* (десна)

Выявлено 3 ФЕ с соматическим компонентом *бүүл* (десна). Все три фразеологизма с компонентом «десна» имеют значение «судьба», «неизбежность страдания»:

унх шүднд бүүл керг уга, зовх күүкнд төркн керг уга (зубам, которым суждено выпасть, десны не помогут; девушке, которой суждено страдать и мучиться, родственники не помогут) [ППЗ 2007: 66];

өгсн күүкнд төркн туслдг уга, унх шүднд бүүлнь туслдг уга (выданной замуж девушке родственники не подмога, а зубам, которым суждено выпасть, – десны не подмога*)* [ППЗ 2007: 67];

мордсн күүнд төркн туслдг уга, унх шүднд бүүлнь туслдг уга (выданной замуж девушке родственники не помогут, а зубам, которым суждено выпасть, десны не помогут) [ППЗ 2007: 67]. Поскольку десна и зубы находятся в непосредственной близости во рту человека и связаны друг с другом, во фразеологических образованиях они употребляются вместе.

3.3. Субстанции

3.3.1. Структура значений лексемы *цусн* (кровь)

Выявлено 13 ФЕ с соматическим компонентом – субстанцией *цусн* (кровь). Фразеологические единицы с компонентом-соматизмом *цусн* (кровь) можно рассматривать в качестве средства описания внутренней работы человеческого организма, зависимого от внешних раздражителей. Символизация заключена в декодировании внешних изменений (например, цвета лица) в культурном сознании. В калмыцком языке соматизм *цусн* (кровь) ассоциируется с полем боя, враждой или местью:

дән – цусн ундта (исход войны – кровь) [ППЗ 2007: 306];

эвәс тосн һарна, эвдрләс цусн һарна (при согласии – масло, при раздоре – кровь) [ППЗ 2007: 291];

цусни хәрүг цусар, үклин хәрүг үкләр (кровь за кровь, смерть за смерть) [ППЗ 2007: 510].

Но в других фразеологических единицах наоборот говорится, что нельзя отвечать злом на зло: *цусиг цусар уһадг уга* (кровь кровью не смывают) [ППЗ 2007: 332].

Кровь может пролиться из-за злых языков, недобрых слов, которые могут привести к ссоре, насилию:

керүләс – цусн, эвәс – тосн (от ссоры – кровь, от мира, согласия – благо) [ППЗ 2007: 552];

тевчңһүһәс – буйн, килнцәс – цусн (от милосердия – добродетель, от греха – кровь) [ППЗ 2007: 193];

сән санани үзүрт – үсн, му санани үзүрт – цусн (в конце добрых помыслов – молоко, в конце злых – кровь) [ППЗ 2007: 235];

харалын экн цусн, йорәлин экн тосн (последствие проклятий – кровь, последствие благопожеланий – масло) [ППЗ 2007: 273];

йорәлин үзүр – тосн, харалын үзүр – цусн (благопожелания заканчиваются добром, проклятия заканчиваются кровью) [ППЗ 2007: 275].

Таким образом, в калмыцкой культуре пропагандируется добро, дружба, прощение. Только через установление мира, взаимопонимания можно обрести спокойствие. Некоторые соматизмы говорят о том, что всегда нужно быть благодарным и не отвечать равнодушием на добро:

тусиг цусар хәрүлж̨ болх уга, ачиг мекәр бас хәрүлж̨ болх уга (не платят за помощь кровью, а за добро – черной неблагодарностью) [ППЗ 2007: 415].

Кровь можно пролить по вине глупца или по своей собственной глупости или вспыльчивости:

цалдңгин һар цуста, урна урл тоста (у несдержанного руки в крови, у мастера губы в масле) [ППЗ 2007: 377];

эргүһин эвллһнәс эврә толһа цуста (из-за попытки помириться с глупцом своя голова в крови) [ППЗ 2007: 472].

3.3.2. Структура значений лексемы *өөкн* (жир)

Выявлено 8 ФЕ с соматическим компонентом – субстанцией *өөкн* (жир). Жир, сало являются символом достатка, что получило соотвествующее отражение во фразеологии калмыцкого языка:

өөкн дотрк бөөр мет, өндгн дотрк уург мет (словно почки в жиру, сале, словно желток в яйце) [ППЗ 2007: 337];

өндгнә уург мет, өөкн дотр бәәх бөөр мет (словно желток в яйце, словно почки в жиру) [ППЗ 2007: 619] – жить припеваючи, безбедно. Однако в определнных ситуациях предпочтение отдается не жиру (салу), а другим мясным блюдам, т.е. надо довольствоваться тем, что есть сегодня:

эндркин өөкнәс маңһдурк оошк амтта (завтрашние легкие вкуснее, чем сегодняшний жир) [ППЗ 2007: 211];

өрүн идх өөкнәс өдгә идх оошк амтта (сегодняшние легкие вкуснее завтрашнего жира) [ППЗ 2007: 347],

маңһдурк – өөкнәс, эндрк – оошк (лучше сегодня легкие, чем завтра сало) [ППЗ 2007: 346].

С кочевым образом жизни калмыков связаны фразеологизмы типа: *җорад өөкн уга, зуһуд нүр уга* (у иноходца нет жира, у льстеца нет лица) [ППЗ 2007: 492]. Поскольку у беговой лошади практически нет жира, первая часть ФЕ означает, что тот, кто в постоянном движении, не накопит жира.

Компонент-соматизм *өөкн* вносит в значение фразеологизма сему ̓всему своё место’: *уханд ухан бәәнә, уҗрхад өөкн бәәнә* (в уме – разум, в уджрихе (в рубце) – сало) [ППЗ 2007: 229]. Еще один пример связан с животноводством. Животное в возрасте двух лет обычно режут для употребления в пищу, что отразилось в калмыцкой фразеологии:

зуһу күмн нүүрән бардг, зусг яман өөкән иддг (льстивый человек теряет своё лицо, коза-двухлетка – свой жир) [ППЗ 2007: 491].

3.3.3. Структура значений лексемы *нульмсн* (слезы)

Выявлена 1 ФЕ с соматическим компонентом – субстанцией *нульмсн* (слезы). Плохое надо исправлять: *нүүлән нульмсарн уһах, килнцән келәрн долах* (смывать грехи слезами, проступки слизывать языком) [ППЗ 2007:193].

Выводы по главе

Широкое употребление соматических фразеологических единиц обусловлено тем, что названия частей тела являются одним из древнейших слоев в лексике каждого языка. Соматизмы – часть ядра основного словарного фонда языка. Соматические фразеологические единицы (СФЕ) в своей основе представляют результат наблюдения человека, познания окружающей действительности. Подтверждением этому стал проведенный анализ 63 СФЕ в их 591 словоупотреблении. Наиболее частотными являются шесть частей тела – *толһа* «голова», *нүдн* «глаза», *һар* «руки», *көл* «ноги», *амн* «рот» и *келн* «язык».

Соматизмы широко используются в калмыцком языке, им свойственна сложная система переносных значений, многозначности и вариативности в зависимости от сочатаемости и контекста. Такому процессу зачастую подвержены СФЕ, обозначающие наружные (внешние) части тела, которые являются наиболее активными.

Проведена классификация калмыцких ФЕ по соматическому признаку. Наиболее частотными стали группы ФЕ с компонентами-соматизмами:

	толһа голова	*келн* язык	*нүдн* глаза	*һар* руки	*көл* ноги	*амн* рот
кол-во	67	62	45	41	39	39
%	11,2	10,4	7,6	6,9	6,5	6,5
Итого 49,1 %						

Остальные группы соматизмов являются менее частотными, они составляют менее трех процентов:

	шүдн зубы	*ясн* кость	*күзүн* шея	*седкл* сердце, душа	*цусн* кровь	*чирә* лицо	*гесн* живот	*хурһн* пальцы	*урл* губы
кол-во	17	16	15	13	13	13	12	12	12
%	2,8	2,6	2,4	2,1	2,1	2,1	1,9	1,9	1,9
	махн мясо	*чикн* уши	*чееж* грудь, душа	*альхн* ладони	*зүркн* сердце	*үсн* волосы	*өөкн* жир	*нүр* лицо	*күмсг/ көмсг* брови
кол-во	12	11	10	10	9	8	8	7	7
%	1,9	1,8	1,6	1,6	1,4	1,2	1,2	1,1	1,1

СФЕ менее 1 %:

0,6 %	0,5 %	0,4 %	0,2 %	0,1 %
5 ФЕ	4 ФЕ	3 ФЕ	2 ФЕ	1 ФЕ
оошк легкие	*маңна* лоб	*таңна* небо	*махмуд* тело	*өскя* пятка
һуй бедро	*хамр* нос	*бүүл* десна	*цогц* тело	*хол* горло
сахл борода	*нудрм* кулак	*хумсн* ногти	*хавсн* ребра	*халх* щека

өвдгц колено	*нурһн* спина	*ужрх* утолщенная часть рубца	*сү* подмышка	*кит* тонкая кишка
	тоха локоть		*сормсг*/*сурмсг* брови	*киилһсн* волос
	өргн бодбородок		*киисн* пупок	*үй* суставы
			арсн кожа	*судсн* артерия
			хачр щека	*сеер* хребет
			киим толстая кишка	*гиил* затылок
			тәкм подколенное сухожилие	*нульмсн* слезы
			тавг ступня	*көкн* грудь
			сәәр крестец, поясниц	
			бөөр почки, бок	
			эркә большой палец	
			элкн желудок, печень	
				Итого 50,9 %

Соматические фразеологические единицы отражают отношение человека к окружающей действительности и другим людям, описывают взаимоотношение людей.

Часто ФЕ передают физическое и психоэмоциональное состояние человека, его внутренние переживания. Соматическая лексика также характеризует человека, указывает на умственные и другие способности человека.

При познании мира у человека возникают ассоциации с тем, что ему ближе всего и чем он пользуется – частями собственного тела. Человек

проводит параллели, сравнивает окружающую действительность со своим организмом. Поэтому чаще всего он использует внешние части тела, то, что он видит. Внешние части тела выступают в качестве своеобразных эталонов при сравнении с окружающими предметами. При метафорическом употреблении названия одних частей тела выступают как наиболее частотные, например, *көл* «нога».

Шесть наиболее продуктивных лексем составляют 49,1 процента от общего количества ФЕ.

Внутренние части тела (49 единиц) используются реже. Вместе они составляют 50,9 процентов соматической лексики: *үсн* «волосы», *хумсн* «ногти».

Наиболее частотные соматизмы можно квалифицировать как слова с широким смыслом, передающим нескольким значений. Продуктивность лексем, обозначающих внешние части тела, объясняется легкостью их переосмысления. Часть соматизмов связана с семантикой эмоционально-психической деятельности человека. Внутреннее состояние и эмоции выражаются в большинстве случаев через лексемы *зүркн* (сердце, душа), *чееҗ* (грудь, внутренний мир). Чувства человека отражают процесс взаимодействия человека с окружающим миром, потому в их основе лежат реакции внутренних и внешних частей тела. В языке это отражается в двустороннем коммуникативном процессе. У человека складывается знание о собственном теле, обладающем определенной символикой.

Большая часть соматизмов имеет не сколько символических значений, на основе которых возникает метонимический перенос. Калмыцкая соматическая лексика имеет так называемый «двойной антропоцентризм» (происхождение и функционирование). Таким образом, в калмыцкой фразеологии прослеживается семантическая ориентированность на человека и части его тела в прямом и переносном значениях.

ГЛАВА 4. Соматические лексемы в героическом эпосе «Джангар»

4.1. Соматизмы в калмыцком героическом эпосе «Джангар»

На материале калмыцкого героического эпоса «Джангар» методом сплошной выборки были рассмотрены словарные статьи (421), представленные в монографии Б.Х. Тодаевой «Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Из них выявлены 45 соматических единиц в 110 словоупотреблениях, которые были ранжированы по их частотности.

«Джангар» является произведением эпического творчества калмыков, благодаря которому и удалось сохранить для науки и мировой культуры героический эпос «классической формации». «Джангар» отражает быт кочевого народа, его традиции и культуру.

Амн (рот, пасть) – 9 лексем. Это видимая часть лица. Данная лексема участвует не только в описании внешнего вида, чаще всего *амн* употребляется в значении анатомического органа с образной мотивировкой, т.е. рот как бы соотносится с сущностью личности. Со ртом связаны такие важные функции, как речь и употребление пищи, поэтому множество примеров связано непосредственно с физиологическими функциями данного органа: *Арг улан Хоңһрин амн дундан келәд йовдг үгнь*… (слова, которые не сходили с языка Арак Улан Хонгора) [Тодаева 1976: 186].

Есть группа ФЕ, выступающая в роль характеристики лица по одному наиболее типичному признаку, свойству, качеству человека:

келнәннь арс баргсн (златоуст, человек, обладающий непревзойденным даром красноречия; букв. кожу своего языка съевший) [Пюрбеев 2015: 131]. Подобные ФЕ могут выражать разные оценки персонажей, их физическое и душевное состояние.

Рот также отвечает за общение, обмен информацией – это один из главных символических смыслов: *Арг улан Хоңһрин амн дундан келәд йовдг*

үгнь… (слова, которые не сходили с языка Арак Улан Хонгора) [Тодаева 1976: 186].

Рот необходим не только для говорения или употребления пищи, часто рот открывают от удивления, выражения усталости или боли:

балтиннь шүрүнднь әмд улан цусиг амн хамр хойрарн алд дүңгә асхад һарад одв (жесток был удар бердышем, едет он, и на сажень плещет алая живая кровь ртом и носом) [Тодаева 1976: 187];

алтн далан көвәд аман аңһаһад әмсхж кевтнә (лежит (щука) на берегу золотого океана, раскрыв рот (пасть) тяжело дышит) [Тодаева 1976: 178].

Часто горло и рот ассоциируется с воротами, входом в пещеру, во дворец: *нүкнь амнд Алтн Цееҗ Шовшур хойр – ода орий – гиҗ зогсҗ бәәҗ* (Алтан Цеджи и Шовшур стояли у двери подземелья и собирались спуститься вниз) [Тодаева 1976: 186].

Лексема *рот* связана со сказочным существом, которое может проглотить, съесть: *амргин хар цурхин амнд әмдәр өгхнь яһднь?* (что если бросить его живьем в пасть заступницы черной щуки?) [Тодаева 1976: 186].

Рот может сравниваться с частью громадного животного: *өрлвән амн цаһан гер шүдтә* (белые резцы в пасти словно открытые клещи) [Тодаева 1976: 232].

В целом рот не наделяется негативной характеристикой. В эпосе *амн* связан со значениями ʽвыражение боли’ или ʽвход куда-либо, ворота’, а также с иными сказочными образами. Лексема *амн* (рот) легко сочетается с другими словами, вместе они образуют различные семантические типы.

Для лексемы *көл* «нога, ноги» – отмечено 8 соматизмов. Нога является символом движения, скорости как самих богатырей, так и их коней: *Арнзл Зеердиннь үрә цагт, көл өргҗ моргдсн…* [Джангар 1990: 9] (В третье лето, (вступив едва) когда Аранзалу было в то время только два, Джангар сел уже на коня). Фразеологизмы эпоса «Джангар» по своей грамматической и семантической структуре очень разнообразны. Чаще опорным, стержневым словом в них бывает имя или глагол. Лексическая протяженность в них

бывает от двусловных до многословных, которые состоят из пяти-шести знаменательных или служебных слов:

көл таслҗ, көөҗ, авх (угнать табун, не оставив никаких следов) [Пюрбеев 2015: 130].

ФЕ с образно-оценочной характеристикой персонажа:

хойр көлтә (двуногий, двуногое существо; букв. с двумя ногами). Такие ФЕ отличает яркая эмоциональная окраска, выражающая иронично-пренебрежительный оттенок. Подобные фразеологизмы используются для негативной оценки [Пюрбеев 2015: 131].

ард хойр көлән сүүдән күргн оркж йовна (мчится, подбрасывая свои задние ноги к паху) [Тодаева 1976: 191].

В калмыцком языке *көл* используется для обозначения нижней конечности целиком, но также есть слова, делящие нижнюю конечность на две части: *көл* «нога, ноги», *тавг* «ступня». Есть единичные примеры с употреблением *белвнцг* «щиколотки»: *өмн хойр көлиннь белвнцгтнь…* (на щиколотках передних ног) [Тодаева 1976: 213].

По традиции в сказочном сюжете эпоса есть примеры различных превращений богатырей, в том числе и в насекомых. Так, Мингиян с целью маскировки обратился в паука*: бийнь нәәмн көлтә аралжн болад кевтв* (сам превратился в восьминогого паука и лег) [Тодаева 1976: 219].

Калмыки вели кочевой образ жизни и традиционно занимались разведением скота, поэтому в эпосе много примеров, связанных с мясом животных: *нег бортх әрк, нег көл мах өгтн* (дайте фляжку вина и одну тушку мяса) [Тодаева 1976: 221]. Богатыри имели разные виды оружия, которое носили с собой в сапогах: *нahд шар балт нарнь көлд гилвкгсн* (золотисто желтый бердыш возле ног его сверкал под лучами солнца) [Тодаева 1976: 233]. Здесь слово *көл* употребляется в переносном значении и в сочетнаии *нарнь көлд* означает «под лучами солнца», букв. солнце под ногами.

Интересно, что в калмыцкой фразеологии физический орган *көл* зачастую противопоставляют интеллектуальному – голове: *толhад ухан уга*

болхла, хойр көлд амрл уга (если голова пустая, то ноги не знают покоя) [ППЗ 2007: 224], но в эпосе «Джангар» мы такого примера не встретили.

Таким образом, только с лексемой *көл* «нога, ноги» нами выявлено 8 соматических единиц, передающих разные смысловые значения, в основном они связаны с движением и скоростью.

Нүдн «глаза» (4 лексемы) отвечают за получение информации. Большинство ФЕ с названием данной части тела обозначает положительные качества характера или, наоборот, указывает на отсутствие твердости духа и порядочности. Глаза передают внутренний мир человека, отражая его эмоциональное состояние, беспокойство или радость:

Алг хар нүднь агмчд арвн хойр эргәд одв (его огромные черные глаза вмиг повернулись двенадцать раз) [Тодаева 1976: 180];

дөнн хар бүргдин нүдәр ширтәд харв (пристально он взглянул очами черного беркута) [Тодаева 1976: 229].

Есть примеры фразеологизмов с составляющим глаза – зрачком. Эти ФЕ с именным, образно-переносным значением всех составляющих компонентов: *усн цецкәһән барх* обливаться горючими слезами, выплакать все глаза (букв. водяные зрачки свои скушать) [Пюрбеев 2015: 129].

Особое значение лексемы «глаза» в том, что они символизируют получение информации, ее достоверность. Глаза – это важный выразитель эмоций и чувств. Данный парный орган отражает изменения эмоционального состояния, отношение человека к чему-либо или к кому-либо.

Распространенной лексемой является *цусн* «кровь» (9). Это связано с тем, что в эпосе много сцен сражения, схваток богатырей с врагами или многоголовыми мангасами-чудовищами. На поле битвы проливается много крови:

балтиннь шүрүндь әмд улан цусиг амн хамр хойрарн алд дүңгә асхад һарад одв (жесток был удар бердышом: едет он, и на сажешь хлещет алая живая кровь ртом и носом) [Тодаева 1976: 187];

байн хар цуснь унднь болад одв (обильная черная кровь (тридцати пяти воинов) стала для них питьем) [Тодаева 1976: 206];

балһ-балһ цусан асхн бөөлжәд (Савр помчался), извергая свою кровь глотками) [Тодаева 1976: 207].

Большинство примеров с соматизмом *цусн* «кровь» связано с данным смысловым значением. Есть единичные примеры с цветовым обозначением: *цуснас улан халхта, цаснас цаһан саңната* (крови алее губы ее, снега белее зубы ее) [Джангар 1990: 12].

һар (рука) – 4 единицы. Рука употребляется в прямом значении и в переносном – «владеть чем-то»: *долан насндан догшн Ширкгин үүл һар деерән авгсн* (семи лет дела грозного Ширкига он взял в свои руки) [Тодаева 1976: 178];

әәрстин хар елдңгиг барун һарин альхнд шүүсн һарлтнь атхв (в ладони правой руки он сжимал оплетенную черную нагайку так, что выступал из нее сок) [Тодаева 1976: 196]. В последнем примере обращается внимание на небывалую силу, способную из деревянной палки выжать жидкость. Лексема «рука» ассоциируется с обручением, ведь муж и жена должны идти по жизни рука об руку: *төр шажңн хойринь һар деернь бәрүлтн, – гиҗ бөк Мөңгн Шигширһд келҗ бәәнә* (в эти прекрасные годы его обручите с ханшей Шавдал) [Джангар 1990: 20];

һар күрх (ударить, нанести удар: букв. рукой достать, коснуться) [Пюрбеев 2015: 130].

Встречаются и примеры с употреблением части руки – ладони *альхн* – 4 единицы. Ладони так же, как и руки, передают прямое значение держать что-то: *бальң улан альхндан тав ораһад авб* (пять раз обвил поводья вокруг своей красной ладони) [Тодаева 1976: 207]. Ладони, как и руки, необходимы человеку, чтобы помолиться, обратиться к небесам или поприветствовать кого-то:

шажңн хойр альхан делгәд (раскрыл свои две божественные ладони) [Тодаева 1976: 186];

балмин улан альхан дерс-дерс делглдсн суудг (все приветствовали и приглашали Хонгора, раскрывая в раз свои красные ладони) [Тодаева 1976: 207].

Есть примеры с названием внутреннего органа человека – *зүркнь* (сердце), их всего 4. Много фразеологизмов, представляющих образно-оценочную характеристику эпического персонажа:

зүркн уга күн (трус, трусливая душа; букв. человек без сердца) [Пюрбеев 2015: 131].

Значения в основном связаны с эмоциональным состоянием, чувством волнения, восхищения:

болд маля зүркнь әәвлхәһинь гүвдәд бульглв (сердце его, словно плеть из стали, бьется о грудобрюшную преграду) [Тодаева 1976: 198];

эрк бор зүркн (нежное простое сердце) [Тодаева 1976: 220];

түвин дөрвн хаань зүрк булагсн (пленивший сердца четырех мирских ханов) [Тодаева 1976: 223].

Всего по два примера с названиями таких частей тела, как *чикн* (уши): *сиикнь гүмб чикнь ашк дор мелмлзҗ бәәдгҗ* (серьги блестели под мочками ушей) [Тодаева 1976: 198];

Встречаются фразеологизмы с образно-переносным значением всех составляющих компонентов: *элкнь эвклдх* испытывать жалость, печалиться (букв. печень его сворачивается) [Пюрбеев 2015: 129];

элкән эвкәд зөрх (отправиться пешим, испытывая печаль; букв. взвалив на себя седло, сжав свою печень) [Пюрбеев 2015: 130];

энгин олн-әмтнәннь төлә…элкән йүүләд өгий (ради своего народа… обнажим свои сердца (букв.печень отдадим) [Тодаева 1976: 202];

бий (тело):

манр цаһан бийнь көк балм болв (его матово-белое тело совершенно посинело) [Тодаева 1976: 215];

бийән бәрх / татх (воздерживаться, сдерживать себя; букв. тело свое держать, тянуть) – это фразеологизм с образно-переносным значением одного компонента [Пюрбеев 2015: 129].

цөсн (желчь):

көгшн барсин цөсн билҗ тустл хәәкрәд оркв (закричал, пока не лопнула желчь старого барса) [Тодаева 1976: 216];

амн нурһ (шейные позвонки):

оцл көк һалзнаннь амн нурһ ишкәд таг һәрәдхләрн хойр мөрнь өөр одад тусв (когда он прыгнул, ступив на шею своего Сивко, то очутился около тех двух коней) [Тодаева 1976: 187].

Много единичных примеров с названием других частей тела, например, *халх* (щека)*: барун өвдг деерән тәвәд, барун халхинь үмсәд* (посадил его на правое колено, в правую щеку поцеловал) [Тодаева 1976: 208];

бая (головка у лопатки): *дүүвр цаһан далин баяһар далн тавн дарлцад өңгрлдв* (сшибались они семьдесят пять раз своими белыми крепкими лопатками) [Тодаева 1976: 210];

бел (бок, стан, талия): *бер күмн үзхәрн – белиннь һурвн товчан сулдхн дахв* (женщины, завидев его, бежали за ним, расстегнув три пуговки на поясах) [Тодаева 1976: 213];

һунн царин арсар һоллгсн (сердцевину плети сделали из шкуры трехлетнего быка) [Тодаева 1976: 193];

һолһа (толстые кишки):

һолһаһан хаһртл инәв (смеялся до колик) [Тодаева 1976: 244] или *һолһаһан тасртл инәх* (букв. смеяться пока не оборвется толстая кишка) – фразеологизм с образно-переносным значением компонентов [Пюрбеев 2015: 129].

В эпосе «Джангар», как и во фразеологии калмыцкого языка, редко употребляются такие лексемы, как:

чирә (лицо): *ил чирәһәс авад одх* (увести / унести на виду, на глазах у кого-либо; букв. с открытого лица) – фразеологизм с образно-переносным значением одного компонента [Пюрбеев 2015: 129].

яс хайх (лечь костьми, бросить останки; букв. кости бросать) [Пюрбеев 2015: 130];

келкәтә нәәмн ясн (один скелет / одни кости, букв. связка из восьми костей) [Пюрбеев 2015: 131] – ФЕ с образно-оценочной характеристикой персонажа:

давсг (мочевой пузырь): *давсгин экәрдола нәәм сиичлдәд одв* (нанесли они друг другу семь-восемь ран повыше мочевого пузыря) [Тодаева 1976: 248];

әрвн (жир на лопатках и брюхе): *дарцг цаһан әрвңгиг тасртл татв* (так затянули катаур, что он покрылся складками жира, белого, как флажок) [Тодаева 1976: 203];

цох (висок): *алтн дуулхиг зүн цох деерән тальвб* (золотой шлем надвинул он набекрень, прикрыв левый висок) [Тодаева 1976: 274];

белвнцг (щиколотка): *өмн хойр көлиннь белвнцгтнь…* (на щиколотках передних ног) [Тодаева 1976: 213].

Специфику большинства фразеологизмов составляет их ритмико-эвфоническая организация, т.к. для песенно-стихового текста аллитерация начальных слогов – явление обычное и закономерное. Такие примеры, как правило, состоят более чем из двух слов:

ара харһулх өвсн уга, ам зәәлх усн уга (нет ни травинки, нет ни капли воды, чтобы утолить голод и жажду; букв. коренным зубом прикусить травы нет, рот пополоскать воды нет) [Пюрбеев 2015: 130].

Отметим, что символическое значение имеют лишь те органы, которые относятся к наружным или внешним – ноги, рот, глаза, руки. В связи с сюжетными особенностями (сражения) много примеров с лексемой *цусн* «кровь». Имеются и единичные примеры: *хурһн* «пальцы», *үй* «сустав», *бөгтрһ* «крестец», *нүр* «лицо», *нурһн* «спина», *шүдн* «зубы» и другие.

Отметим, что не все органы можно отнести исключительно к внутренним. Например, язык можно показать, высунув наружу. А вот почки, например, увидеть нельзя.

Итак, из 110 соматических единиц наиболее продуктивными являются лексемы *амн* «рот» – 9 единиц, *цусн* «кровь» – 9 единиц, *көл* «ноги» – 8 единиц. Соматизмы *альхн* «ладони», *һар* «руки», *зүркн* «сердце, душа», *толһа* «голова» составили по 4 единицы. Остальные лексемы – 84 % являются непродуктивными (менее 3 единиц).

4.2. Наиболее частотные соматические единицы калмыцкой и синьцзянской версий эпоса «Джангар»

Героический эпос «Джангар» отражает особенности быта кочевого народа, его традиции и культуру. Существуют разные версии героического эпоса, но мы ограничились только двумя – калмыцкой и синьцзянской. Нами проанализированы вступление и первые шесть песен каждой версии эпоса.

В данном разделе соматические фразеологические образования рассматриваются с точки зрения частотности. Материалом послужила авторская картотека, которая содержит 56 соматизмов в их 231 словоупотреблении. Все соматизмы были ранжированы по их частотности. Анализу подверглись только пять наиболее частотных соматизмов.

Калмыцкая версия эпоса «Джангар»:

1. *Көл* «нога» - *20:*

- *Арнзл Зеердиннь үрә цагт,*
Көлөргж моргдсн… [Джангар 1990: 9].

В третье лето вступив едва
(когда Аранзалу – его коню –
Было в то время только два),
Джангар сел уже на коня.

- *Өл Маңхн Цаһан уулнь*

Һазр теңгр хойрин киисн болад,

Өрүн һарх нарни көл дор

Маңхаһад бәәдг гинә [Джангар 1990: 10].

Точно пуп неба и земли,

Величаво возвышается

Под лучами утреннего солнца

Сизо-белая гора

Манхан Цаган.

2. *Амн* «рот» - *14:*

- *Көвүнәннь седкл тевчәд,*

Хойрин алхад, һурвдхла,

Шархин амн деер һарч ирчкәд,

Унл уга бәәһәд бәәв…

Һаран намчн сөгдәд суухла,

Сумн унад одв [Джангар 1990: 19].

Стала на колени Герел,

И для горячих молений она

Обе ладони вместе свела….

Выпала сразу из раны стрела,

Тут же Джангар был исцелен.

3. *Нүдн* «глаза» - 13:

- *Әәрстин хар елңдгән хар чирәд,*

Киитн хар нүдәрн дөрвн талан хәләв [Джангар 1990: 32].

Взглядом холодным окинул нойон

Землю со всех четырех сторон.

4. *һар* «рука» - 8:

- Шатр болсн бумблвнь эврән босгсн,

Шарин дөрвн төрән һар деерән авгсн,

Шар нарн доркан эзлгсн,

Эзн нойн гих нерән

Ик хол һазрт тархагсн бәәдг [Джангар 1990: 10].

И когда настала пора

Ханы всех четырех ветров

Желтых с собой привезли мастеров.

Выбрали прежде всего мастера

Из месяцев самый святой,

Самый священный день из дней,

Чтобы работа пошла верней.

- Төр шажңн хойринь һардеернь бәрүлтн, – гиж Бөк Мөңгн Шигширһд келҗ бәәнә [Джангар 1990: 20].

Дайте в руки власть и веру, – сказал Бёк Мёнгн Шигширгд.

5. *Цусн «кровь» - 7:*

- Цуснас улан халхта, [Джангар 1990: 12]

Цаснас цаһан саңната.

Крови алее губы ее,

Снега белее зубы ее.

Синьцзянская версия эпоса «Джангар»:

1. *Көл «нога» - 15:*

- Өрүн һарх нарни көл дор [Джангар 2005: 30]

Маңхаһад бәәдг гинә.

Под лучами утреннего солнца

Возвышается она [гора]

2. *Нүдн «глаза» - 13:*

- *Мөсн хар нүднь йораларн эргәд,* [Джангар 2005: 36]

Довтлх шоңхрин нүд һарад,

Иигән-тиигән хәлән күүндхәрн…

Холодным черным взглядом кречета туда-сюда посмотрел вокруг.

3. *Амн «рот» - 10:*

- *Келн амн уга келкә нилхә* [Джангар 2005: 52]

Киилһсн хамрта җуһндамудыг кудад…

Без языка, без рта, заика

С разбитым тонким носом

4. *Күзүн «шея» - 10:*

Шил күзүндән күргл уга [Джангар 2005: 51]

Шивн хайн гүүһәд һарад одв.

Не дотрагиваясь до шеи,

На ходу бросая, убежал.

5. *Толһа «голова» - 8:*

Өсргсн толһа ова болад, [Джангар 2005: 49]

Үкгсн күүр уул болад,

Унгсн мөрдни күүрт өөглгдәд…

Из (срубленных) голов (воинов) образовались кучи,

Из трупов (воинов) образовались горы,

Подкладывая трупы своих скакунов...

Надо отметить, что наибольший интерес представляют внешние части тела, поскольку они являются наиболее продуктивными во фразеологии калмыцкого языка и в эпосе «Джангар».

Так, с помощью головы (*толһа*) человек мыслит, думает. Она символизирует умственные способности человека, другие фразеологизмы говорят о характере.

Главная функция *келн* (языка) – коммуникативная, позволяющая людям общаться и обмениваться информацией. Часто *язык* бывает виновным в излишней болтливости. Отрицательную окраску язык получает в значении ʹнанести вредʼ и ʹболтунʼ.

Нүдн (глаза) отвечают за получение информации. Большая часть соматизмов обозначает положительные черты характера человека, отражают его психоэмоциональное состояние.

Һар (рука) может употребляться в таких значениях, как мастерство, деятельность, сокрытие чужих проступков.

Амн (рот) так же, как и язык, имеет коммуникативную функцию. Преобладают соматизмы со значением ʹболтливыйʼ.

Отметим, метафорический перенос осуществляется на основе сопоставления признаков. Так, *толһа* (голова) ассоциируется с верхней, наружней частью, или с интеллектом человека.

Таким образом, наиболее продуктивными соматизмами в калмыцком языке в обеих версиях являются лексемы *толһа* (голова), *келн* (язык), *нүдн* (глаз), *һар* (рука)*, амн* (рот), *көл* (нога), *цусн* (кровь), *күзүн* (шея). Имеются и единичные примеры употребления соматизмов – *шүдн* (зубы), *нурһн* (спина, позвоночник) и другие.

Выводы по главе

Проведенный анализ показал, что во фразеологии обеих версий изобилуют слова, называющие органы чувств, посредством которых человек воспринимает действительность, познает ее и самого себя в ней. Наиболее частотными соматическими компонентами по фразеологической активности в составе калмыцкого эпоса «Джангар» являются лексемы *нога, рот, глаза рука* и *кровь,* которые в данном исследовании составляют 56% всех соматических фразеологических единиц. Имеются и единичные примеры ФЕ с компонентом «части тела».

Наиболее частотными соматическими компонентами в составе калмыцких фразеологизмов синьцзянской версии эпоса «Джангар» являются лексемы *көл* (нога), *нүдн* (глаза), *амн* (рот), *күзүн* (шея) и *толһа* (голова) – 46% СФЕ. Имеются единичные примеры других соматизмов. Причем в обеих версиях эпоса функционируют одинаковые по частотности соматизмы – *көл*, *нүдни амн.* Это связано с тем, что во фразеологии калмыков, проживающих на разных территориях, нет значительной разницы. В синьцзянской версии есть заимствования из китайского языка, в калмыцкой – из русского, что связано с географическим положением, влиянием других культур на язык.

Высокий процент употребления соматизмов является характерной чертой фразеологических систем обоих исследуемых языков. Они относятся к высокочастотной зоне лексического состава. В основном используются в переносном значении, но нельзя забывать об их первичных прямых значениях. Основой переноса является сопоставление признаков. Например, голова может ассоциироваться с изголовьем, либо с умственной деятельностью человека (тупоголовый). И так далее для всех фразеологических единиц с компонентом-соматизмом.

СФЕ отражают разные виды человеческой деятельности (мыслительную и речевую), его психическое и физическое состояние, в целом отражают отношения между людьми (коммуникативно-прагматические качества). Перспективой исследования в данном ключе будет изучение грамматических свойств СФЕ, их функционирование в других языках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фразеология калмыцкого языка отражает ментальные особенности культуры его носителей. В значениях ФЕ с компонентами-соматизмами содержатся представления калмыков о картине мира, что проявляется на примере переносных значений лексем, обозначающих части тела.

Большее число соматизмов имеет различную символику, которая передается путем метонимического переноса основного значения части тела. Необходимо отметить антропоцентричность фразеологии калмыцкого языка. Особенности национальной культуры как совокупности материальных и духовных ценностей отражаются в картине мира калмыков. Языковая картина мира сформирована на принципах антропоморфности, и поэтому представления об интеллектуальных и внутренних свойствах человека, его эмоциях и чувствах отражаются через определенные части тела. Можно сделать вывод, что «внутренний» человек во фразеологии моделируется по аналогии с «внешним» человеком. Данные лексемы человек наделяет различными характеристиками.

Национально-специфические особенности содержания калмыцкой фразеологии носят общемонгольский характер. Анализ ФЕ с компонентом-соматизмом позволяет говорить об антропоцентричности языка, что объясняется эгоцентричностью самого человека, который познает мир через части собственного тела. Фразеологический состав изучаемого языка достаточно разнообразен в семантико-стилистическом и лексическом плане. Основная часть фонда калмыцкой фразеологии образована с помощью метафоризации и метонимизации.

Анализ материала дает основание сделать вывод, что соматическая лексика сконцентрирована вокруг названий частей тела, отражает традиционное мировосприятие и самовосприятие человека. Следует подчеркнуть, что соматические фразеологизмы показывают способы культурного моделирования окружающего мира. Высокая продуктивность

компонентов-соматизмов является характерной чертой фразеологической системы калмыцкого языка. Фразеологизмы антропологичны, характеризуют человека, его внутреннее состояние, действия и отношения.

Широкое употребление соматических фразеологических единиц обусловлено тем, что названия частей тела являются одним из древнейших слоев в лексике каждого языка. Соматизмы – часть ядра основного словарного фонда языка. СФЕ в своей основе представляют результат наблюдения человека, познания окружающей действительности. Подтверждением этому стал проведенный анализ 63 СФЕ в их 593 словоупотреблениях. Наиболее частотными являются шесть частей тела: *толһа* «голова», *нүдн* «глаза», *һар* «руки», *көл* «ноги», *амн* «рот», *келн* «язык» – 49,1%. Это 10,6 % от общего количества соматических фразеологизмов.

Проведена классификация калмыцких ФЕ по соматическому признаку. СФЕ, выражающие сему «внешнее» и «внутреннее», позволяют составить образ языковой картины мира калмыка. Так, в социуме, в своей деятельности калмык предстает как человек, который ценит межличностные отношения, взаимовыручку. Его деятельность направлена и на получение материальных ценностей, т.е. через работу, труд он может заработать деньги, обеспечить свое комфортное существование, хорошо питаться, жить в полном достатке.

Соматизмы в составе ФЕ характеризуются сложной системой переносных значений и высокой продуктивностью в области словообразования. Следует также отметить, что СФЕ и первичные значения соматизмов подтверждают образование вторичных (переносных) значений, семантика которых неразделима с психоэмоциональными образами частей тела. Очень много примеров соматизмов, в которых осуществляется перенос по признаку расположения того или иного органа. Такой семантический сдвиг происходит вследствие ассоциативных и логических связей.

В рассмотренном материале представлено небольшое количество примеров, передающих чувства и переживания. Есть единичные примеры с

лексемой *чееҗ* «грудь, душа», благодаря которой выражаются ощущения субъекта. В калмыцком языке преобладают нейтральные и разговорные СФЕ, а также отрицательно-оценочные. Калмыцкой фразеологии присущ социоцентризм, т.е. ориентированность на других. Носители данной этнокультуры относятся с состраданием и любовью к членам семьи, близким людям. Человек сравнивает себя с окружающими, дает оценку деятельности в сравнении с другими. Прослеживается негативное отношение к ленивому или глупому. Дается отрицательная оценка высокомерному, богатому человеку. Осуждаются и другие пороки – жадность, леность, подлость, чревоугодие, хвастовство, болтливость. Рассмотренный материал свидетельствует о своеобразном отношении к женщине. Хотя в буддизме существует мнение о том, что женское рождение по святости уступает мужскому, но тем не менее ее социальная роль опровергает такое мнение. Женщина является хранительницей очага, умная и умелая хозяйка – залог семейного благополучия.

В работе на материале калмыцкой и синьцзянской версии рассмотрены фразеологизмы с наиболее частотными соматическими компонентами. Анализ показал, что во фразеологии обеих версий изобилуют слова, называющие органы чувств, посредством которых человек воспринимает действительность, познает ее и самого себя в ней. Наиболее частотными соматическими компонентами по фразеологической активности в составе калмыцкого эпоса «Джангар» являются лексемы *көл* (нога), *нүдн* (глаза), *амн* (рот), *һар* (рука) и *цусн* (кровь), которые в данном исследовании составляют 56% всех соматических фразеологических единиц. В синьцзянской версии эпоса «Джангар» наиболее частотными соматическими компонентами в составе фразеологизмов являются лексемы *көл* (нога), *нүдн* (глаза), *амн* (рот), *күзүн* (шея) и *толһа* (голова) – 46% СФЕ. Имеются единичные примеры других соматизмов. В обеих версиях эпоса функционируют одинаковые по частотности соматизмы – *көл, нүдни амн.*

По своей грамматической и семантической структуре СФЕ очень разнообразны. Чаще опорным, стержневым словом в них бывает имя или глагол. По количественному составу СФЕ бывают дву- и многокомпонентными, которые состоят из пяти-шести знаменательных или служебных слов. Специфику большинства эпических фразеологизмов составляет их ритмико-эвфоническая организация, т.к. для песенно-стихового текста аллитерация начальных слогов – явление обычное и закономерное.

Результаты комплексного описания соматической фразеологии калмыцкого языка позволяют сформировать языковую картину мира на материале СФЕ. Подавляющее большинство СФЕ лексико-семантического поля «части тела» относятся к разговорному стилю. В калмыцкой фразеологии отражается кочевой образ жизни предков калмыков, поэтому много примеров, связанных с основным видом их деятельности – скотоводством. В данном отношении язык выступает как хранитель и транслятор культуры.

Человек как часть окружающего мира всегда пытался сравнивать его с частями собственного тела. Отождествляя себя с природой, он выражает свое внутреннее состояние через то, что ближе всего – через свое тело. Большой удельный вес СФЕ, их высокая частотность во фразеологии любого языка объясняется тем, что соматизмы являются частью древнейшего пласта лексики. Изучение СФЕ калмыцкого языка в семасиологическом, лингвокультурологическом, психолингвистическом и других аспектах дает возможность понять особенности менталитета народа, помогает раскрыть специфику употребления фразеологизмов с соматическим компонентом.

Список сокращений

ФЕ Фразеологические единицы

СФЕ Соматические фразеологические единицы

ППЗ Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / Сост., пер.Б.Х. Тодаева. Элиста, ЗАОр «НПП «Джангар», 2007.– 839 с.

ХҮТ Хальмг келнә келц үгмүдин толь / Под ред. Г.Ц. Пюрбеева. Элиста: Калм.кн.изд, 1990. – 142 с. (2-е изд. 2019).

КЗП Котвич В.Л. Калмыцкие загадки и пословицы. Спб: типография императорской академии наук, 1905. – 112 с.

ХОТ Хальмг-орс толь. Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б.Д. Муниева. М.: Русский-язык, 1977. – 768 с.

РКС Русско-калмыцкий словарь. Орс-хальмг толь / Под ред. И.К. Илишкина. М., 1964. – 803 с.

Список использованной литературы

1. Авалиани Ю.Ю. Из этюдов соматической фразеологии иранских языков // Вопросы востоковедения. – 1976. – Вып. 279. – С. 5-21.
2. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология / Н.Н. Семененко, Н.Ф. Алефиренко. – 3-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 344 с.
3. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л., 1989. – 208 с.
4. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. М.: «Наука», 1974. – 364 с.
5. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
6. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. Казань, 1989. – 124 с.
7. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1976. – 383 с.
8. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – Изд. 2-е стереотипное / О.С. Ахманова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 296 с.
9. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. - Л.: Наука, 1990. – 263 с.
10. Бадмаев Б.Б. Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1966. – 116 с.
11. Бадмацыренова Н.Б. К вопросу об объеме фразеологии в монгольских языках // Живой язык: теоретические и социокультурные аспекты функционирования и развития современных монгольских языков. Материалы международной научной конференции. Элиста: Издательство КГУ, 2007. - 155 с.
12. Балли Ш. Французская стилистика. – Изд. 2-е, стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 392 с.

13. Бардаев Э.Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология / Под ред. д.ф.н. Г. Ц. Пюрбеева. Элиста: Калм.кн. изд-во, 1985. - 153 с.
14. Бардаев Э.Ч. Номадная лексика монгольских народов [Текст]: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Э.Ч. Бардаев. – М., 1976. – 25 с.
15. Басангов Б. Пословицы и загадки на калмыцком языке. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1961. – 136 с.
16. Бачаева С.Е. Общественно-политическая лексика монгольских языков [Текст]: Автореферат дис. … канд. филол. наук / С.Е. Бачаева. – Элиста, 2004. – 21 с.
17. Бертагаев Т.А., Зимин В.И. О синонимии фразеологических словосочетаний в современном русском языке // Русский язык в школе. - 1960. - № 3.
18. Бертагаев Т.А. Лексика монгольских языков. Опыт исследования слов и фразеологических сочетаний в их номинативной функции на материале бурятского, халхаского и других монгольских языков: Дис. … д-ра филол.наук. М., 1947. - 382с.
19. Бертагаев Т.А. Лексика современных монгольских литературных языков (на материале монгольского и бурятского языков). М.: Наука, 1974. - 383 с.
20. Бертагаев Т.А. К исследованию лексики монгольских языков. Опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1961. - 160с.
21. Бертагаев Т.А. Об устойчивых фразеологических выражениях // Сборник трудов по филологии. Вып. 2. Улан-Удэ, 1949. - С.64-119.
22. Бертагаев Т.А. Сочетания слов и современная терминология (на материале монгольского и бурятского языков). М.: Наука, 1971. - 152 с.
23. Бертагаев Т.А. Влияние русского языка на развитие смысловой системы литературного бурят-монгольского языка / Т.А. Бертагаев // Записки БМ НИИКЭ. – Улан-Удэ, 1948. – Вып. 1. – С. 31-77.
24. Бертагаев Т.А: К 100-летию со дня рождения / Материалы I-х Бертагмаевских чтений. Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2005. – 389 с.

25. Биткеев П.Ц. Фонетика / П.Ц. Биткеев // Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1983. – С. 4-48.
26. Биткеев П.Ц. Калмыцкий язык за 400 лет / П.Ц. Биткеев. – Элиста, 2009. – 192 с.
27. Биткеев П.Ц. Проблемы графики и орфографии современного калмыцкого языка. Элиста, 1969.
28. Биткеев П.Ц. Проблемы фонетики калмыцкого языка (квантитативные и квалитативные изменения гласных). Элиста, 1975. – 162 с.
29. Биткеева А.Н. Калмыцкий язык в современном мире (социолингвистический аспект) / А.Н. Биткеева. М.: Изд-во «Наука», 2006. – 364 с.
30. Блумфилд Л. Язык / Л. Блумфилд. – М.: Издательство «Прогресс», 1968. – 608 с.
31. Будаев Ц.Б. Фразеология бурятского языка. Улан-Удэ, 1970. – 88 с.
32. Букулова М.Г. Соматическая фразеология тюркских языков (на материале турецкого языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Букулова Марина Георгиевна. – М., 2006. – 237 с.
33. Букулова М.Г. Эмоциональный аспект национально-культурной стартификации соматизма «глаз» в турецком языке // Алтайские языки и восточная филология: Памяти Э.Р. Тенишева / Ин-т языкознания. – М.: Вост. Лит., 2005. – С. 84-88.
34. Бумбар А. Структурно-семантические и функциональные особенности терминов (на примере образования терминов горного профиля в монгольском языке) / А. Бумбар // Проблемы морфологии и словообразования монгольских языков: сб. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – С. 164-168.
35. Вайнтрауб Р.М. О соматических фразеологизмах в русском языке. // Лексические единицы русского языка и их изучение. Ташкент, 1980. – С. 51-55.

36. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. М.: МГУ, 1993. – 223 с.
37. Вакк Ф. О соматической фразеологии эстонского языка // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей: Сб. науч. ст. Баку, 1968. – С.152-155.
38. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. - 416 с.
39. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
40. Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи. - Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. - С. 99-111.
41. Вендина Т.И. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 2002. – 288 с.
42. Вендина Т.И. Прекрасное и безобразное в русской традиционной духовной культуре // Логический анализ языка. М.: Индрик, 2004. – 720 с.
43. Верещагин Е.М, Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингострановедение в преподавании русского языка как иностранного. - М., 1990.
44. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / Избранные труды Т.3. Лексикология и лексикография. М., 1977. – С.118-139.
45. Виноградов В.В. К истории лексики русского литературного языка / В.В. Виноградов // Лексикология и лексикография. Избранные труды. – М., 1977.
46. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. 2-е. М., 1972. – 673 с.
47. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Академик А.А. Шахматов: Сб.ст. и мат-лов. М.- Л.: АН СССР 1947. - С.335-339.
48. Власова Н. А. Фразеологическое гнездо с вершиной «глаз» в общенародном языке и говорах: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1997. – С. 27.
49. Воробьев В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности. М., 1996.
50. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М., 1997.

51. Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. М.: Наука, 1976- 236 с.

52. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1996.

53. Выготский Л.С. Психология. М., 2000.

54. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. М., 1977.

55. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфичное. // Метафора в языке и тексте. М., 1988.

56. Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.

57. Гак В.Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов. // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.

58. Геляева А.И. Человек в языковой картине мира. Нальчик, 2002.

59. Гилярова К.А. Радиальная структура значений как инструмент описания полисемии в когнитивной семантике (семантико-типологические исследования прилагательного «круглый») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2001 - № 9.

60. Головин Б.Н. Язык и статистика / Б.Н. Головин. – М.: Изд-во «Просвещение», 1971. – 191 с.

61. Гольдин В.Е. Об одном аспекте изучения тематических групп слов / В.Е. Гольдин // Язык и общество. Выпуск второй. Под ред. проф. Л.И. Баранниковой. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2001. – С. 163-175.

62. Голубева Е.В. Пюрбеев Г.Ц. Антропоцентричность картины мира в калмыцких фразеологизмах // 1X Международный конгресс монголоведов. Докл. российской делегации. – М.: ИВ РАН, 2006. – С. 315-319.

63. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Колл.авторов. Элиста, 1983.

64. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.

65. Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. М., 2000.
66. Дамбинова В.Д. Социологический аспект калмыцко-русского двуязычия / В.Д. Дамбинова // Взаимодействие языков и проблемы его изучения. – Элиста, 1985.
67. Дарбеева А.А. Русско-монгольские языковые контакты в условиях двуязычия / А.А. Дарбеева. – М.: 1984. – 181 с.
68. Дашдаваа Д. Сопоставительное исследование фразеологии в русском и монгольском языках (на материалах переводов произведений М.Горького на монгольский язык): Автореф. дисс.канд. филол. наук. М., 1973. – 21 с.
69. Дешериев Ю.Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе / Ю.Д. Дешериев. – М.: Изд-во «Наука», 1966. – 401 с.
70. Дешериев, Ю.Д., Корлэтяну, Н.Г., Протченко, И.Ф. Основные теоретические и практические вопросы взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР [Текст] / Ю.Д. Дешериев, Н.Г. Корлэтяну, И.Ф. Протченко // Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. – М.: Изд-во «Наука», 1969. – С. 11- 49.
71. Джангар. Калмыцкий народный эпос. Перевод С. Липкина. – М.: Госиздат, 1958. – 362 с.
72. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Идиоматика в тезаурусе языковой личности // Вопросы языкознания. 1993 - № 2.
73. Долгополов Ю.А. Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языков): Автореф. дис. канд. филол. наук. Казань, 1973. – 27 с.
74. Дутова Т.Е. Концепты дух/душа: Сравнительно-этимологический анализ славянской фразеологии // Филологический ежегодник. Вып. 5-6. – Омск, 2004. – С.182-190.
75. Дыбо А.В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М.: Языки славянской культуры, 1996 . – 393 с.

76. Еремеева А., Мацук С.Трудности разграничения паремиологии и фразеологии // Материалы конференции «Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития». – Минск: Изд. центр БГУ, 2018. – С. 20-25.
77. Есенова Т.С., Горяева, В.В., Цэндээ, Ю. Русская лингвокультура в Монголии: историческая ретроспектива / Т.С. Есенова, В.В.Горяева, Ю.Цэндээ // Межвузовский сборник научных статей «Русская речь в инонациональном окружении. Выпуск V». – Элиста: 2009. – С.14-27.
78. Есенова Т.С. Взаимодействие калмыцкого и русского языков: топонимия Калмыкии [Текст] / Т.С. Есенова // Материалы конференции «Социолингвистические проблемы в разных регионах мира». – М., 1996.
79. Ефимов А.И. О языке художественных произведений. М.: Учпедгиз, 1954. – 288 с.
80. Жуков В.П. О знаковости компонентов фразеологизма // Вопросы языкознания. 1975. - № 6.
81. Жуков В.П. Об управлении при глагольных фразеологизмах русского языка // Филологические науки. 1971. - № 1.
82. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. М., 1978.
83. Жуков В.П. Русская фразеология. Работаем над текстом. М., 2011.
84. Исследования по монгольской филологии: Сб.ст. М.: Наука, 1978. – 152 с.
85. Историко-сравнительное изучение монгольских языков. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. – 173 с.
86. Калмыцкое устное народное творчество / Сост. Н.Ц. Биткеев. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. – 440 с.
87. Калмыцкие и русские лингвокультурные концепты / Есенова Т.С., Карасик В.И., Сарангаева Ж.Н. и др. – Элиста, 2009. – 252 с.
88. Ким Х.Ё. Фразеологические единицы с компонентами-соматизмами в системе языковой картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ким Хи Ён. – М., 2016. – 24 с.

89. Ковшова М.Л. Лингво-культурологический метод во фразеологии. Коды культуры. Изд. 3-е. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.
90. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
91. Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Тело как объект природы и тело как объект культуры (о семантике фразеологизмов, построенных на базе жестов) // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. - С. 271.
92. Котвич В.Л. Калмыцкие загадки и пословицы. Спб: типография императорской академии наук, 1905. – 112 с.
93. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002. – С. 12.
94. Кузьменков Е.А. Глагол в монгольском языке. Л.: ЛГУ, 1984. – 140 с.
95. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии // Учебные записки ЛГУ. Сер.филол. наук. 1956. Т. 198. Вып. 24.
96. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М., 2001. – С. 32.
97. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. М.: Наука, 1977. - 171 с.
98. Мордкович Э. М. К вопросу о семантических полях соматических фразеологизмов / Э. М. Мордкович. - Новгород, 1972.
99. Мугу Р.Ю. Полисемантизм соматической лексики: На материале русского и немецкого языков: Дис. канд. филол. наук. Майкоп, 2003. - С. 77.
100. Мушаев В.Н. Структура и семантика калмыцкого предложения. Элиста, 2005. - 382 с.
101. Мушаев В.Н. Хальмг келнә келц үгмүд. Фразеологические сочетания современного калмыцкого языка / Учебное пособие. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2011. - 26 с.

102. Назаров О. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов русского и туркменского языков: автореф. дис. канд. филол. наук / О.Назаров. Ашхабад, 1973. – 29 с.

103. Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. М., 1989.

104. Натхо О.И. Паремиии в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Натхо Ольга Игоревна. – Пятигорск, 2017. – 30 с.

105. Ожегов С.И. О структуре фразеологии // Лексикографический сборник. Выпуск 2. М., 1957. - С. 31-78.

106. Оконов Б.Б. Из истории калмыцкой афористической поэзии // Филологические вести. Элиста, 1970.

107. Оконов Б.Б. Калмыцкие народные пословицы и поговорки. Элиста, 1980.

108. Оконов Б.Б. Фольклор в общей системе литературного образования в калмыцкой национальной школе. Элиста, 2001.

109. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. – С. 156.

110. Очиров У.У. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста, 1964. - 243 с.

111. Ошева Е. Паремиологическое пространство: дискуссионные вопросы // Исследовательский журнал русского языка и литературы. – 2013. - №1 (1). – С.75-88.

112. Павлов Д.А. Современный калмыцкий язык. Фонетика и графика. Элиста, 1968.

113. Палевская М.Ф. Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века /М.Ф. Палевская – Кишинев: Штиинца,1980. – 365 с.

114. Перевозчикова Ф. Д. Фразеологические единицы со словом «глаз» // Современная русская лексикография 1977. Л., 1979. - С. 62-70.

115. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. – 240 с.

116. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000 — 384 с.

117. Поливанов, Е. Д. За марксистское языкознание. / Е. Д. Поливанов. - М., 1931. – 183 с.

118. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / Составление и перевод Б. Х. Тодаевой. Элиста: НПП «Джангар», 2007. - 839 с.

119. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1894.

120. Пюрбеев Г.Ц. Исследования по языкам и культуре монгольских народов. Элиста: Изд-во Калм.ун-та, 2015. – 496 с.

121. Пюрбеев Г.Ц. Антропоцентричность картины мира в калмыцких фразеологизмах / Г.Ц. Пюрбеев, Е.В. Голубева // IX Международный конгресс монголоведов. – М., 2006.

122. Пюрбеев Г.Ц., Бертагаев Т.А. Антонимия слов и антонимия фразеологизмов в современном монгольском языке // Труды Самаркандского университета. Новая серия. Вып. 178. Вопросы филологии. 1970. - № 3. - С. 159-164.

123. Пюрбеев Г.Ц. Глагольная фразеология монгольских языков. М., 1972. - 208 с.

124. Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения. Элиста, 1977.

125. Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. 2-е изд. перераб. Элиста, 2010. - 299 с.

126. Пюрбеев Г.Ц. Из наблюдений над фразеологией языка «Сокровенного сказания монголов» // Исследования по восточной фразеологии. М., 1974. - С. 226-229.

127. Пюрбеев Г.Ц. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков: синтаксис словосочетания. М., 1993. - 304 с.

128. Пюрбеев Г.Ц. К вопросу об устойчивых сочетаниях слов и фразеологизмах (на материале монгольских языков) // Системы и уровни языка. М., 1969. - С. 212-220.
129. Пюрбеев Г.Ц. О калмыцкой фразеологии // Филологические вести. 1970. Т.2. - С. 38-49.
130. Пюрбеев Г.Ц. Лексикография монгольских языков и опыт отражения фразеологических единиц в национально-русских словарях // Вестник Калмыцкого НИИЛЯ. 1968. - № 3. - С. 139-156.
131. Пюрбеев Г.Ц. Системно-организующие свойства монгольских фразеологических оборотов // Народы Азии и Африки. 1971. - № 3. - С. 143-149.
132. Пюрбеев Г.Ц. Об особенностях фразеологических единиц монгольских языков // Развитие науки в Калмыцкой АССР (материалы научной сессии, посвященной 50-летию Великого Октября) часть 2, серия филология. Элиста, 1968.
133. Пюрбеев Г.Ц. Современная монгольская терминология (лексико-семантические процессы и деривация). М., 1984. - 120 с.
134. Рамалданов А.Р. Структурно-грамматическая характеристика именных фразеологических единиц лезгинского языка [Текст] / А.Р. Рамалданов. Автореф. дис. … канд. филол. наук / А.Р. Рамалданов – М., 1994. – 22 с.
135. Рассадин В.И. К вопросу о многозначности фразеологических единиц монгольского языка / В.И. Рассадин, С.М. Трофимова. Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики: сб. науч.тр. – Элиста, 2008. – Вып. 2. – С.32-34.
136. Рассадин В.И. Фразеологические единицы в составе синонимических рядов в монгольском языке // Мир кочевых цивилизаций: история и современность: материалы международной конференции. – Чита: Экспресс-издательство, 2007. – С.140-144.
137. Рассадин В.И., Трофимова С.М. О некоторых пластах лексики калмыцкого языка в контексте монгольских языков. Элиста, 2013.

138. Рифтин А.П. Категории видимого и невидимого мира в языке / «Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук», вып. 10, 1946.

139. Романов А.А., Сорокин Ю.А. Соматикон: Аспекты невербальной семиотики. – М.: ИЯ РАН, ТвГУ, 2004. – 253 с.

140. Русецкая Й.Я. Концептуализация культурных стереотипов «душа», «тело» «мир» во фразеологических единицах русского языка (с привлечением литовских параллелей) // Вестник ОГУ. Серия «Новые гуманитарные исследования». 2012, № 1 (21) - С. 428 - 431.

141. Русско-калмыцкий словарь. Орс-хальмг толь / Под ред. И.К. Илишкина. М., 1964. – 803 с.

142. Санжеев Г.Д. Об исключениях в монгольских языках // Труды Московского института востоковедения. Вып. 3. М., 1946. С. 106-121.

143. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Tl .М.: АН СССР, 1953.-237 с.

144. Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. М.: Восточная литература, I960. 104с.

145. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М.: Восточная литература, 1963-266с.

146. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М.,1996. – 260 с.

147. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: «Прогресс», 1977. – 695 с.

148. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб. 1893. Т.1.

149. Стемковская Ю.Е. Образ человека в чешской культуре // Язык как средство трансляции культуры. М., 2000.

150. Степанов Ю.С. Эмиль Бенвист и лингвистики на пути преобразований / Бенвист Э. Общая лингвистика. М., 1974. – 137 с.

151. Тагарова Т.Б. Фразеология бурятского языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.22 / Тагарова Татьяна Бороевна. – Иркутск, 2014. – 358 с.

152. Телия В.Н. Что такое фразеология. М., 1966. – 86 с.

153. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокульторологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. – 284 с.

154. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (виды наименования) / В. Н. Телия. - М.: Наука, 1977. - С. 129-221.

155. Тодаева Б.Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1976. – 530 с.

156. Трофимова С.М. Грамматические категории именных основ в монгольских языках. (Семантико-функциональный аспект) [Текст] / С.М. Трофимова. – Элиста, 2009. – 381 с.

157. Трофимова С.М., Лиджиева А.С. Полисемия монгольских фразеологических единиц, характеризующих человека // Материалы международной научной конференции «Живой язык: теоретические и социокультурные аспекты функционирования и развития современных монгольских языков». – Элиста, 2007. - С.48-51.

158. Трофимова С.М. Именные части речи в монгольских языках. Улан-Удэ: БГУ, 2001. – 336 с.

159. Ураксин З.Г. Фразеология башкирского языка. М.: «Наука», 1975.

160. Уранчимэг Б. Особенности монгольских фразеологических единиц, характеризующих человека (лингвокультурологический аспект): Автореф. дис. канд.филол. наук. Улан-Удэ, 2005. - 26с.

161. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира. М., 2003. – 223 с.

162. Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семасиологического описания лексики. М.: «Наука», 1986. – 239 с.

163. Федуленкова Т.Н. Английская фразеология / Т.Н. Федуленкова. Архангельск: ПГУ, 2000. – 174 с.

164. Филологические исследования старописьменных памятников. Элиста: КНИИ, 1987. – 144 с.

165. Фокина А.А. Фразеологизмы с соматическим компонентом голова / вуй / head в разностуктурных языках (на материале русского, марийского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Фокина Алла Алексеевна. – Йошкар-ола, 2016. – 25 с.
166. Фортунатов. Избранные труды, т. I-II. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1956. – 924 с.
167. Хайруллина Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. Уфа: «Вагант», 2008. – 300 с.
168. Хертек Я.Ш. О фразеологических параллелях в некоторых тюркских и современном монгольском языках // Советская тюркология. 1976. – №4. – С. 12-24.
169. Цыденжапов Ш-Н.Р. К проблеме изучения фразеологии эпических произведений монгольских народов // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. Элиста, 1978. – С. 94-95.
170. Цыденжапов Ш-Н.Р. К характеристике фразеологического фонда дидактических произведений на старописьменном монгольском языке // Труды БИОН. Вып. 18. 1972. С. 124-129.
171. Цыденжапов Ш-Н.Р. Спорные вопросы фразеологии монгольских народов // Востоковедные исследования в Бурятии. Новосибирск, 1981. – С. 141 -149.
172. Цыденжапов Ш-Н.Р. Фразеология романа Х. Намсараева «На утренней заре» / опыт исследования и словарь [Текст] / Ш.Н-Р. Цыденжапов. – Улан-Удэ: БФ НИИ национальных школ МНО РСФСР, отв. ред. Л.Д. Шагдаров, 1989. – 240 с.
173. Цыденжапов Ш-Н.Р. Фразеологизмы старописьменного монгольского языка / Ш.-Н.Р. Цыденжапов. Улан-Удэ, 1990. – 114 с.
174. Черданцева Т. З. Метафора и символ во фразеологических единицах // Метафора в языке и тексте. М., 1988. – С. 78-92.

175. Черкасова И. Н. Символьный компонент в составе идиом // Макет словарной статьи для Автоматизированного толково-идеографического словаря русских фразеологизмов. Образцы словарных статей. М., 1991. - С. 96–98.

176. Шагдаров Л.Д. О развитии переносных значений в словах, общих некоторым тюркским и монгольским языкам // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971. - С. 121-126.

177. Шагдаров Л.Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка [Текст] / Л.Д. Шагадаров. – Улан-Удэ: БФ БИОН СО АН СССР, Бурят.кн.изд-во, отв. ред. В.И. Рассадин, 1974. – 346 с.

178. Шагдаров Л.Д. «Сокровенное сказание монголов» общемонгольский литературный памятник // «Тайная история монголов»: источниковедение, филология, история: Сб.ст. Новосибирск: Наука, 1995. – С.99-108.

179. Шагдарова Д.Л. Фразеологизмы «Сокровенного сказания монголов» в переводе на бурятский и русский языки // «Тайная история монголов»: источниковедение, филология, история: Сб.ст. Новосибирск: Наука, 1995. – С.115-122.

180. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 1963.

181. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.

182. Шахматов А.А. Очерки современного русского литературного языка. М.: Учпедгиз,1941. – 286 с.

183. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию / Г. Шухардт. – М., 1950.

184. Щербак А.М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. М., 1966. - № 3. – С. 21-35.

185. Яшманова В. А. Инструментальность и субъективно-объективные отношения / Теория функциональной грамматики / В. А. Яшманова. - СПб, 1992. – 178 с.

Лексикографические источники

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистический терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. – 605 с.
2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. –685 с.
3. Голстунский К.Ф. Монгольско-русский словарь. Т.1-3. Спб, 1983-1985.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Цитадель, 1998. – 11465 с.
5. Калмыцкие пословицы и поговорки на калмыцком языке / Сост. Б. Букшаев, И. Мацаков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1960. – 297 с.
6. Ковалевский О. Монгольско-русско-французский словарь. Т. 1-3. Казань, 1884-1849.
7. Пословица не мимо молвится. Словарь бурятско-русских адекватных пословиц и поговорок. Бурятские загадки /Ц.Б. Будаев. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1988. – 192 с.
8. Пюрбеев Г.Ц. Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов / сост. Г.Ц. Пюрбеев. М., Элиста, 1971. – 60 с.
9. Тодаева Б.Х. Словарь ойратов Синьцзяна. Элиста, 2001.
10. Толковый словарь калмыцких пословиц и поговорок / Сост. Очиров У.У., Сангаев Л.С. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2011. – 224 с.
11. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. – 814 с.
12. Хальмг-орс толь. Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б.Д. Муниева. М.: Русский-язык, 1977. – 768 с.
13. Хальмг келнә келц үгмүдин толь / Под ред. Г.Ц. Пюрбеева. Элиста: Калм.кн.изд, 1990. – 142 с. (2-е изд. 2019, 1930 ФЕ).
14. Цыденжапов Ш-Н.Р. Бурятско-русский фразеологический словарь. Улан - Удэ, 1992. - 143 с.
15. Черемисов К.М. Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1951.

Источники на калмыцком и монгольском языках:

1. Җаңһр. Шинҗәңгин өөрд-монһлын баатрльг дуулвр / Һурвн боть (далн бөлг). Б. І. – Элст: АПП «Джангар», 2005. – 856 с.: ил.
2. Пюрбеев Г.Ц. Фразеологизм гисн юмб? // Хальмг үнн, 1969. - 3 сентября.
3. Баянсан Ж. Хэл, соѐл, үндэстэний сэтгэлгээ / Ж. Баянсан. Улаанбаатар, 2002.
4. Лувсанжав Ч. A Mongolszolasok. Автореф. дис. канд. филол. наук. Будапешт, 1966. – 56с.
5. Мишиг Л. Монгол хэлний холбоо үгийн үйл / Л. Мишиг. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухаан, Дээд Боловсролын Хүрээлэнгийн Хэвлэл, 1957. – 32х.
6. Пагва Т. Хэлний шинжлэлийн удиртгал / Т. Пагба. Улаанбаатар: Улсын Хэвлэлийн Газар, 1959. – 179х.
7. Төмөрцэрэн Ж. Монгол хэлний үгийн сангийн судлал / Ж. Төмөрцэрэн. Улаанбаатар: БНМАУ ардын боловсролын яамны хэвлэл, 1974. – 164х.
8. Төмөрцэрэн Ж. Үгийн сангийн зүйгээс / Ж. Төмөрцэрэн // Хэл, зохиол. Улаанбаатар, 1961. Боть 1, дэвтэр 9. – С. 59–61.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Соматические фразеологические единицы, собранные из сборника «Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая» [ППЗ 2007]:

Толһа (голова) - 67

1. *Сәәрсн күүнә сәәр маажҗҗ өгх, муурсн күүнә толһ һарх* (почесывать поясницу человеку, который поднялся, сесть на голову тому, кто испытывает трудности) [ППЗ 2007: 495]

2. *цецн күүнә - толһад, уяч күүнә - һарт* (талант умного – в голове, талант портного – в руках)[ППЗ 2007: 253]

3. *келнә гем – толһад* (по вине достается голове) [ППЗ 2007: 259]

4. *хортан аврсн күн хәрү толһадарн савата* (спасти своего врага все равно, что снова занести палку над своей головой) [ППЗ 2007: 317]

5. *эврәннь толһадк өвриг үзл уга, күмни толһадк өвсиг үзнә (*не замечая на своей голове рога, видит на чужой голове соломинку) [ППЗ 2007: 334]

6. *эврәннь толһан өвр үзл уга, күүнә нүднә нуух үзнә (*не видя рога на своей голове, замечает гной в чужом глазу) [ППЗ 2007: 550]

7. *күүнә толһадк өвс үздг, эврәннь толһадк өвр үздг уга* (на чужой голове видит соломинку, а на своей не замечают рога*)* [ППЗ 2007: 115]

8. *төрин күмн төвкнүнь сән, төлгин толһа мөлҗүртәнь сән* (хорошо, когда государственный муж спокойный, хорошо для обгладывания голова барашка) [ППЗ 2007: 359]

9. *занын сүл болхар, ботхна толһа бол (*чем являться хвостом слона, лучше находиться головой верблюжонка) [ППЗ 2007: 346]

10. *өндр хадын орад модн уга, барум толһад цецн уга* (на верхушке горы отсутствуют деревья, в голове заносчивого отсутствует мудрость*)* [ППЗ 2007: 254]

11. *өндр уулын орад модн уга, өлглзсн күүнә толһад ухан уга* (на вершине горы отсутствует растительность, в голове горделивого отсутствует большой ум) [ППЗ 2007: 221]

12.*толһад экн уга болхла, хойр көлд чигн амр уга (*если нет ума в голове, то ногам покоя нет)[ППЗ 2007: 231]

13. *эргү толһа көл амрадг уга (*если нет ума в голове, то ногам покоя нет) [ППЗ 2007: 470]

14. *тенг толһа көлән эцәдг* (ногам покоя не дает глупая голова*)* [ППЗ 2007: 467]

15. *тенг толһа көлән дәәсн* (глупая голова – враг ногам*)* [ППЗ 2007: 466]

16. *тенг толһа көл муурах, тогтвр уга толһа ул уләләх* (из-за глупой головы ноги не знают покоя, из-за дурной головы подмётки летят-рвутся*)* [ППЗ 2007: 466]

17. *һәргтә толһаһан көлтә көлд амр уга гидг* (если нет ума в голове, то ногам покоя нет) [ППЗ 2007: 473]

18. *толһа талдан болвл, зүүдн талдан, тәрк оңгдан болвл, ухан оңгдан (*если голова другая, то и сон другой; если мозг другой, то и ум другой) [ППЗ 2007: 221]

19.*толһань оңгдан болхла, ухань чигн оңгдан* (в разных головах – разный ум) [ППЗ 2007: 228]

20. *эз уга һазрин һаха толһа деер һарна* (если нет хозяина земли, свинья сядет на голову) [ППЗ 2007: 101]

21.*мал мууһан сеҗдг, махла толһаһан дардг* (скотина бодает тех, кто послабее, а шапка давит голову всякого) [ППЗ 2007: 457]

22.*нег толһад – нег үкл* (одной голове – одна смерть) [ППЗ 2007: 308]

23. *нойнла наадсн – толһа уга, нохала наадмсн – хорма уга* (играешь с нойоном – можешь лишиться головы, играешь с собакой – можешь лишиться подола) [ППЗ 2007: 430]

24. *нохала баашлвл тәкм уга, нойнла баашлвл толһа уга* (играешь с собакой – можешь потерять подколенное сухожилие, можешь лишиться с нойоном – можешь лишиться головы)[ППЗ 2007: 131],

25.*тоха келтрвл, ханцн дотр, толһа келтрвл, махла дотр* (если сломается локоть, то останется в рукаве, если сломается голова, то останется в шапке) [ППЗ 2007: 431]

26.*толһа бәәхлә хот олдх* (если есть голова, то и пища будет)[ППЗ 2007: 92]

27. *күмнд түрүнь – толһа, хувцнд – зах* (голова – самое важное у людей, воротник - у одежды) [ППЗ 2007: 16]

28. *тарһ хархар толһаһан хар* (дорожить надо головой, а не дородностью)[ППЗ 2007: 92]

29. *күүнә кееруул - толһа, толһан кееруул – экн* (человека украшает голова ум украшение для головы) [ППЗ 2007: 400]

30. *төө тарһнас толһан менднь деер* (чем иметь жир толщиною в пядь, лучше иметь здоровую голову) [ППЗ 2007: 422]

31. *том тарһнас толһа бүтнь* (чем чрезмерная полнота, лучше здоровая голова) [ППЗ 2007: 422]

32. *толһа бәәвл махла алдх* (была бы голова, а шапка найдется) [ППЗ 2007: 92]

33. *толһа менд бәәхлә токуг шиврлг*[1] *олдх* (когда голова цела, токуги и шиверлик найдутся) [ППЗ 2007: 92]

34. *залху һарла ухата толһма элгн-садн болдг уга* (у ленивых рук нет в родственниках умной головы) [ППЗ 2007: 506]

35.*залхунь толһа өвдлә гих, мектәнь амн аңһала гих* (ленивый скажет, что голова разболелась, а хитрый скажет, что пить захотелось) [ППЗ 2007: 507]

36. *хур орхла һазр сергнә, худл һархла толһа эргнә (*когда дождь идет – земля освежается, когда ложные слухи пускают – голова кружится) [ППЗ 2007: 531]

37.*белн болхд аман аңһаж, берк болхд толһа зәәлдг* (когда готово – рот раскрывает, когда трудно – головой мотает)[ППЗ 2007: 509]

38. *өөдән хайсн чолун, эврә толһа деер ундг* (камень, брошенный вверх, падает на собственную голову) [ППЗ 2007: 118]

[1] Токуг, шиврлг – женские украшения для волос.

39. *haphсн үүл бийд, өөдән хайсн толhад* (совершенный проступок останется на себе, камень, брошенный вверх, падает на собственную голову) [ППЗ 2007: 564]

40. *толhаһинь илҗ бәәһәд, тәркинь сөрх* (поглаживая ему голову, высосать мозг) [ППЗ 2007: 494]

41.*зүүл өвсиг мөрн амһатаһан хаздг, зөвтә үгд толһа махлатаһан хандг* (на разнотравье конь щиплет траву даже с удилами, правильным словам голова в шапке признательна) [ППЗ 2007: 294]

42. з*өв махлад толhад хандг, зөвтә үгд зүркн хандг* (хорошей шапке голова благодарна, хорошему слову сердце благодарно) [ППЗ 2007:]

43. *хүрм гихлә хумха толһа көлврдг* (когда говорят свадьба, туда и засохшие черепа перекатываются*)* [ППЗ 2007: 107]

44.*өндр уулын ора хоосн, өөдлх күүнә толһа хоосн* (на горе вершина голая, у заносчивого человека голова пустая) [ППЗ 2007: 474]

45.*өндр уулын ора хоосмн, деегүр күмни толһа хоосн* (на горе верхушка голая, у заносчивого в голове пусто) [ППЗ 2007: 542].

46.*түрән бөөсн толhад, тенгин үг теңгрт* (вши от голенищ – к голове, слова глупца – к небесам) [ППЗ 2007: 469]

47. *сагин тооснд санамрин толһа һанзһлгдна* (в пыли, поднятой осторожным человеком, голова беспечного бывает приторочена к седлу) [ППЗ 2007: 373]

48.*махла өмсв толhад, мах идв оранд* (наденешь шапку – останется, на голове, съешь мясо – застрянет в зубах) [ППЗ 2007: 616]

49. *сагин көлд санмарин толһа тасрна (*из-за осторожного слетит голова беспечного) [ППЗ 2007: 372]

50. *сагин көл күртл, санамрин толһа өсрнә* (пока ступит нога осторожного человека, слетит голова беспечного) [ППЗ 2007: 372]

51. *дегд түргн көлән авдг* (слишком расторопный повредит ногу*)* [ППЗ 2007: 370]

52. *келнә гем – толhад* (по вине языка достается голове*)* [ППЗ 2007: 259],

53. *келнә гем – толһад төмр сав* (по вине языка страдает голова*)* [ППЗ 2007: 259]

54. *ут келн күзү орадг, ут хорма көл орадг* (длинный язык шею обовьет, длинный подол – ноги свяжет) [ППЗ 2007: 257],

55. *күзүн даасн хөөн – толһан икнь сән, бий дасн хөөн - көлн бичкнь сән* (хорошая голова большая, лишь бы держала шея) [ППЗ 2007: 445],

56. *толһан үсн ямр нигт болв чигн тоңһргт хусгддг* (как бы ни были густы волосы на голове, но лезвие бритвы их возьмет) [ППЗ 2007: 328],

57. *толһа келтрв – махла дотран, тоха келтвр – ханцн дотран (*если даже голова пробита, так она в шапке, если даже локоть разбит, так он в рукаве) [ППЗ 2007: 432],

58. *тоха хуһрав чиг ханцндан, толһа хаһрв чиг махладан* (хоть локоть разбмит, он в рукмаве, хоть голова пробита, она в шапке) [ППЗ 2007: 431],

59. *көл толһаһан дахдг (*нога следует за головой) [ППЗ 2007: 327]

60. толһа ухата болхла, чееҗ сарул болдг (когда голова умная, то и на душе светло) [ППЗ 2007: 229],

61.*өндр толһа деер һархла, нүднә хуҗр ханмдг, өвгн күүнлә күүндхә, чикнә хуҗр хандг* (с высокого кургана смотреть – глазам приятно, беседовать со старцем – ушам, слуху приятно) [ППЗ 2007: 109],

62.*нүдн әәмтхә, һар бат* (глаза трусливые, руки смелые) [ППЗ 2007: 565]

63.*кү асрсн – толһа цуста, мал асрсн – амн тоста* (если позаботиться о человеке – голова в крови, если позаботиться о скотине – рот в масле*)* [ППЗ 2007: 9]

64. *нүдн әәмтхә, зүркн зөргтә (*глаза трусливы, сердце отважно*)* [ППЗ 2007: 360]

65. *толһад ухан уга болхла, хойр көлд аммрл уга (*когда в голове пусто, ноги не знают покоя) [ППЗ 2007: 224]

66.*ут хорма көлд туша, ут келн толһад сава* (длинный подол – путы для ног, длинный язык – боль*)* [ППЗ 2007: 419]

67.*зүүл өвсиг мөрн амһатаһан хаздг, зөвтә үгд толһа махлматаһан хандг* (на разнотравье конь щиплет траву даже с удилами, справедливым словам и голова в шапке благодарна) [ППЗ 2007].

Келн (язык) – 62:

1. *худлын мелн ут, болв чиг көлнь ахрхн* (у неправды длинный язык, зато короткие ноги)[[ППЗ 2007: 534],

2. *келнә гем – толһад* (по вине достается голове) [ППЗ 2007: 259],

3. *үгчрхг экнрин келн хурц* (у женщины-болтушки острый язык)[[ППЗ 2007: 531],

4. *келтән керг уралан, келн уган керг хооран* (у красноречивого - дела хорошо идут, у некрасноречивого – дела не движутся)[[ППЗ 2007: 261],

5. *келн - утхас хурц (*иногда язык может быть поострее ножа) [[ППЗ 2007: 256],

6. *келн үлдд орхнь хурц (*иногда язык может быть поострее меча) [[ППЗ 2007: 255],

7. *хорн келн хурц зүүнәс әәмшгтә* (иногда язык страшнее острейшей иглы) [ППЗ 2007: 257],

8. *күүнә келнд күр чолун чиг хамхрдг* (человеческий язык способен разбить валун) [ППЗ 2007: 260],

9. *күүнә келнәс күр чолун чиг күүрдг* (человеческий язык способен разбить валун) [ППЗ 2007: 260],

10. *хурц келнәс хад чолун шуурдг* (острый язык способен разбить скалу) [ППЗ 2007: 257],

11. *үлдин шав эвгдг, келнә шав эдгдг уга* (рана от меча заживает, от языка - нет) [ППЗ 2007: 260],

12. *месин шарх эдгдг, келнә шарх эдгдг уга* (рана от сабли заживает, рана от слова – нет) [ППЗ 2007: 260],

13. *малян шарх бүрүлддг, келнә шарх бүрүлддг уга* (рана от плети затягивается, от слов – нет) [ППЗ 2007: 259],

14. *малян шарх эдгдг, келнә шарх эдгдг уга* (рана от плети заживает, от слов – нет) [ППЗ 2007: 259],

15. *цоклһна шарх әрлдг, келнә шарх әрлдг уга* (рана от удара проходит, рана, нанесенная языком, не проходит) [ППЗ 2007: 258],

16. *эврә ээҗин келн элсн тоңһргин ир, күүнә ээҗин келн күц тоңһргин ир* (слово/язык матери родной подобно острию тупого ножа, слово/язык чужой матери подобно лезвию бритвы) [ППЗ 2007: 48],

17. *келн деерән келдг бурхн зать хойр, седклин муухас үүсдг ур килң хойр* (на языке бурхан и мускатный орех, от злого сердца – ярость и гнев) [[ППЗ 2007: 256],

18. *утхан бүлүдсн залу – мах иддг, келән бүлүдсн гергн маля үздг* (мужчина, который точит нож, ест мясо, женщина, которая точит язык, бывает наказана) [ППЗ 2007: 33],

19.зеehин келн хорта, наһцхин һар күнд (у племянника ядовитый язык, у дяди тяжелая рука) [ППЗ 2007: 62],

20.*келхлә, келнә зовлң, санхла, чееҗин зовлң* (как говорить – для языка мучение, как думать – для сердца мучение) [ППЗ 2007:179],

21.*нүүлән нульмсан уһах, килнцән келәрн долах* (смыть грехи слезами, прост-упки слизывать языком) [ППЗ 2007:193]

22.*келг угад – келн уга* (у некрасноречивого в языке всё не готово) [ППЗ 2007: 256],

23. *келн деернь – бал, бурм, кеврдг дотрнь – күр чолун* (на языке – мед, сахар, в груди – камень-валун) [ППЗ 2007: 256],

24. *келн деер шикр тәвдг, гиил деер сүк тәвдг* (на язык кладет сахар, на затылок – топор) [ППЗ 2007: 256],

25.*келнәннь кеег һарһҗ, керсңгинн цаһаныг үзүлн* (красоту своей речи/ своего языка продемонстрировать, белизну груди своей показать) [ППЗ 2007: 259],

26. *келнә утнь бий орадг, хорман утнь көл орадг (*длинный язык самому себе вредит, длинный подол – помеха для ног) [ППЗ 2007: 259],

27. *келн ут болхла, күзү орадг, хорма ут болхла, көл орадг* (длинный язык обовьет шею, длинный подол – путы в ногах) [ППЗ 2007: 255],

28. *келнә сәәһәр күүнлә таньлд, көлгнә сәәнд – һазр үз* (пока язык/речь хороша, общаться с людьми, пока погода хорошая объезжай земли) [ППЗ 2007: 259],

29. *көлгнә сәәнд һазр тань, келнә сәәнд күүнлә таньлд* (пока подвода исправна – познавай местность, пока язык искусен – знакомься с людьми) [ППЗ 2007: 258],

30. *келнә дәәсн – бийд* (враг языка – ты сам) [ППЗ 2007: 259],

31. *келнә гем – толһад төмр сав* (по вине языка страдает голова) [ППЗ 2007: 259],

32. *келтән – уралан, келн угань – хооран* (красноречивый впереди, некрасноречивый – позади) [ППЗ 2007: 261],

33. *келнь – белн, кеснь салң* (как давать обещание – мастер, как сделать – не выполняет) [ППЗ 2007: 261],

34. *келнә гисн угән келн доран, кенә гисн кергән хорма доран* (хотел было сказать, да придержал язык, хотел было сделать, да расхотел) [ППЗ 2007: 260],

35. *келнь җөөлн, кехнь хату (*на слова – мягок, на дело – твердок, скуп)[ППЗ 2007: 261],

36. *күүнә келн хорта, күрнин махн заарта* (людской язык ядовитый, мясо хорька издает запах мускуса) [ППЗ 2007: 261],

37. *келхән тоол, идлән җажл* (думай, что говоришь, пережевывай, что ешь) [ППЗ 2007: 262],

38. *кесндән үкдг уга, келсндән үкдг* (не умирают от того, что сделал, а умирают от того, что сказал) [ППЗ 2007: 261],

39. *келнә махнд ясн уга* (в языке нет костей*)* [ППЗ 2007: 259],

40. *келән алтлхар, кергән алтл (*озолачивать дело, лучше, чем золотом язык покрывать) [ППЗ 2007: 258]

41. *күн - келәр, кимр - әәргәр* (человек выделяется речью, а кимер[1] разбавляется кумысом) [ППЗ 2007: 258],

42. *явкелн һазр доладг (*тот, кто всё время пререкается, лижет землю) [ППЗ 2007: 257]

43. *ут келн күзү орадг, ут хорма көл орадг* (длинный язык шею обовьет, длинный подол – путы в ногах) [ППЗ 2007: 257],

44. *зүркн туссн иньгәс нүдн хөөһхш, зөркә һарсн урлас келнә үзүр хөөһхш* (от любимой взгляда) не оторвать, от потрескавшихся губ кончик языка не оторвать) [ППЗ 2007: 391],

45. *зөркә һарсн урлас келн хөөһдг уга, зүркн туссн иньгәс седкл хөөһдг уга* (от потрескавшихся губ язык не отвести, от милого сердцу человека глаз не отвести) [ППЗ 2007: 392],

46. *зөркәдсн урлд келн тусдг, зүркн иньгт нүдн тусдг (*к потрескавшимся губам льнет язык, к сердцу возлюбленной устремлены глаза)[ППЗ 2007: 394],

47. *келәрн келдүр кеһәд, урларн ухр кеһәд бичгә бә (*не делай из своего языка лопату, а из своих губ – ложку) [ППЗ 2007: 258],

48. *урларн ухр кеһәд, келәрн келдүр кех* (из губ изготавливать ложку, из языка – лопату) [ППЗ 2007: 529],

49. *келнә гем – толһад* (по вине достается голове) [ППЗ 2007: 259],

50. *эргү толһа көл амрадг уга* (ногам покоя не дает глупая голова) [ППЗ 2007: 470].

51. *толһад уха нуга болхла, хойр көлд амрл уга* (если в голове пусто, то ногам покоя нет) [ППЗ 2007: 224]

52. *мал - көләрн, күн - келәрн* (скот – ногами, человек – языком) [ППЗ 2007: 258]

53. *келнә гем – толһад төмр сав* (по вине языка страдает голова) [ППЗ 2007: 259],

54. *күн чирәһәрн сәәхн, чирә - нүдәрн, амн – келәрн, келн - үгәрн* (человека украшает лиц, лицо – глаза, рот – язык, язык – слова) [ППЗ 2007: 395],

[1] Кимер – вода с молоком.

55. *ут хорма көл тушдг, ут келн бий бардг (*длинный подол ногам мешает, длинный язык человеку вредит) [ППЗ 2007: 257]

56. *ут хорма көл оралдг, ут келн күзү оралдг* (длинный подол ногам мешает, длинный язык петлю на шее затягивает) [ППЗ 2007: 257]

57. *ут хорма көлд оралдг, ут келн бий бардг (*длинный подол – помеха для ног, длинный язык себе повредит) [ППЗ 2007: 256]

58. *ут хормма көлд туша, ут келн толһад сава* (длинный подол – путы для ног, длинный язык – боль) [ППЗ 2007: 419] мера

59. *келнә утнь бий орадг, хорман утнь көл орадг (*длинный язык самому себе вредит, длинный подол – помеха для ног) [ППЗ 2007: 259],

60. *худлмын келн ут, болв чиг көлнь ахрмхн* (у лжи длинный язык, зато ноги короткие)[ППЗ 2007: 534],

61. *келиг шүдн харсдг, нүдиг күмсг харсдг* (зубы защищают язык, глаза – брови) [ППЗ 2007: 258],

62. *келн - дәәсн, шүдн - бәәшң* (язык – враг, зубы – дворец) [ППЗ 2007: 256].

Глаза (нүдн) - 45:

1**.** *зөркәдсн урлд келн тусдг, зүркн иньгт нүдн тусдг* (к потрескавшимся губам льнет язык, к сердцу возлюбленной устремлены глаза) [ППЗ 2007: 394],

2. *бүләкн нүдәр хәләхлә, иньгин седкл хандг* (от нежного взгляда сердце любимой наполняется благодарностью) [ППЗ 2007: 393],

3. дурн угад нүдн уга (если любви нет, то глаз тоже нет) [ППЗ 2007: 412],

4. х*әләвл хар нүдн, хатхвл хар зусн* (смотришь – будто черные глаза, если ткунь – черный клей) [ППЗ 2007: 341],

5. *эврәннь нүдән үлүкн итк, күмни үгиг дуту итк (*надо доверять собственным глазам, а не чужим словам) [ППЗ 2007: 408],

6. *доһлңгин өмн көлән өргж, сохрин өмн нүдән аньх* (перед хромоногим – задирать ноги, перед незрячим – зажмуривать глаза) [ППЗ 2007: 411].

7. *уульхин дурн бәәвл, сохр нүднәс нульмсн һарна* (если захочешь плакать, из слепых глаз пойдут слезы) [ППЗ 2007: 412],

8. *дурн угад нүдн уга, дурсн угад навч уга* (если отсутствует любовь, то и глаз, не замечаешь, нет коры – нет и ветвей) [ППЗ 2007: 412],

9. *ховдгин нүдн юмнд цадх уга, уквл шорад цадна (*жадный с ненасытными глазами, после смерти землей насытятся) [ППЗ 2007: 497],

10. *олни нүдн одта әдл* (человеческие глаза будто звезды)[ППЗ 2007: 338],

11. *нүднд хонсн хоңцла әдл (*словно белое пятно в глазах*)* [ППЗ 2007: 338],

12. *уксн керә нүдим чоңкг (*да выклюет мертвая ворона мне глаза) [ППЗ 2007: 312],

13. *чееж муңхгин нүдн сохр* (у человека с душевной слепотой глаза слепы) [ППЗ 2007: 237],

14. *күлгиг нүдәрнь, күүг седкләрнь (*коня узнавать по глазам, человека – по сердцу) [ППЗ 2007: 236],

15. *ухань сохр болвл, нүдн чиг сохр* (при мутном сознании глаза мутные) [ППЗ 2007: 228],

16. *ухан күрм уга һазрт нүдн күрдг уга* (если головой не понять, то и глазами не увидеть) [ППЗ 2007: 222],

17. *мөңгнд нүдн уга* (у денег нет глаз) [ППЗ 2007: 201],

18. *мөңгн цаһан, нүдн улан* (деньги белые, глаза красные, алчные) [ППЗ 2007: 201],

19. *өндр толһа деер һархла, нүднә хуҗр хандг, өвгн күүнлә күүндхә, чикнә хуҗр хандг* (с высокого кургана смотреть – глазам приятно, беседовать со старцем – ушам, слуху приятно) [ППЗ 2007: 109],

20. *харңһу сө нүдн уга, хар керә зүсн уга* (черная ночь без глаз, черная ворона без масти) [ППЗ 2007: 608],

21. *буута нәәҗмн аңчни баралх нүдн хүрц, бичгтә ханьлсн күмни бодлһ тәрк хурц* (охотник, который подружился с ружьём, с зоркими глаза, человек, который подружился с грамотой, с острым умом) [ППЗ 2007: 604],

22. *нүдн әәхәс биш, һар әәдм биш* (глаза боятся, руки делают)[ППЗ 2007: 567],

23. *нүдндән нүүһүл наасн, нүүртән шикә наасн* (на глазах завеса, на лице кошма*)* [ППЗ 2007: 540],

24. *ичр угад нүдн уга* (бесстыжий без глаз) [ППЗ 2007: 536],

25. *амнд өрш уга хот, нүднд бичә үзгдг* (пища, которая в рот не полезет, пусть не увидят глаза) [ППЗ 2007: 613],

26. хоолд орш уга хот нүднд бичә үзгдг (пища, которую не проглотишь, пусть не увидят глаза) [ППЗ 2007: 613],

27. *эзнә нүдн – эм әдл* (глаза хозяина как лекарство) [ППЗ 2007: 104],

28. *төрскнән эврәннь нүднлә әдл хар* (родину надо беречь как свои глаза) [ППЗ 2007: 104],

29. *шорһлҗнд нүдн уга болв чиг үүрән олна, буйнд нүдн уга болв чиг эзән олна* (слепые муравьи находят муравейник, также добродетель не видит, но находит хозяина) [ППЗ 2007: 101],

30. *нүднд өрсн бог, шүднд өрсн махн (*соринка в глазах, мясо в зубах)[ППЗ 2007: 616],

31. *нүдн хурц болв чигн, ду соңсҗ чаддг уга* (хотя глаза и зоркие, но не слышат) [ППЗ 2007: 560],

32. *нүдн әәмтхә, һар бат* (глаза боязливы, руки бесстрашны) [ППЗ 2007: 565]

33. *нүдн әәмтхә, зүркн зөргтә* (глаза трусливы, сердце отважно) [ППЗ 2007: 360],

34. *нүдн әәмтхә, һар бат* (глаза боязливые, руки бесстрашные*)* [ППЗ 2007: 565]

35. *бүләкн нүдәр хәләхлә, иньгин седкл хандг* (от нежного взгляда сердце любимой наполняется благодарностью) [ППЗ 2007: 393],

36. *зүркн туссн иньгәс нүдн хөөһхш, зөркә һарсн урлас келнә үзүр хөөһхш* (от любимой взгляда не оторвать, от потрескавшихся губ кончик языка не оторвать) [ППЗ 2007: 391],

37. *уул үзх нүдн уга, оошк даах шүдн уга* (нет глаз, чтобы разглядеть горы, нет зубов, чтобы съесть легкие) [ППЗ 2007: 144],

38. *нүдәр тусхин өрнд күмсгәр тусг* (пусть не в глаз, а в бровь) [ППЗ 2007: 345],

39. *күн чирәһәрн сәәхн, чирә - нүдәрн, амн – келәрн, келн - үгәрн* (человека украшает лицо, лицо украшают глаза, рот – язык, язык – слова) [ППЗ 2007: 395],

40. *нүүлтәннь - нүдәрнь, нүл уганнь* – амарнь (грешных узнавать по глазам, безгрешных – по губам*) [ППЗ 2007: 194],*

41. нүднд орсн бог шиңг, шүднд орсн махн шиңг (словно соринка в глазу, словно кусочек мяса, застрявший в зубах) [ППЗ 2007: 341],

*42. келиг шүдн харсдг, нүдиг күмсг харсдг (*зубы – защита языка, глаза – защита бровям) [ППЗ 2007: 258],

*43. үкәс күмни нүднь хурц, угатя күмни шүдн хурц (*человек, ожидающий смерть с зоркими глазами, неимущий – с острыми зубами) [ППЗ 2007: 139]

44. *сән идән шүдн һол, сән күүкн нүдни һол* (хорошую пищу схватывают зубы, хорошую девушку замечают глаза) [ППЗ 2007: 56]

45. *нүдн үннч, чикн худлч* (глаза правдивы, уши лживы) [ППЗ 2007: 407,535]

4. Руки (һар) - 41

1. *мука отхр һар тәәрдг* (тупой нож руку режет) [ППЗ 2007: 327]

2. *тәкр көл – там тал, мәкр һар – бий талан* (скрюченные ноги в могилу, кривые руки тянут к себе) [ППЗ 2007: 191]

3. *һарарн авад, һарарн өгдг* (берут рукой, но и дают той же рукой) [ППЗ 2007: 323]

4. *күмни һарин тос долахар, эврәннь һарин ус дол* (чем облизывать масло с чужой руки, лучше слизывать воды со своей руки) [ППЗ 2007: 320]

5. *күүнә һарт наалдсн тос долахд хату* (сложно слизывать масло, которое прилипло к чужой руке) [ППЗ 2007: 210]

6. *тос цоксн күн һаран доладг* (взбивающий масло облизывает руку) [ППЗ 2007: 619]

7. *мергниг келсн үгәрнь шинҗл, теңгиг һартк модарнь мер* (мудрого определяют по словам, глупого – по палке, что у него в руке) [ППЗ 2007: 251]

8. *һарин эрдм күмнд зарглдна, чееҗин эрдм күм зарна* (умелые руки людям служат, а знания – людьми управляют) [ППЗ 2007: 238]

9. *һарарн нег күү диилхә, толһаһарарн миңһиг диилдг* (руками можно одолеть одного, умом можно победить тысячи*)* [ППЗ 2007: 231]

10. *ууруһар төр бәрлһн – улан һарын күчн, тевчңһү сәәхн седкл – уханбилгн күчн* (поймать коня укрюком зависит от силы рук, а быть обходительным – от ума зависит) [ППЗ 2007: 221]

11. *ов уга ухан ормдан бәәдг уга, ооср уга хурвч һарт тордг уга* (хитрый ум не застаивается на месте, а наперсток без бечевки на держится на пальце) [ППЗ 2007: 221]

12. *өрдәр һарсн нариг һарар халхлҗ болдг уга* (не заслонить рукой дневное солнце) [ППЗ 2007: 210]

13.*тәкм күрх уга һаран, теңгр өөд сарвах* (воздеть к небу руки, которые не могут дотянуться до коленного сгиба) [ППЗ 2007: 156]

14.*һанцхн һарар аңһучлҗ болдг уга* (голой рукой не поохотишься) [ППЗ 2007: 150]

15. *мөрн эцсн болвл нооснь ут, күмн яду болвл һарнь ахр* [ППЗ 2007: 191]

16.*күүнә һарар моһа бәрүлх* (ловить змею чужими руками) [ППЗ 2007: 114]

17.*күмни һарар моһа бәрүлх (*ловить змею чужими руками) [ППЗ 2007: 14]

18. *күүнә һарар цог бәрх (*чужими руками жар загребать) [ППЗ 2007: 115]

19.*күмни юмнд һаран битгә сарва (*не протягивай руки к чужому добру) [ППЗ 2007: 15]

20.*мах шиксн күмн һаран доладг (*человек, который крошит мясо, облизывает пальцы – голодным не останется) [ППЗ 2007: 615]

21. *уурн күүнә һар уханла үүрлнә (*руки мастера дружат с умом*)* [ППЗ 2007: 377]

22. *эрстән гедргән унхла, эврә һар дөң болдг уга, онц бийин эндүд эврә, ухан дөң болдг уга (*рука и ум не спасут*)* [ППЗ 2007: 561]

23.*кен һал бәрсн болвл түүни һар түлкнә* (кто держит огонь, может обжечь руки) [ППЗ 2007: 431]

24. *һалта наадвл һаран тулдг, һалзута наадвл бийән цокулдг* (играть с огнем – обжечь руки, играть с сумасшедшим – быть побитым) [ППЗ 2007: 330]

25.*ут шиләвр һар шатадг уга* (длинной кочергой руку не обожжешь) [ППЗ 2007: 428]

26. һаран будхла, ханцан чигн буддг (если руки запачкал, то и рукав запачкаешь)[ППЗ 2007: 427]

27. һар будгдхла ханцн чигн будгддг (если рукав запачкал, запачкаешь руки)[ППЗ 2007: 330]

28. *булһрсн һар бийд ацан* (вывехнутые руки являются обузой самому себе)[ППЗ 2007: 419]

29. иньгәс нүдн хөөһдг уга, шархас һар хөөһдг уга (от любимой глаз не отвести, от болячки руку не убрать)[ППЗ 2007: 391]

30. *цалмар агт бәрхд, улан һарин күчн кергтә* (поймать коня арканом, зависит от силы рук) [ППЗ 2007: 364]

31. *нүдн әәмтхә, һар бат* (глаза трусливы, руки крепки) [ППЗ 2007: 565]

32.*һар һарарн таньдг, һасн шаавран таньдг (*рука с рукой знакома, кол с колотушкой знакома) [ППЗ 2007: 329]

33. *һар һарарн угадг (рука руку моет)* [ППЗ 2007: 329]

34. *һар һарарн таньна, һанзһ һуян таньна* (рука с рукой знакома, торока с бедрами знакома) [ППЗ 2007: 334]

35. *залху һарла ухата толһа элгн-садн болдг уга* (ленивые руки умной голове не родственники*)*[ППЗ 2007: 506],

36. *зееһин келн хорта, наһцхин һар күнд* (язык племянника ядовитый, рука дяди тяжелая [ППЗ 2007: 62],

37. *нүдн әәхәс биш, һар әәдм биш* (глаза боятся, руки делают) [ППЗ 2007: 567],

38. *өндр уул деер һархла, нүднә сергмж, өвгн күүнлә күүндхлә, чееҗин сергмж* (если взойти на высокую гору – глаза видят простор, если поговорить с пожилым – душа радуется) [ППЗ 2007: 109],

39. *һар көндрхлә, амн чиг көндрдг (*если работать руками, и рот будет работать) [ППЗ 2007: 329],

40. *авсн күмни һар җөөлн, идсн күмни амн җөөлн* (у берущего руки короткие, у кушающего – уста ласковые) [ППЗ 2007: 272],

41. *толһад уха нуга болхла, хойр көлд амрл уга (*если в голове пусто, то ногам покоя нет) [ППЗ 2007: 224].

Рот (амн) – 39

1.*Ной дахсн амн тоста, нутг дахсн нүдн герлтә* (следуешь за нойоном – рот в масле, посещаешь нутук – глаза радуются) [ППЗ 2007: 128],

2. *олн әмтнә ам хааж болдг уга (*всем людям невозможно закрыть рот) [ППЗ 2007: 80],

3. *әмтнә ам боож болдг уга, бочкин бөөрәс уйж болдг уга* (рты людям не закроешь, к боку бочки веревку не привяжешь) [ППЗ 2007: 80],

4. *хоңхин амиг бөглж болдг, күмни амиг болдг уга* (горлышко бутылки можно заткнуть пробкой, а рот человека – не закроешь) [ППЗ 2007: 272],

5. *күүкд кичг хойрин амн сул уга* (ребятни и щенята всегда жуют*)* [ППЗ 2007: 48],

6. *кү асрсн – толһа цуста, мал асрсн – амн тоста* (если позаботиться о человеке, голова кровью зальется, если позаботиться о животных, рот наполнится маслом) [ППЗ 2007: 9],

7. *мал теҗәхлә амн тоста* (если ухаживать за животными, рот смажется маслом) [ППЗ 2007: 570],

8. *амнд орсн хотан, келәрн түлкж haphx* (еду, которая попала в рот, выталкивать языком) [ППЗ 2007: 614],

9. *цалһа амн бузр, цалдң йовдл бузр* (небрежный человек с загрязненным ртом, развязный человек с мерзким поведением) [ППЗ 2007: 528],

10. *амнь Алтад, аарцгнь шорад* (языком до Алтая дошел, на деле - до пояса в пыли) [ППЗ 2007: 516],

11. *хордхла – амч, өлсхлә - хулхач* (когда озлобится – остер на язык, когда голоден – вор) [ППЗ 2007: 486],

12. эрүлин ухандк согтуһин амнд (что у трезвого на уме, то у пьяного на языке) [ППЗ 2007: 482],

13. *му эм амнд һашун, өвчнд туста, му үг чикнд һашун, йовдлднь туста* (горькое лекарство горчит во рту, но помогает от болезни, плохие слова неприятны ушам, но полезны делу) [ППЗ 2007: 449],

14. *му күмни амнас моһан хор цацрна* (изо рта злого человека извергается брызгами яд змеи*)* [ППЗ 2007: 454],

15. *амн бичкн болв чигн, кезәд чигн, дүүрдг уга, амбар ямаран ик болв чигн, зәрмдн дүүрдг* (даже маленький рот никогда не насытится, большой амбар иногда заполнится) [ППЗ 2007: 445],

16. *күн чирәһәрн сәәхн, чирә - нүдәрн, амн – келәрн, келн - үгәрн* (человека украшает лицо, лицо украшают глаза, рот – язык, язык – слова) [ППЗ 2007: 395],

17. *әвр сәәтәнь әәлд арв хондг, амн муцтань кеер хондг (*добрый человек будет ночевать в гостях десять дней, человек со злобным языком - останется на ночлег в степи) [ППЗ 2007: 383],

18. *сән күмни амнмас сар нарн һарна* (от слов доброго человека светло на душе, словно восход солнца и луны) [ППЗ 2007: 347],

19. *урна амн тоста* (у мастера и рот в масле) [ППЗ 2007: 377],

20. *һар көндрхлә, амн чигн көндрдг* (если руками работать, рот тоже будет работать*)* [ППЗ 2007: 329],

21. *әрк гивл амни шүмнь һооҗдг, аҗ гивл оран үснь залху* (у них при слове водка слюни текут, при слове работа – волосы дыбом встают) [ППЗ 2007: 281],

22. *көдлвл амн тосдх, көдлл уга суувл, аах хоосхд* (поработаешь – рот будет в масле, не потрудишься – пусто будет в чашке) [ППЗ 2007: 280],

23. *авсн күмни һар җөөлн, идсн күмни амн җөөлн* (у берущего руки короткие, у кушающего – уста ласковые) [ППЗ 2007: 272],

24. *белн болхд аман аңһаж, берк болхд толһа зәәлдг* (когда готово – рот раскрывает, когда трудно – головой мотает) [ППЗ 2007: 509].

25. *залхунь толһа өвдлә гих, мектәнь амн аңһала гих* (ленивый скажет, что голова разболелась, а хитрый скажет, что пить захотелось)[ППЗ 2007: 507]

26. *алдрсиг арһмҗар бәрҗ болдг, амнас алдрсиг болдг уга (*вырвавшегося коня можно поймать арканом, сорвавшееся с уст слово не поймаешь) [ППЗ 2007: 272],

27. *кел амнь әәмшгтә, кесн кергнь сулвтр* (на словах ужасно силен, а дело делать –слабоват, букв. говорить ртом ужасно силен, а дело делать – слабоват) [ППЗ 2007: 257],

28. келн амн – бийд дәәсн (язык и рот самому себе враг) [ППЗ 2007: 256],

29. *цецн, мергнә чееҗд, муңхг һәргин амнд* (что умный хранит в душе, то у глупого на языке) [ППЗ 2007: 256],

30. *мергн – эрдм дотр нуцх, муңхг – эрдм амнд бәрх* (мудрый скрывает знания в себе, а глупый держит их на языке) [ППЗ 2007: 248],

31. *амндан эңкр альчурта, әмндән эңкр – утхта* (кто дорожит своим ртом, тот носит с собой платок, кто дорожит своей жизнью, тот носит с собой нож) [ППЗ 2007: 90].

32. *нүүлтәннь - нүдәрнь, нүл уганнь – амарнь* (грешных узнавать по глазам, безгрешных – по губам) [ППЗ 2007: 194],

33.- *хутг уга амнд хурһар, чикв чиг орх уга* (в рот несчастливца хоть пальцем заталкивай, ничего не попадет) [ППЗ 2007: 175],

35. *кишва күүнә амнд кишгтә хот ордг уга* (в рот несчастного и хорошая пища не попадет) [ППЗ 2007: 174],

36. *сән күмн санаһар, сахл амн заяһар* (добрый человек – по доброй воле, борода и рот – по воле судьбы) [ППЗ 2007: 348]

37. *хамр дор хаһрха амн бәәнә гиҗ битгә шальшад бә* (не болтай на том основании, что под носом есть дырявый рот)[ППЗ 2007: 530],

38. *һаза бәәх махнас һарт бәәсн оошк* (чем мясо на дворе, лучше легкие в руке) [ППЗ 2007: 346],

39. *белн болхд аман аңһаж, берк болхд толһа зәәлдг* (когда готово – рот раскрывает, когда трудно – головой мотает) [ППЗ 2007: 509]

40. ой *нүндән нүүһүл наасн, нүүртән шикә наасн* (глаза закрыты завесой, лицо - кошмой) [ППЗ 2007: 540].

Көл (ноги) – 39

1. *күмни көлин атруг үзхәр, эврәннь көлин зууза батл* (чем замечать мозоли на чужих ногах, лучше следить за задником своего сапога) [ППЗ 2007: 320]

2. *көләр одсн ирдг, күрзәр дарсн ирдг уга* (человек, ушедший на ногах, возвращается, человек, зарытый лопатой – нет) [ППЗ 2007: 311]

3. *күүрәр болдг нөкд сән, көләр болдг һосн сән* (хорош друг, согласный с твоими словами, хороши сапоги, подобранные по ногам) [ППЗ 2007: 272]

4. *мал - көләрн, күн - келәрн* (скот – ногами, человек – языком) [ППЗ 2007: 258]

5. *ут хорма көл тушдг, ут келн бий бардг* (длинный подол ноги спутывает, длинный язык самого человека губит) [ППЗ 2007: 257]

6. *ут хорма көл оралдг, ут келн күзү оралдг* (длинный подол – это путы в ногах, длинный язык – словно петля на шее) [ППЗ 2007: 257]

7. *ут хорма көлд оралдг, ут келн бий бардг* (длинный подол помеха при ходьбе, длинный язык не приводит к добру) [ППЗ 2007: 256]

8. *толһад уха нуга болхла, хойр көлд амрл уга* (если в голове пусто, то ногам покоя нет) [ППЗ 2007: 224]

9. *гүүлгән нәәмн көлтә, гүүлгәч хойр көлтә* (торговля о восьми ногах, а торговец – о двух) [ППЗ 2007: 204]

10. *зуд – зурһан көлтә* (зуд – бескормица имеет шесть ног, т.е. бывает разной) [ППЗ 2007: 162]

11. *зарһин көл мәәһг* (у суда ноги кривы – решения несправедливы) [ППЗ 2007: 197]

12. *тәкр көл – там тал, мәкр һар – бий талан* (скрюченные ноги тянут в могилу, кривые руки тянут к себе) [ППЗ 2007: 191]

13. *көлсәрн көлән уһаһад, келәрн төмр долаһад* (обмыть ноги потом, языком облизать железо [ППЗ 2007: 143]

14. *царцан хан көлән оргхд, шаазһан хан җиврән делнә* (пока хан саранчи поднимает ножки, хан сорок уже размахивает крыльями) [ППЗ 2007: 121]

15. *хойр көләр йовж, күмн әмән теҗәнә* (человек живет и кормится, передвигаясь на двух ногах) [ППЗ 2007: 88]

16. *көл күрхән шиклдг, күзүн күрхән хаздг* (если достанет нога – лягнет, если достанет шея – укусит) [ППЗ 2007: 549]

17. *күр ут болхла, күзү орадг, хорма ут болхла, көл орадг* (так же, как длинный подол путает ноги, а длинные разговоры, как петля на шее) [ППЗ 2007: 272],

18. *булсн хавхдан көлән тоһх, буслһсн усндан һаран иҗлх* (попасть ногой в капкан, который сам же зарыл, обварить руку в воде, которую сам же вскипятил) [ППЗ 2007: 503]

19. *көнҗлин кирәр көлән җиидг* (по длине одеяла вытягивают ножки) [ППЗ 2007: 433]

20. *төмр чөдр - көлд харш, наадн үг - төрт харш* (железный треножник помеха для ног, а шутки – помеха для дела) [ППЗ 2007: 421]

21. *ут хорма көлд туша, ут келн толһад сава* (длинный подол – путы для ног, длинный язык – боль) [ППЗ 2007: 419]

22. *дөрән сур дөрвн долхла көлд түшән, ах дү дөрвн болхла нүтгт түшән* (если у стремни четыре ремня – поддержка ногам, четыре брата – поддержка для кочевья) [ППЗ 2007: 410]

23. *нер хуһлхар көлән хуһлый* (чем терять имя, лучше сломать ногу) [ППЗ 2007: 379]

24. *дегд түргн көлән авдг* (слишком расторопный повредит ногу) [ППЗ 2007: 370]

25. *дегд хурдн көләг авдг* (слишком быстрый повредит ногу) [ППЗ 2007: 371]

26. *көл толһаһан дахдг* (нога следует за головой) [ППЗ 2007: 327]

27. *йорал уга уснд көл алддг* (в бездонной глубине ногам не достать дна) [ППЗ 2007: 327]

28. *толһад экн уга болхла, хойр көлд чиг амр уга* (когда в голове отсутствует ум, ноги не знают покоя)[ППЗ 2007: 231],

29. *эргү толһа көл амрадг уга* (больная голова не даст ногам отдыха) [ППЗ 2007: 470]

30. *һәргтә толһаһан көлтә көлд амр уга гидг* (дурная голова не даст ногам отдыха) [ППЗ 2007: 473]

31. *тенг толһа көлән эцәдг* (глупая голова не даст ногам отдыха) [ППЗ 2007: 467]

32. *тенг толһа көлән дәәсн* (глупая голова – враг ногам) [ППЗ 2007: 466]

33. *тенг толһа көл муурах, тогтвр уга толһа ул уләләх* (из-за глупой головы ноги не знают покоя, из-за дурной головы подмётки летят-рвутся) [ППЗ 2007: 466]

34. *худлын келн ут, болв чиг көлнь ахрхн* (у неправды длинный язык, зато короткие ноги)[ППЗ 2007: 534],

35. *келнә утнь бий орадг, хорман утнь көл орадг* (длинный язык самому себе вредит, длинный подол помеха для ног) [ППЗ 2007: 259],

36. *келн ут болхла, күзү орадг, хорма ут болхла, көл орадг* (длинный язык – петля для шеи, длинный подол – путы для ног) [ППЗ 2007: 255],

37. *көл толһаһан дахдг* (нога следует за головой) [ППЗ 2007: 327]

38. *сагин көл күртл, санамрин толһа өсрнә* (пока ступит нога осторожного человека, слетит голова беспечного) [ППЗ 2007: 372]

39. *сагин көлд санмарин толһа тасрна* (из-за осторожного слетит голова беспечного) [ППЗ 2007: 372].

Шүдн (зубы) – 17

1. *Буру йовдлыг зөвәр эс тәәхлә, дулмгт чигн шүдн хүһрдг* (если ошибочные проступки не завершать по справедливости, то кушая даже булмак[1] можно сломать зубы) [ППЗ 2007: 562],

2. *цагнь ирхлә, булмгт шүдн ундг* (приходит время и при кушании булмака падает зуб) [ППЗ 2007: 208],

3. *шүдтә күмнд будан йилһл уга* (у кого крепкие зубы, тому безразлична какая еда) [ППЗ 2007: 559],

4. *тесркә шүдн киицһин дарул, тенг көвүн будани барул* (редкие зубы выпускают зря воздух, глупый сын, сидя дома, зря переводит еду)[ППЗ 2007: 468],

5. *иньг шүдн чини бәәв чигн, мууһан бичә үзүл* (как бы сильно не любил, не показывай свои слабости) [ППЗ 2007: 394],

6. *нүднд орсн бог шиңг, шүднд орсн махн шиңг* (словно соринка в глазу, словно кусочек мяса, застрявший в зубах) [ППЗ 2007: 341],

7. *келиг шүдн харсдг, нүдиг күмсг харсдг* (зубы язык, брови защищают глаза) [ППЗ 2007: 258],

8. *келн - дәәсн, шүдн - бәәшң* (язык – враг, зубы – дворец*)* [ППЗ 2007: 256],

9. *ма гидг мааснь уга, мах иддг шүдн уга* (ни молитвы, чтобы произнести мани[2], ни зубов, чтобы есть мясо [ППЗ 2007: 190]

10. *үкәс күмни нүднь хурц, угатя күмни шүдн хурц* (у человека, ждущего смерть зоркие глаза, у бедняка – острые зубы)[ППЗ 2007: 139]

11. *әәл күн цүүглдхә бүүрән соль, шүдн зовахла авч хай* (если ссорится сосед – переселись, если беспокоится зуб – выдерни) [ППЗ 2007: 97]

12. *унх шүднд бүүл керг уга, зовх күүкнд төркн керг уга* (зубам, которым суждено мучиться, десна не помогут, девушке, которой суждено мучиться, родственники не помогут) [ППЗ 2007: 66]

[1] Булмак – блюдо из топленого масла с изюмом.
[2] Мани – молитва.

13. *сән идән шүдн һол, сән күүкн нүдни һол* (хорошую пищу схватывают зубы, хорошую девушку замечают глаза) [ППЗ 2007: 56]

14. *учхрдан урл, шүдн шиңг, удл уга һал, усн шиңг* (вначале встречи словно губы и зубы дружны, немного спустя словно огонь и вода) [ППЗ 2007: 341],

15. *учрмгц урл шүдн, удл уга һал усн* (как только встретились – словно губы и зубы, а немного спустя – огонь и вода) [ППЗ 2007: 494],

16. *уул үзх нүдн уга, оошк даах шүдн уга* (нет глаз, чтобы разглядеть горы, нет зубов, чтобы съесть легкие) [ППЗ 2007: 144],

17. *зовлһ идсн шүдн эрүтә, зовлң сансн чееж эрүтә* (питаться постным мясом – пытка для зубов, думать о страданиях – пытка для души) [ППЗ 2007: 178].

Ясн (кости) – 16

1. *герлтән келвтс ноха өлсдг, гермүд төгәлсн – яс кемлдг (*если собака лежит дома – она голодает, если бродит по дворам – грызет кости [ППЗ 2007: 95]

2. *алг махни тасрха, алтн ясни кемткрә* (кусочек жирного мяса, обломок золотой кости) [ППЗ 2007: 77]

3. *йовдсн күн яс зуух, кевтсн күн цогцан гих* (идущий может поживиться костями, лежащий на боку может умереть с голоду) [ППЗ 2007: 117]

4. *ноха цуглран ясн деер, нойдин цуглран яамн деер* (где кости, там сборище собак, где управление, там сборище нойонов[1]) [ППЗ 2007: 132]

5. *яс дахулж мах иддг, йос дахулж үг келдг* (мясо едят, следуя вдоль кости, слова говорят, следуя правилам приличия) [ППЗ 2007: 195]

6. *балг утхар яс мөлжҗж болдг уга* (широким плоским ножом нельзя обгладывать кость) [ППЗ 2007: 331]

7. *ясн дотрк чимгн мет, яңһг дотрк идән мет* (как костный мозг, как ядро ореха) [ППЗ 2007: 336]

[1] Нойон – князь, представитель аристократии.

8. наадна ахрнь сән, ясна мөлжүртәнь сән (хороши короткие забавы, хороша кость с мясом) [ППЗ 2007: 357]

9. *нер хуһрхар яс хуһр (*чем потерять свое имя, лучше переломать себе кости)[ППЗ 2007: 379]

10. *нерән гихәр, ясан хуһр* (чем потерять имя, лучше сломать кости)[ППЗ 2007: 381]

11. *күмни нутгт нерән дуудулж, эврә нутгт ясан тәвдг* (в чужом краю своё имя прославляют, в своём краю кости кладут) [ППЗ 2007: 382]

12. *заһсн үкхлә, ясн үүлдг, залу үкхлә, нернь үүлдг* (рыба гниет – остаются кости, мужчина умирает – остается доброе имя) [ППЗ 2007: 384]

13. *үнн йоввл, үсн цәәдг, худл йоввл, ясн цәәдг* (если жить по правде – волосы поседеют, если жить по лжи – кости побелеют) [ППЗ 2007: 404]

14. *махн дотрк яс тоолдг, махла дотрк үс тоолдг* (считать кости в теле, а волосы – под шапкой) [ППЗ 2007: 500]

15. *тәмк татхнь – таңнан зовлң, шүүрмг идхнь - шүднә зовлң* (курить табак – мука для неба, кушать сушеный творог – мучение для зубов) [ППЗ 2007: 179],

16. *келнә махнд ясн уга (*в языке нет костей*)* [ППЗ 2007: 259].

Хурһн (пальцы) –15

1. Бал бәрсн күн хурһан доладг (кто берет в руки мед, тот облизывает пальцы) [ППЗ 2007: 423]

2. тавн хурһан нег хамт амндан кеж багтах уга (пять пальцев нельзя рядом засунуть в рот) [ППЗ 2007: 434]

3. күмни гемиг хурһарн заанад, эврәннь гемиг ацар өглх (на чужие ошибки указывать пальцем, а на свои недостатки сквозь пальцы смотреть*)* [ППЗ 2007: 561]

4. *эр күмнд иткхәр, эркә хурһндан итк* (чем довериться мужчине, лучше довериться своему большому пальцу) [ППЗ 2007: 19]

5. *эркә һурв орам сур эр күмнд кергтә, эркә һурв орам утцн эм күмнд кергтә* (ремень, которые бережет большой палец, трижды нужен мужчине, а нитка, которая обернет большой палец трижды, нужна женщине) [ППЗ 2007: 439]

6. *ов уга залу орн деер тогтц уга, ооср уга хурвч хурһнд тогту уга* (неуклюжему мужчине и в кровати не лежится, наперсток без тесемки на пальце не держится*)* [ППЗ 2007: 22],

7. *аавина көвүн әдл уга, арвн хурһн тег шуга* (дети отца бывают не одинаковы, как не одинаковы десять пальцев на руках) [ППЗ 2007: 40]

8. *арвн хурһн чиг тегш биш* (и десять пальцев на руке разные*),* т.е. не равны) [ППЗ 2007: 339]

9. *һарин тавн хурһн әдл биш, теду мет хамг әмтн бас әдл биш* (как пальцы рук не одинаковы, так и люди непохожи друг на друга) [ППЗ 2007: 79]

10. *һарин тавн хурһн әдл болдг уга* (и пять пальцев рук не одинаковы*)* [ППЗ 2007: 339]

11. *арвн хурһни аминь чигн хазсн әдлхн өвддг (*какой палец ни укуси – одинаково будут болеть) [ППЗ 2007: 340]

12. *арвн хурһни аҗллхд сәәхн, дәкәд негнь бәәсн болв йир сәәхн* (десять пальцев для работы хороши, если был бы еще один – тоже пригодился бы)[ППЗ 2007: 396]

13. *маань тооллхд хурһн кергтә, мал хәрүлд шилвр кергтә* (чтобы считать молитвы пальцы нужны, чтобы пасти скот нужен бич) [ППЗ 2007: 190]

15. *өргәрн зааснь - өдрә һазр, хурһарн зааснь – хонга һазр (*указать подбородком – расстояние на день пути, указать пальцем на целые сутки) [ППЗ 2007: 210].

Седкл (сердце, душа, думы, намерения) - 13

1. *гергн сохр болхла, мини седкл төвкнүн* (если жена слепа, то и душа моя спокойна) [ППЗ 2007: 33],

2. *хана хазнд уга юмн һуульһнчн седклд* (чего нет в ханской казне, у нищего в душе) [ППЗ 2007: 124],

3. *ор эзлсн хаанд омг седкл тохрх уга* (хану – владыке страны не к лицу надменность) [ППЗ 2007: 126],

4. *көк теңгр аһарарн сән, күүкн күн седкләрн сән* (голубое небо прекрасно свежим воздухом, девица прекрасна сердцем) [ППЗ 2007: 155],

5. *мөңг, алт өгснәс миимлзсн седкл деер (*чем одаривать серебром, золотом, лучше одарить добротой души) [ППЗ 2007: 200],

6. *шовуни өңг өднд, күмни өңг седклд* (красота птицы от перьев, красота человека от души, сердца) [ППЗ 2007: 236],

7. *цәәһин амтн давснд, күмни чинр седклд* (вкус чая – от соли, хорош ли человек – от его души (сердца) [ППЗ 2007: 236],

8. *цаһан седклтә күүнд хаалһинь кезә чиг секәтә* (у человека с открытой душой дорогаоткрытая) [ППЗ 2007: 237],

9. *бүләкн нүдәр хәләхлә, иньгин седкл хандг* (от нежного взгляда сердце любимой переполняет благодарность) [ППЗ 2007: 393],

10. *чееҗдән цеертә, седклдән килстә* (умом понимает, что нельзя, а душой страдает) [ППЗ 2007: 504],

11. *зөркә һарсн урлас келн хөөһдг уга, зүркн туссн иньгәс седкл хөөһдг уга* (от потрескавшихся губ язык не отвести, от милого сердцу человека глаз не отвести) [ППЗ 2007: 392],

12.*келн деерән келдг бурхн зать хойр, седклин муухас үүсдг ур килң хойр* (на языке бурхан и мускатный орех, от злого сердца – ярость и гнев*)* [ППЗ 2007: 256],

13.*күлгиг нүдәрнь, күүг седкләрнь* (скакуна определяют по глазам, человека – по сердцу) [ППЗ 2007: 236],

Зүркн (сердце) – 9

1. *нүдн әәмтхә, зүркн зөргтә* (глаза трусливы, сердце отважно*)* [ППЗ 2007: 360],

2. *өлсхә, сагса шикрә әдл әмтәхн, көгшрхлә, күүкнд зүркнлә әдл үнтә* (с голода каша сладка, как сахар, в старости дети дороги, как сердце) [ППЗ 2007: 47],

3. *зөв махлад толһад хандг, зөвтә үгд зүркн хандг* (если шапка подошла, голова благодарна, справедливым словам сердцу благодарно) [ППЗ 2007: 293],

4. *эрин зөрг зүркнднь, ирвсин бийднь* (отвага мужчины – в сердце, пестрота леопарда – на его теле) [ППЗ 2007: 359],

5. *буульсн ингиг ботхнднь күргҗ хаңһадг, бульглсн зүркиг иньгтнь күргҗ тогтнулдг* (успокаивают жалобно ревущую верблюдицу, отведя ее к верблюжонку, успокаивают трепещущее сердце, отводя к любимой) [ППЗ 2007: 394],

6. *зүркн туссн иньгәс нүдн хөөһхш, зөркә һарсн урлас келнә үзүр хөөһхш* (от любимой взгляда (глаз) не оторвать, от потрескавшихся губ кончик языка не оторвать) [ППЗ 2007: 391],

7. *зөркә һарсн урлас келн хөөһдг уга, зүркн туссн иньгәс седкл хөөһдг уга* (от потрескавшихся губ язык не отвести, от милого сердцу человека глаз не отвести) [ППЗ 2007: 392],

8. *иргәр орсн салькн сүүҗин экнд җиңндг, иньгин келсн үг зүркнә экнд җиңндг* (ветер, который дует с основания кибитки, чувствуют кости, слова, который сказал друг, трогают до глубины сердца) [ППЗ 2007: 392],

9. *зөркәдсн урлд келн тусдг, зүркн иньгт нүдн тусдг* (к потрескавшимся губам льнет язык, к сердцу возлюбленной устремлены глаза) [ППЗ 2007: 394].

Чееж (грудь, душа) - 10

1. *чееҗдән байрта, чирәдән инәмсгллтә* (на сердце и душе – радость, на лице – улыбка) [ППЗ 2007: 166],

2. *байрлв гиҗ маңна хаһрдг уга, тахтла гиҗ чееҗ хаһрдг уга* (как бы ни радовался, лоб не треснет, как бы ни восторгался, грудь не треснет*)* [ППЗ 2007: 166],

3. *толһа ухата болхла, чееҗ сарул болдг* (когда голова умная, то и на душе светло) [ППЗ 2007: 229],

4. *зовлһ чанхла хәәсн дүүрдг, зовлң санхла чееҗ дүүрдг* (если готовят постное мясо, в котле появляется пена, когда думают о мучениях грудь стесняется) [ППЗ 2007: 178],

5. *зовлһ идсн шүдн эрүтә, зовлң сансн чееҗ эрүтә* (питаться постным мясом – пятка для зубов, думать о страданиях – пытка для души) [ППЗ 2007: 178],

6. *цуг нарт делкә деер усн һалв болв чигн усн һалуна чееҗәс давдг уга* (если будет даже всемирный потоп, то вода всё равно гусю по грудь) [ППЗ 2007: 162],

7. *келхлә, келнә зовлң, санхла, чееҗин зовлң* (как говорить – для языка мучение, как думать – для сердца мучение) [ППЗ 2007: 179],

8. *өндр уул деер һархла, нүднә сергмж, өвгн күүнлә күүндхлә, чееҗин сергмж* (с высокого кургана смотреть – глазам приятно, беседовать со старцем – сердцу приятно) [ППЗ 2007: 109],

9. *му хот гесни зовлң, му садн чееҗин зовлң* (плохая еда – мучения для желудка, плохие родственники – мучение для души) [ППЗ 2007: 70]

10. *чееҗдән цеертә, седклдән килстә* (умом понимает, что нельзя, а душой страдает) [ППЗ 2007: 504].

Күзүн (шея) – 15

1. *күмни күүкни күзүн бат, көгшн царин арсн бат* (у чужой дочери шея крепка, у старого вола – шкура) [ППЗ 2007: 14],

2. *күүнә күүкнә күзүн бат* (у чужой девушки-невестки шея крепка) [ППЗ 2007: 55],

3. *эр күмни медл күзү күртлән алтн, эм күмни медл күзү күртлән шора* (знание мужчины до самой шеи – золото, знание женщины до самой шеи – пыль) [ППЗ 2007: 19],

4. *залуһин хөв ик, замин күзүн ут* (у мужчины судьба большая, у дороги шея длинная) [ППЗ 2007: 172],

5. *келн ут болхла, күзү орадг, хорма ут болхла, көл орадг* (длинный язык затягивает петлю на шее, длинный подол запутывает ноги) [ППЗ 2007: 255],

6. *ут келн күзү орадг, ут хорма көл орадг* (длинный язык затягивает петлю на шее, длинный подол запутывает ноги) [ППЗ 2007: 257],

7. *күр ут болхла, күзү орадг, хорма ут болхла, көл орадг* (длинный язык затягивает петлю на шее, длинные разговоры как петля на шее) [ППЗ 2007: 272],

8. *күклинь ут күзү орадг үгин ут бий орадг* (длинная коса шее мешает, длинная речь себе мешает*)* [ППЗ 2007: 528],

9. *ут хорма көл оралдг, ут келн күзү оралдг* (длинный язык затягивает петлю на шее, длинный подол запутывает ноги) [ППЗ 2007: 257]

10. *көл күрхән шиклдг, күзүн күрхән хаздг (*если достанет нога – лягнет, если достанет шея – укусит) [ППЗ 2007: 549]

11. *темәнд цегрәчк кергтә болхла, күзүһән суңһна* (когда верблюду нужны колючки, он вытягивает шею) [ППЗ 2007: 431],

12. *күмнд күмн керг, күзүнд махн керг* (человеку нужен человек, а шее – мышцы) [ППЗ 2007: 439],

13. *күзүн даасн хөөн – толһан икнь сән, бий дасн хөөн - көлн бичкнь сән* (хорошая голова большая, лишь бы держала шея) [ППЗ 2007: 445],

14. *кукн, кукн гиҗәһәд күзү корчдг* (приговаривая ласково «дитя мое», перерезать шею) [ППЗ 2007: 491],

15. *күклиньилҗәһәд күзүһинь тәәрх* (поглаживая косы, перерезать шею) [ППЗ 2007: 528].

Цусн (кровь) - 13

1. *эвəс тосн һарна, эвдрлəс цусн һарна (*при согласии – масло, при раздоре – кровь) [ППЗ 2007: 291]

2. *дəн – цусн ундта* (исход войны – кровь) [ППЗ 2007: 306]

3. *цусни хəрүг цусар, үклин хəрүг үклəр (*кровь за кровь, смерть за смерть)[ППЗ 2007: 510]

4. *цусиг цусар үһадг уга* (кровь кровью не смывают*)* [ППЗ 2007: 332]

5. *цалдңгин һар цуста, урна урл тоста* (у невоздержанного рукив крови, у мастера губы в масле) [ППЗ 2007: 377]

6. *эргүһин эвллһнəс эврə толһа цуста* (из-за попытки помириться с глупцом своя голова в крови) [ППЗ 2007: 472]

7. *тусиг цусар хəрүлж болх уга, ачиг мекəр бас хəрүлж болх уга* (не платят за помощь кровью, а за добро – черной неблагодарностью) [ППЗ 2007: 415]

8. *кү асрсн – толһа цуста, мал асрсн – амн тоста* (если позаботиться о человеке, голова зальется кровью, если позаботиться о животных, рот маслом смажется) [ППЗ 2007: 9],

9. *ховин үндсн – цусн, эвин үндсн – тосн* (в итоге сплетни – кровь, в итоге мира и согласия – добро) [ППЗ 2007: 522]

10. *керүлəс – цусн, эвəс – тосн* (от сестры – кровь, от мира, согласия – благо) [ППЗ 2007: 552]

11. *тевчңһүһəс – буйн, килнцəс – цусн* (снисхождение порождает добродетель, грех – кровь) [ППЗ 2007: 193]

12. *сəн санани үзүрт – үсн, му санани үзүрт – цусн* (в конце добрых помыслов – молоко, в конце злых – кровь) [ППЗ 2007: 235]

13. *харалын экн цусн, йорəлин экн тосн* (последствие проклятий – кровь, последствие благопожеланий – масло) [ППЗ 2007: 273]

14. *йорəлин үзүр – тосн, харалын үзүр – цусн* (благопожелания заканчиваются добром, проклятия заканчиваются кровью*)* [ППЗ 2007: 275]

Гесн (живот) - 13

1. *гесндән гемтә, гер шүндән ямта* (с больным желудком, с испорченным передним зубом) непригодный [ППЗ 2007: 484]
2. *гесн цадв чигн, седкл цадх уга* (хотя желудок сытый, но душа не насыщается) [ППЗ 2007: 499]
3. *му хот гесни зовлң, му садн чееҗин зовлң* (плохая еда – мучения для желудка, плохие родственники – мучениедля души) [ППЗ 2007: 70]
4. *гер уга күүнә геснь өлн гидг (*бездомный вечно голоден) [ППЗ 2007: 93]
5. *гер бәрснь – үүдн хоорнд, гесән илснь – деед бийд* (кто поставил юрту – у двери, кто поглаживал живот – на почетном месте) [ППЗ 2007: 93]
6. *гер ямр баһ болв чиг нег күмни зәәтә, гесн ямр баһ болв чиг нег аах будани зәәтә (*как бы ни был мал дом, найдется место для одного, как бы ни был мал желудок, найдется место для одной чашки еды) [ППЗ 2007: 93]
7. *геснд багтсн күн герт чигн багтдг* (человек, помещавшийся в животе, поместится и в доме) [ППЗ 2007: 94]
8. *гертән бәәхлә гесн өлсдг, йовхла яс кемлдг* (если сидеть дома, может голод одолеть, если ходить, можно косточки глодать) [ППЗ 2007: 95]
9. *цадхлң гесн ямаран чигн зовлң меддг уга* (сытый желудок ко всем бедам глух) [ППЗ 2007: 179]
10. *иткснкүмн бийдән дәәсн, икәр идсн будан геснд дәәсн* (положишься на себя - самому же во вред, переешь – желудку во вред) [ППЗ 2007: 315]
11. *сән хот үрхин өрнд, му гесн хаһрдг* (чем пропадать вкусной пище, пусть лопнет плохой желудок) [ППЗ 2007: 350]
12. *эдгх уга өвчн үкнәс деер, эд бол шуга эмиг геснд деер* (неизлечимая болезнь в животе лучше, чем смерть, неисправимую женщину лучше оставить) [ППЗ 2007: 423]
13. *идәгчин геснь өлн, ууханчин урлнь чиигтә* (обжора всегда с пустым желудком, любитель выпить всегда с мокрыми губами*)* [ППЗ 2007: 622],

Чирә (лицо) - 13

1. *әмдин чирә - алтн, үкснә чирә - умсн* (лицо живого словно золото, лицо мертвого словно зола) [ППЗ 2007: 92],

2. *чирә далд чиңгс хааг му келдг* (за глаза и Чингис-хана порочат) [ППЗ 2007: 124],

3. *теңгр хәләҗ нульмхла, чирә деер тусдг* (если плюнуть вверх, себе в лицо угодишь) [ППЗ 2007: 155],

4. *чееҗдән Байрта, чирәдән инәмсгллтә* (на сердце и душе – радость, на лице – улыбка) [ППЗ 2007: 166],

5. *салькнд чирәнь мармаһад, көдлмшт һарнь марманд* (на ветру лицо огрубело, на работе – руки) [ППЗ 2007: 279],

6. *чирәдән хурмш наасн күн ичрән идхәс өгдг (*человек, накинувший на свое лицо законченный войлок, продает свою совесть за еду) [ППЗ 2007: 539],

7. *ичрән геесн күн ишкәһәр чирәһән халхлсн әдл* (человек, потерявший стыд, выглядит так, как будто закрыл лицо свое кошмой) [ППЗ 2007: 538],

8. *чирә деерән инәлцәд, чееҗ дотран харалцх* (в лицо улыбаться, в душе проклинать) [ППЗ 2007: 493],

9. *улан чирә хату* (встреча лицом к лицу тяжела) [ППЗ 2007: 418],

10.*инәх дурнь чирә деерән, идх санань гесн дотран* (желание улыбнуться – на лице, желание поесть – на уме) [ППЗ 2007: 412],

11.*зун күүнә чирә үзхәр, нег күүнә нер мед* (чем увидеть лицо сотен людей, лучше узнай имя одного) [ППЗ 2007: 380],

12.*чилдг юмн чилв чиг, чилдң улан чирә чилхш* (всё, что есть, когда-то кончается, и только румяное лицо не теряет свой цвет) [ППЗ 2007: 333],

13.*күн чирәһәрн сәәхн, чирә - нүдәрн, амн – келәрн, келн - үгәрн* (человека украшает лицо, лицо украшает глаза, рот – язык, язык – слова*)* [ППЗ 2007: 395].

Чикн (уши) – 11

1. *әмтн келнә, чикн соңсна* (люди говорят, уши слышат) [ППЗ 2007: 78]

2. *өмн гарсн чикнәс хөөн урһсн өвр ут* (выросшие позже рога, длиннее выросших раньше ушей) [ППЗ 2007: 212]

3. *урд һарсн чикнәс хөөт һарсн өвр ут* (выросшие позже рога, длиннее выросших раньше ушей) [ППЗ 2007: 212]

4. *түрүлж һарсн чикнәс түрж урһсн өвр ут* (позже выросшие рога длиннее раньше появившихся ушей) [ППЗ 2007: 345]

5. *мини чикн улахиг күлә (*жди, пока у меня не покраснеют уши*)* [ППЗ 2007: 218]

6. *үг негн чикн хойр* (слово одно, а ушей двое) [ППЗ 2007: 262]

7. *эцсн мөрнд һазр күнд, ядрсн күмнд чикн күнд* (исхудалому коню дорога тяжела, усталому человеку – уши в тягость) [ППЗ 2007: 420]

8. *нүдн үннч, чикн худлч* (глаза правдивы, уши лживы*)* [ППЗ 2007: 407, 535]

9. *нег чикәрнь орад наадкарнь һарх* (в одно ухо входит, в другое – выходит)[ППЗ 2007: 559]

10. *үзхд - төрһн сәәхн, соңсхд – чикн сәәхн* (смотреть – шелк красив, слушать – уши красивы) [ППЗ 2007: 397]

11. *өндр толһа деер һархла, нүднә хуҗр хандг, өвгн күүнлә күүндхә, чикнә хуҗр хандг* (с высокого кургана смотреть – глазам приятно, беседовать со старцем – ушам, слуху приятно*)* [ППЗ 2007: 109]

Махн (мясо) – 12

1. *күмни му тәәж, махни му оошк (*худший из людей – тайджи (князь), худшее из мяса – легкие) [ППЗ 2007: 448],

2. *һаза бәәх махнас һарт бәәсн оошк* (чем мясо на дворе, лучше легкие в руке) [ППЗ 2007: 346],

3. *хазд мах булана, хальтрхд тайг булана (*когда человек подавится, мясо отнимают, когда человек поскользнется, то посох подают) [ППЗ 2007: 503]

4. *урлан тослад мах идлә гих* (обмазав губы маслом, говорить, что ел мясо)[ППЗ 2007: 489]

5. *му махнд өвсн тоосн, му күмнд үг күр* (к плохому мясу липнут пылинки, соринки, у плохого человека пристрастие к разговорам и пересудам*)* [ППЗ 2007: 452]

6. *мах шиксн күмн һаран доладг* (человек, который крошит мясо, облизывает пальцы – голодным не останется) [ППЗ 2007: 615]

7. *махла өмсв толһад, мах идв оранд* (наденешь шапку – останется, на голове, съешь мясо – застрянет в зубах) [ППЗ 2007: 616]

8. *нүднд орсн бог шиңг, шүднд орсн махн шиңг* (словно соринка в глазу, словно кусочек мяса, застрявший в зубах) [ППЗ 2007: 341],

9. *ма гидг мааснь уга, мах иддг шүдн уга* (ни молитвы, чтобы произнести мани[1], ни зубов, чтобы есть мясо [ППЗ 2007: 190]

10. *яс дахулҗ мах иддг, йос дахулҗ үг келдг* (мясо едят, следуя вдоль кости, слова говорят, следуя правилам приличия) [ППЗ 2007: 195]

11. *алг махни тасрха, алтн ясни кемткрә (*кусочек жирного мяса, обломок золотой кости [ППЗ 2007: 77]

12. *күмнд күмн керг, күзүнд махн керг* (человеку нужен человек, а шее – мышцы) [ППЗ 2007: 439].

Урл (губы) – 12

1. *зүркн туссн иньгәс нүдн хөөһхш, зөркә һарсн урлас келнә үзүр хөөһхш* (от любимой взгляда (глаз) не оторвать, от потрескавшихся губ кончик языка не оторвать) [ППЗ 2007: 391],

2. *зөркәдсн урлд келн тусдг, зүркн иньгт нүдн тусдг* (к потрескавшимся губам льнет язык, к сердцу возлюбленной устремлены глаза) [ППЗ: с. 394],

3. *зөркә һарсн урлас келн хөөһдг уга, зүркн туссн иньгәс седкл хөөһдг уга* (от потрескавшихся губ язык не отвести, от милого сердцу человека глаз не отвести) [ППЗ 2007: 392],

[1] Мани – молитва.

4. *үксн тарвһни урл бат, угатя күмни әмн бат* (у мертвого тарбагана губы неподвижны, у бедного человека душа живучая) [ППЗ 2007: 87],

5. *урлас унҗ үкх уга, урлас унҗ үкнә* (не погибнет от того, что упал с горы, а умрет из-за того, что слетело с губ) [ППЗ 2007: 272],

6. *учхрдан урл, шүдн шиңг, удл уга һал, усн шиңг* (вначале встречи, словно губы и зубы дружны, немного спустя словно огонь и вода) [ППЗ 2007: 341],

7. *учрмгц урл шүдн, удл уга һал усн* (как только встретились – словно губы и зубы, а немного спустя – огонь и вода) [ППЗ 2007: 494],

8. *идәгчин геснь өлн, ууһанчин урлнь чиигтә* (обжора всегда с пустым желудком, любитель выпить всегда с мокрыми губами) [ППЗ 2007: 622],

9. *келәрн келдүр кеһәд, урларн ухр кеһәд бичгә бә* (не делайте из своего языка лопату, а из своих губ – ложку) [ППЗ 2007: 258],

10. *урларн ухр кеһәд, келәрн келдүр кех* (из губ делать ложку, из языка – лопату) [ППЗ 2007: 529],

11.*идв чиг өр авдг уга, уув чиг урлнь хүүрә (*хоть и ест, но не насытиться, хотя и пьет, но губы сухи)[ППЗ 2007: 501],

12.*урлан тослад мах идлә гих* (обмазав губы маслом, говорить, что ел мясо) [ППЗ 2007: 489]

Альхн (ладони) – 10

1. *хойр альхнас дун һархас биш, нег альхнас дун һарх уга* (только две ладони дают хлопок, а одна – нет) [ППЗ 2007: 333],

2. *ээҗин ачиг альхн деерән мах чанҗ өгв чиг хәрүлҗ бол шуга* (материнский долг ничем нельзя отплатить, даже, если мясо на ладони пожарить и подать) [ППЗ 2007: 43],

3. *әәлд бәәхлә күрдг, альхнд наалдхла – доладг* (если есть у соседа, то делятся, если прилипнет к ладони, то скидывают) [ППЗ 2007: 97],

4. *нариг альхарн халхҗ болдг уга* (не заслонить солнца своей ладонью) [ППЗ 2007: 160],

5. *һарин альхн халсн чиг әдл, нурһн халсн чиг әдл* (одинаково, что жжет: ладонь или спину) [ППЗ 2007: 338],

6. *авна гивл альхан делгҗ, өгнә шивл элкән цокх* (как брать, так раскрывает ладонь, как отдавать, так бьет себя в грудь) [ППЗ 2007: 501]

7. *таньлта күн өргн у теегин чиңгә, таньл уга күн альхн аһун чиңгә* (имеешь друзей – широк как степь, не имеешь друзей – узок как ладонь) [ППЗ 2007: 340],

8. *таньдгин нүр талын чинән, таньдг уган күр альхни чинән* (лицо знакомого человека, широкое, как степь, лицо незнакомого узкое как ладонь) [ППЗ 2007: 340],

9. *таньлта болхла, талын чинән, таньл уга болхла, альхни чинән* (имеешь друзей – широк, как степь, нет их – узок как ладонь*)* [ППЗ 2007: 341],

10.*олн таньлтань талын чиңгә, танвл угань альхни чиңгә* (у кого много друзей словно степь, у кого нет друзей словно ладонь) [ППЗ 2007: 340],

Үсн (волосы) – 8

1. *толһан үсн ямр нигт болв чигн тоңһргт хусгддг (*как бы ни были густы волосы на голове, но лезвие бритвы их возьмет)[ППЗ 2007: 328],

2. *ухань ахр, үсн ут* (ум короток, волосы длинные) [ППЗ 2007: 228],

3. *күүкд күүнә үснь ут болв чигн ухань ахр* (хотя у женщины волосы длинные, но ум короток) [ППЗ 2007: 30],

4. *үсн цаһав, ухан немгдсн уга* (волосы поседели, а ума не прибавилось)[ППЗ 2007: 223],

5. *уг муутын үсн ут, ухан муутын хумсн ут* (у незнатного волосы длинны, у глупого – ногти)[ППЗ 2007: 75],

6. *әрк гивл амни шүмнь һооҗдг, аҗ гивл оран үснь залху (*у них при слове водка слюни текут, при слове работа – волосы дыбом встают) [ППЗ 2007: 281],

7. *үнн йоввл, үсн цәәдг, худл йоввл, ясн цәәдг (*если жить по правде – волосы поседеют) [ППЗ 2007: 404]

8. *махн дотрк яс тоолдг, махла дотрк үс тоолдг (*считать кости в теле, а волосы – под шапкой) [ППЗ 2007: 500].

Килһсн (волосок) - 1

китдин ухан килһснәс нәрн (ум китайца тоньше волоска) [ППЗ 2007: 221],

Өөкн (жир) – 8

1. *эндркин өөкнәс маңһдурк оошк амтта* (завтрашние легки вкуснее, чем сегодняшний жир) [ППЗ 2007: 211]

2. *маңһдурк - өөкнәс, эндрк – оошк* (лучше сегодня легкие, чем завтра сало) [ППЗ 2007: 346]

3. *өрүн идх өөкнәс өдгә идх оошк амта (*сегодняшние легкие, вкуснее завтрашнего жира*)* [ППЗ 2007: 347],

4. *өөкн дотрк бөөр мет, өндгн дотрк уург мет* (словно почки в жиру, сале, словно желток в яйце)[ППЗ 2007: 337]

5. *өндгнә уург мет, өөкн дотр бәәх бөөр мет* (словно желток в яйце, словно почки в жиру)[ППЗ 2007: 619]

6. *зуһу күмн нүүрән бардг, зусг яман өөкән гидг* (льстивый человек теряет своё лицо, коза-двухлетка – свой жир*)* [ППЗ 2007: 491]

7. *җорад өөкн уга, зуһуд нүр уга* (у иноходца нет жира, у льстеца нет лица) [ППЗ 2007: 492]

8. *уханд ухан бәәнә, уҗрхад өөкн бәәнә (*в уме – разум, в уджрихе – сало) [ППЗ 2007: 229].

Нүр (лицо) - 7

1.*зун күүнд нүүрән үзүлҗ йовх* (ста людям лицо свое показывать, ста собакам подколенные сухожилия показывать) [ППЗ 2007: 593],

2. *миңһни нүр үзхәр негни нер асу (*чем увидеть лицо тысячи людей, лучше спросить имя одного) [ППЗ 2007: 378],

3. *нернә хорн, нүүрин кир* (позор для имени, комок в грязи в лицо) [ППЗ 2007: 383],

4. *үкснә нүр – үмсн, әмдин нүр – алтн* (лицо мертвого как зола, лицо живого как золото) [ППЗ 2007: 312],

5. *зүһү күмн нүүрән бардг, зусг яман өөкән гидг (*льстивый человек теряет своё лицо, коза-двухлетка – свой жир)[ППЗ 2007: 491]

6. *җорад өөкн уга, зүһүд нүр уга* (у иноходца нет жира, у льстеца нет лица) [ППЗ 2007: 492]

7. *нүндән нүүһүл наасн, нүүртән шикә наасн (*глазах закрыты завесой, лицо - кошмой) [ППЗ 2007: 540],

Сахл (борода) – 5

1. *Элҗгнд өвр урһулж, эмст сахл урһулж* (ослу отрастил рога, а женщине – бороду) [ППЗ 2007: 30],

2. *санан зая хойр учрдг уга, сахл көмсг хойр ниилдг уга* (желание и судьба не встретятся, также как борода и ресницы*)* [ППЗ 2007: 233],

3. *үгиг сәәхрүлгднь үргүр, өвгиг сәәхрүлгднь сахл* (пословица украшает речь, борода украшает старца*)* [ППЗ 2007: 275],

4. *сахл цаһан болхла, үкл өөрддг мөн* (когда борода бела, то смерть близка) [ППЗ 2007: 308]

5. *сән күмн санаһар, сахл амн заяһар* (добрый человек – по доброй воле, борода и рот – по воле судьбы*)* [ППЗ 2007: 348].

Нурһн – спина 4

1. *нурһнь бичкн болв чиган, нудрмнь чаңһ болдг* (хотя и мал ростом, да кулак крепкий) [ППЗ 2007: 368]
2. *тоолвл насн цацу, төөлвл нурһнь цацу* (посчитаешь – возрастом одногодки, померишься пядью – плечами одинаковы) [ППЗ 2007: 342]

3. *нохала өшәтәнь хорма уга улддг, нойнла өшәтәнь нурһнь уга улддг* (кто враждует с собакой, останешься без полы, кто враждует с нойоном, тот останется без спины) [ППЗ 2007: 131]
4. *нурһн хасндан түшг, хавсн нурһндан түшг* (спина – опора ребер, ребра – опора спины) [ППЗ 2007: 416],

Оошк (легкие) - 5

1. *эндркин өвкнәс маңһдурк оошк амтта* (завтрашние легки вкуснее, чем сегодняшний жир) [ППЗ 2007: 211],
2. *һаза бәәх махнас һарт бәәсн оошк* (чем мясо на дворе, лучше легкие в руке) [ППЗ 2007: 346],
3. *өрүн идх өвкнәс өдгә идх оошк амта* (сегодняшние легкие, вкуснее завтрашнего жира*)* [ППЗ 2007: 347],
4. *күмни му тәәж, махни му оошк* (худший из людей – тайджи (князь), худшее из мяса – легкие) [ППЗ 2007: 448],
5. *уул үзх нүдн уга, оошк даах шүдн уга* (нет глаз, чтобы разглядеть горы, нет зубов, чтобы съесть легкие) [ППЗ 2007: 144].

Хамр (нос) - 4

1. *хамр дор хаһрха амн бәәнә гиж битгә шальшад бә* (не болтай на том основании, что под носом есть дырявый рот) [ППЗ 2007: 530],
2. *хаврин цагт хамл морчихла – хот (*весной в пищу всё сгодится, если носом учуешь) [ППЗ 2007: 215],
3. *хамр икд нусн ик, ханцн икд кишг ик* (у кого большой нос, у того много соплей, у кого длинный рукав, у того счастья много) [ППЗ 2007: 173],
4. *хамр нуста гиһәд авч хайхд берк, көвүд му гиһәд көвж йовулхд берк* (от того, что нос сопливый, трудно его потерять, от того, что сын плохой, тяжело его выгнать*)* [ППЗ 2007: 51].

Маңна (лоб) – 4

1. *магтсн көвүн маңнадан баста* (у хваленого сына лоб нечист) [ППЗ 2007: 50],
2. *магтсн күүкнә маңнань тахта* (у хваленой девушки лоб нечистый) [ППЗ 2007: 55],
3. *маңнань көлсиг тавгтан тавгиннь түркәд, көлсән маңнадан түркәд* (втирать пот со лба в стопу, а пот со стопы – в лоб) [ППЗ 2007: 143],
4. *байрлв гиҗ маңна хаһрдг уга, тахтла гиҗ чееҗ хаһрдг уга* (как бы ни радовался, лоб не треснет, как бы ни восторгался, грудь не треснет) [ППЗ 2007: 166].

Күмсг (брови) – 3

1. *күмсгән унһахар нудрман зәңгд* (чем хмурить брови сожми кулак) [ППЗ 2007: 368]
2. *нүдәр тусхин өрнд күмсгәр тусг* (пусть не в глаз, а в бровь*)* [ППЗ 2007: 345],
3. *келиг шүдн харсдг, нүдиг күмсг харсдг* (зубы защищают язык, глаза – брови) [ППЗ 2007: 258]

Сормсг (брови) – 1

сүрин һалд сормсан түләд, сүзгин түдд арсан муках (в огне костра брови свои опалить, в приступе набожности кожу свою оцарапать, содрать) [ППЗ 2007: 192],

Бөөр – почки, бок – 2

1. *өөкн дотрк бөөр мет, өндгн дотрк уургмет (*словно почки в жиру, сале, словно желток в яйце) [ППЗ 2007: 337].
2. *өндгнә уург мет, өөкн дотр бәәх бөөр мет* (словно желток в яйце, словно почки в жиру) [ППЗ 2007: 619].

Таңна (небо) - 3

1. *тәмк татхнь – таңнан зовлң, шүүрмг идхнь - шүднә зовлң* (курить табак – мука для неба, кушать сушеный творог – мучение для зубов) [ППЗ 2007: 179],

2. *тавг амр, таңна хагсу* (ступни ног в покое, а твердое небо пересохло) [ППЗ 2007: 510],

3. *таньлдад автл талын һурвн гөрәсн, таньлдснас хооран таңнан һурвн судсн* (пока не знакомы словно три степных зверя, после знакомства словно три артерии твердого неба)[ППЗ 2007: 597].

Тоха (локоть) - 4

1. *толһа келтрв – махла дотран, тоха кемтвр – ханцн дотран* (если даже голова пробита, так она в шапке, если даже локоть разбит, так он в рукаве) [ППЗ 2007: 432],

2. *тоха хуһрв чиг ханцндан, толһа хаһрв чиг махладан* (хоть локоть разбит, он в рукаве, хоть голова пробита, она в шапке) [ППЗ 2007: 431],

3. *тоха матьхр болв чиг ханцн дотран, тоха нимгн болв чиг эмәл доран* (хоть локоть и кривой, но он в рукаве, хоть потник тонкий, но он под седлом) [ППЗ 2007: 431],

4. *тоха келтврл, ханцн дотр, толһа келтрвл, махла дотр* (если сломается локоть, то останется в рукаве, если проломится череп, то останется в шапке) [ППЗ 2007: 431].

Нудрм (кулак) - 4

1. *нульмс унһахар нудрман зәңгд (*чем проливать слезы, крепко сожми кулаки) [ППЗ 2007: 368]

2. *күмсгән унһахар нудрман зәңгд* (чем хмурить брови сожми кулак) [ППЗ 2007: 368]

3. *нульмс асхин өрчд нудрман чаңур атх (*чем проливать слезы, лучше крепче сжать кулаки) [ППЗ 2007: 368]

4. *нурһн бичкн болв чигн, нудрмнь чаңһ болдг* (хотя и мал ростом, да кулак крепкий) [ППЗ 2007: 368]

Хумсн (ногти) - З

1. *уг муутын үсн ут, ухан муутын хумсн ут* (у незнатного волосы длинны, у глупого – ногти) [ППЗ 2007: 75],

2. *Ухань муутын хумсн киртә* (бестолкового грязь под ногтями*)* [ППЗ 2007: 227],

3. *уг муутын утх бахлурарн элдг, ухан муутын хумсн киртә* (у неумелого человека нож изнашивается у самой рукоятки, у глупого – под ногтями собирается грязь) [ППЗ 2007: 75],

Ужрх (утолщенная часть рубца) – З

1. *ухан уга юмнд, уҗрха бас бәәдв (*ума нет, откуда тогда быть уджрихе?) [ППЗ 2007: 224],
2. *уханд ухан бәәнә, уҗрхад өөкн* бәәнә (в уме – разум, в уджрихе – сало) [ППЗ 2007: 229],
3. *санан угаһин сәәр тарһн, ухан угаһин уҗрха тарһн* (у бездумного спина жирная, у глупого – уджриха) [ППЗ 2007: 232]

Өргн (подбородок, челюсть) – З

1. *өргәрн зааснь - өдрә һазр, хурһарн зааснь – хонга һазр (*указать подбородком – расстояние на день пути, указать пальцем на целые сутки) [ППЗ 2007: 210],
2. *идсн өргн хумхардг, идулсн довнь көкрдг* (челюсть, которой пережевывают, высыхает после (смерти), бугорок, на котором выщиплена трава, зеленеет (весной*)* [ППЗ 2007: 325],

3. *идсн өргн цәәдг идгдсн довң көкрдг* (жующая челюсть белеет, выщипанный бугорок зеленеет) [ППЗ 2007: 325],

Цогц (тело) – 2

1. *му цогциг сән зөрг чирдг* (в плохом теле крепкий дух) [ППЗ 2007: 450]
2. *йовдсн күн яс зуух, кевтсн күн цогцан гих* (идущий может поживиться костями, лежащий на боку может умереть с голоду) [ППЗ 2007: 117]

Махмуд (тело) – 2

1. *махмудын шарх эдгдг, үгүн шарх шарх эдгдг* (рана на теле от плети заживает, рана от слов – нет)[ППЗ 2007: 269]
2. *эврә киилг махмудт өөрхн* (своя рубашка ближе к телу*)* [ППЗ 2007: 48]

Көк (грудь) – 2

1. *күүкд эс уульхла, экнь көк өгдг уга* (пока ребенок не заплачет, мать не даст ему грудь) [ППЗ 2007: 49]
2. *ээҗән көксәр күмн болна, эцкән дахсар чидвртн болна* (сося грудь матери, становятся человеком, следуя за отцом, становятся умельцем) [ППЗ 2007: 43]

Көмсг (ресницы) - 1

санан зая хойр учрдг уга, сахл көмсг хойр ниилдг уга (желание и судьба не встретятся, также как борода и ресницы*)* [ППЗ 2007: 275],

Халх (щеки) – 1

зуумтха нохан зувк улан, җирһлтә күүкдин халх улан (кусачая собака с красными глазами, счастливые дети с румяными щеками) [ППЗ 2007: 48],

Хачр (щеки) – 2

1. *цалдң күүкни хачр норңха, цалдң көвүни өскя цоорха* (у девушки-неряхи щеки мокры, у парня-неряхи – пятки на носках рваные) [ППЗ 2007: 51],

2. *сән эмин хачрнь улан* (у хорошей женщины щеки красные) [ППЗ 2007: 29]

Элкн (желудок, печень) – 2

- *күцц эс буслсн хот – элкнд му, күцц эс келсн үг – уханд харш* (недоваренная пища вредна для желудка, недосказанные слова вредны для ума) [ППЗ 2007: 228]

- *авна гивл альхан делгж. өгнә шивл элкән цокх* (как брать, так раскрывает ладонь, как отдавать, так бьет себя в грудь) [ППЗ 2007: 501],

Судсн (артерия) - 1

таньлдад автл талын һурвн гөрәсн, таньлдснас хооран таңнан һурвн судсн (пока не знакомы словно три степных зверя, после знакомства словно три артерии твердого неба) [ППЗ 2007: 597]

Үй (суставы) - 1

*үнниг олгч – хууль, үйиг олгч – утх (*правду находят по закону, суставы – ножом) [ППЗ 2007: 122]

Гиил (затылок) - 1

келн деер шикр тәвдг, гиил деер сүк тәвдг (на язык кладет сахар, на затылок – топор) [ППЗ 2007: 256]

Киимнь (толстая кишка) – 2

1. киимнь һолиһәд, кишгнь ирәд (толстая кишка его жиром налилась, счастье его пришло) [ППЗ 2007: 550],

2. *киимнь һолиһәд, китнь бүдүрәд* (толстая кишка его разжирела, а тонкая кишка потолстела) [ППЗ 2007: 545]

Китнь (тонкая кишка) – 1

киимнь һолиһәд, китнь бүдүрәд (толстая кишка его разжирела, а тонкая кишка потолстела) [ППЗ 2007: 545]

Хоол (горло) – 1

хооларн маань умшҗ, хошуһарн хорха түүх (во все горло читать молитвы, ртом ловить насекомых*)* [ППЗ 2007: 190]

Киисн (пупок) – 1

киисндән күрдг киилң уга, кирән арчх альчур уга (нет рубашки, чтобы закрыть пупок, нет платка, чтобы вытереться) [ППЗ 2007: 143]

Сеер (спинной хребет) – 1

- *сеер хавсндан түшг, хавсн сеертән түшг* (спинной хребет поддерживает ребра, ребра поддерживают спинной хребет*)* [ППЗ 2007: 416],

һуй (бедро, ляжка) - 5

1. *барань бардһр, һуйнь шордһр (*фигура полная, а ляжки тонкие)[ППЗ 2007: 514]

2. *нернь бардһр, һуйнь шордһр (*имя солидное, а бедро тощее) [ППЗ 2007: 548]

3. *һар һарарн таньна, һанзһ һуян таньна* (рука руку моет, торока[1] бедра узнают) [ППЗ 2007: 334]

4. *арслңгин саржңнлһ соңсла, арсмчин һуй чичрнә* (у спекулянта ляжки трясутся, как услышит шелест рубля) [ППЗ 2007: 203]

[1]Торока - ремешки у задней седельной луки для привязывания чего-нибудь.

5. *һовин цасн һуйд күрч, һолҗң бий һуч күрв* (снег в степи до ляжек, а буйный молодец достиг тридцати лет) [ППЗ 2007: 114]

Тәкм (коленный сгиб) – 2

1. нохала баашлвл тәкм уга, нойнла баашлвл толһа уга (играть с собакой – останешься без подколенного сухожилия, играть с нойоном – остаться без головы)[ППЗ 2007: 131],

2. *тәкм күрх уга һаран, теңгр өөд сарвах* (воздеть к небу руки, которые не могут дотянуться до коленного сгиба) [ППЗ 2007: 156]

Өскя (пятка) - 1

цалдң күүкни хачр норңха, цалдң көвүни өскя цоорха (у девушки-неряхи щеки мокры, у парня – пятки на носках рваные) [ППЗ 2007: 51],

Тавг (ступня) - 2

1. тавг амр, таңна хагсу (ступни ног в покое, твердое нёбо пересохло) [ППЗ 2007: 510],

*2. залу күүнә үүл тавг дорнь (*мужская судьба под ступней мужчины) [ППЗ 2007: 26],

Өвдг (колено) – 1

*орунь шилвцә, һарунь өвдгцә (*доход – по щиколотку, расход – по колено) [ППЗ 2007: 204],

Хавсн (ребра) – 2

1. нурһн хасндан түшг, хавсн нурһндан түшг (спина – опора ребер, ребра – опора спины)[ППЗ 2007: 416],

2. *сеер хавсндан түшг, хавсн сеертән түшг* (спинной хребет поддерживает ребра, ребра поддерживают спинной хребет) [ППЗ 2007: 416],

Сү (подмышка) - 2

1. *нег сүүвдән хойр тарвс сүүвдх хату* (трудно удержать под мышками два арбуза) [ППЗ 2007: 419],
2. *суусн күүнә сүүцә, боссн күүнә бөрвцә (*до подмышек сидящего, до колен стоящего*)* [ППЗ 2007: 342],

Сәәр (крестец) - 2

1. санан угаһин сәәр таһһн, ухан угаһин уҗрха таһһн (у бездумного спина жирная, у глупого – уджриха) [ППЗ 2007: 232],

2. сәәрсн күүнә сәәр мааҗҗ өгх, муурсн күүнә толһа һарх (почесывать поясницу человеку, который поднялся, сесть на голову тому, кто испытывает трудности) [ППЗ 2007: 495].

Бүүл (десна) – 3

*1. унх шүднд бүүл керг уга, зовх күүкнд төркн керг уга (*зубам, которым суждено мучиться, десна не помогут, евушке, которой суждено мучиться, родственники не помогут) [ППЗ 2007: 66]

2. *өгсн күүнд төркн туслдг уга, унх шүднд бүүлнь туслдг уга (*выданной замуж девушке родственники не подмога, а зубам, которым суждено выпасть – десны не подмога*)* [ППЗ 2007: 67],

3. *мордсн күүнд төркн туслдг уга, унх шүднд бүүлнь туслдг уга* (замужней дочери родственники не помогут, а зубам, которым суждено выпасть – десны не помогут) [ППЗ 2007: 67],

Нульмсн (слезы) – 1

нүүлән нульмсан уһах, килнцән келәрн долах (смыть грехи слезами, проступки слизывать языком) [ППЗ 2007:193].

45 ФЕ (110 словоупотреблений) соматических единиц из 421 словарной статьи Тодаевой Б.Х. «Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар»

1. Цусн (кровь) – 9:

1. *Аан цусан аслхций* прольем чаши крови своей) [Тодаева 1976: 177].

2. *Асхрад однхнь аан цусн бишв!* (если и прольется, так это чаша крови!) [Тодаева 1976: 177].

3. *балтиннь шүрүнднь әмд улан цусигамн хамр хойрарн алд дүңгә асхад һарад одв (*жесток был удар бердышем: едет он, и на сажешь плещет алая живая кровьртом и носом) [Тодаева 1976: 187].

4. *... байн хар цуснь унднь болад одв* (обильная черная кровь (тридцати пяти воинов) стала для них питьем) [Тодаева 1976: 206].

5. *балһ-балһ цусан асхн бөөлжәд (*Савр помчался), извергая свою кровь глотками) [Тодаева 1976: 207].

6. *әмнь хар цусн асхлцх манд юн болв?* (что такое случилось, чтобы нам проливать нашу кровь?) [Тодаева 1976: 220].

7. *хөөнь толһан дүңгән цуста улан көөсн һазр бүрәдв* (кроваво-красная пена величиною с баранью голову покрыла землю) [Тодаева 1976: 229].

8. *шарх цусн хойртнь дәәнь олн лүвцнь элж бутрв* (весь в кровавых пятнах, растеряны и изношены все воинские доспехи) [Тодаева 1976: 226].

9. *хар цусар бөөлжҗәд харһцад кевтв (*извергая темную кровь, лежал он в обмороке)[Тодаева 1976: 222].

2. Амн (рот) – 9

1. Арг улан Хоңһрин амн дундан келәд йовдг үгнь… (слова, которые не сходили с языка Арак Улан Хонгора) [Тодаева 1976: 186]

2. *балтиннь шүрүнднь әмд улан цусигамн хамр хойрарн алд дүңгә асхад һарад одв (*жесток был удар бердышем: едет он, и на сажень плещет алая живая кровь и ртом и носом) [Тодаева 1976: 187];

3. *алтн далан көвәд аман аңһаһад әсхж кевтнә* (лежит (щука) на берегу золотого океана, раскрыв рот (пасть) и тяжело дыша) [Тодаева 1976: 178].

4. *нүкнь амнд Алтн Цееж Шовшур хойр – ода оргий – гиж зогсж бәәж* (Алтан Цеджи и Шовшур стояли у двери подземелья и собирались спуститься)[Тодаева 1976: 186].

5. *амргин хар цурхин амнд әмдәр өгхнь яһднь?* (что если бросить его бросить его живьем в пасть заступницы черной щуки?) [Тодаева 1976: 186]

6. *өрлвән амн цаһан гер шүдтә*(белые резцы – словно открытие клещи) [Тодаева 1976: 232].

7. *бамбин улан бүсәснь авхнчн зөг шар тохаг амннурһнднь дархнчн!* (взял бы его за бамбайский красный пояс и придавил бы ему шею локтем цвета желтой осы) [Тодаева 1976: 178]

8. *амнднь нег хамтхс дүрж оркад җаңһр бултв* (Джангар всунул ему в рот один листочек и спрятался)[Тодаева 1976: 224].

9. *мөрн бий хойриннь амнднь нег ирл дүрж өгәд, нисәд һарв (*лебеди улетели, вложив живительные зерна в уста ему и его коню*)* [Тодаева 1976: 276].

3. Көл (ноги) – 8

1. *ард хойр көлән сүүдән күргн оркж йовна (*мчится, подбрасывая свои задние ноги к пахам) [Тодаева 1976: 191].

2. *Ард хойр көлән сүүдән күргн оркж йовна – (Джангар) сел уже на коня; мчится, подбрасывая свои задние ноги к пахам* [Тодаева 1976: 191].

3. *бийнь нәәмн көлтә аралжн болад кевтв* (Мингиян) пригласил сам превратился в восьминогого паука и лег [Тодаева 1976: 219],

4. *нег бортх әрк, нег көл мах өггн* (дайте фляжку вина и одну ножку мяса) [Тодаева 1976: 221],

5. *наһд шар балт нарнь көлдгилвкгсн (*золотисто желтый бердыш[1] его сверкал под лучами солнца*)* [Тодаева 1976: 222],

6. *өмн хойр көлинньбелвнцгтнь…* (на щиколоткахпередних ног*)*[Тодаева 1976: 213].

7. *арз ут болад, көл көлән дерллəд, көлцү согту болад унв* (пир затянулся: крепко опьянев, они попадали, обратив ноги друг друга в изголовье) [Тодаева 1976: 263],

8. *дөчн дөрвн көлтə дөлдү мөңгн ширə деер* (сидит на зеркально серебряном троне о сорока четырех ножках) [Тодаева 1976: 268],

4. Нүдн (глаза) – 4

1. *Алг хар нүднь агмчд арвн хойр эргəд одв* (его огромные черные глазавмиг перевернулись двенадцать раз) [Тодаева 1976: 180],

2. *алг тəрн нүдньаньлдад* (закрывались его большие чарующие глаза)[Тодаева 1976: 189],

3. *дөнн хар бүргдиннүдəрширтəд харв* (пристально он взглянул очами черного беркута) [Тодаева 1976: 229].

4. *хурц хойр нүдəрн һатцн долан миңһн улл ташр харад (*острым взглядом он проникал через дальние семь тысяч гор) [Тодаева 1976: 241],

5. Белвнцг (щиколотка) – 3

1. *өмн хойр көлинньбелвнцгтнь…* (на щиколоткахпередних ног*)*[Тодаева 1976: 213].

2. *бийнь нəəмн көлтə аралжн болад кевтв* (сам превратился в восьминогого паука и лег)[Тодаева 1976: 219]

3. *нег бортх əрк, нег көлмах өггн* (дайте фляжку вина и одну ножкумяса) [Тодаева 1976: 221]

[1]Бердыш— холодное оружие в видетопора(секиры) с искривлённым, наподобие полумесяца, лезвием, насаженным на длинное древко — ратовище.

6. һар – рука, руки - 4

1. долан насндан догшн Ширкгин үүл һар деерән авгсн (семи лет дела грозного Ширкига он взял в свои руки) [Тодаева 1976: 178],

2. әәрстин хар елдңгиг барун һаринальхнд шүүсн һарлтнь атхв (в ладониправой рукион сжимал оплетенную черную нагайку так, что выступал из нее сок) [Тодаева 1976: 196].

3. тәвн алд элмн торһн цулвринь алд дүңгә эвкәд һартан бәрв (пятисаженный шелковый чембур (искусно) уложил в одну сажень длины и уложил в руки) [Тодаева 1976: 212],

*4. аһ Шавдл хатнь күүнә күүкн гихиг со*ңсув, а*һинь һар деер ус келһнәв, өгтхә гилә* (слышал, что его супруга Шавдал – ханская дочь. Хан велел отдать ее, чтобы она его жене воду на руки поливала) [Джангар 1990: 240]

7. Альхн (ладони) – 4

1. *әәрстин хар елдңгиг барун һаринальхнд шүүсн һарлтнь атхв (*в ладониправой рукион сжимал оплетенную черную нагайку так, что выступал из нее сок) [Тодаева 1976: 196],

2. *бальң улан альхндан тав ораһад авб* (Джангар) пять раз обвил поводья вокруг своей красной ладони)[Тодаева 1976: 207].

3. *шажң хойр альхан делгәд* (раскрыл свои две божественные ладони) [Тодаева 1976: 186],

4. *балмин улан альхан дерс-дерс делглгдсн суудг* (все приветствовали и приглашали Хонгора), раскрывая враз свои красные ладони) [Тодаева 1976: 207].

8. Зүркн (сердце) – 4

1. *болд маля зүркньәәвлхәһинь гүвдәд бульглв* (сердце его, словно плеть из стали, бьется о грудобрюшнуюпреграду) [Тодаева 1976: 198],

2. *эрк бор зүркн*(нежное простое сердце) [Тодаева 1976: 220],

3. *түвин дөрвн хаань зүрк булагсн* (плениший сердца четырех мирских ханов) [Тодаева 1976: 223].
4. *…зүркньәәвлхләһинь гүвдәд бульглад одв* (сердцеего бьется о грудную преграду*)* [Тодаева 1976: 225],

9. **Чикн ашк (мочки) - 2**

1. *гүмб чикньашкдор мелмлзҗ бәәгҗ* (серьги) блестели под мочкамиушей**)**[Тодаева 1976: 198],
2. *гүмб чикньашкт…толь эрднь сувсн сиик* (в мочках круглых ушей – драгоценные жемчужные серьги*)* [Тодаева 1976: 235].

10. **Элкн (печень, желудок) – 2**

1. *энгин олн-әмтнәннь төлә…элкән йүүләд өгий* (ради своего народа…обнажим свои внутренности (букв.печень) и отдадим) [Тодаева 1976: 202],
2. *күлгүднь эмәлән элкн доран авад көгләд-көгләд һарч* (помчались их кони с седлами под брюхом) [Тодаева 1976: 266],

11. Халх (щека, щеки) – 1

1. *барун өвдг деерән тәвәд, барун халхинь үмсәд*(посадил его на правое колено, в правую щеку поцеловал) [Тодаева 1976: 208].

12. Бөөр (почки) - 1

1. *оңһлзгч бөөрәрнь… найн хойр гүвдәд унһав* (восемьдесят два раза ударил он его по почечной впадине… и повалил) [Тодаева 1976: 223].

13. Бий (тело) – 2

1. *манр цаһан бийнь көк балм болв (*его матово-белое тело совершенно посинело) [Тодаева 1976: 215],

2. *бийән дарс гих* (взять себя в руки) [Тодаева 1976: 215],

14. Әәвлхә (грудобрюшная преграда, диафрагма) – 3

1. *болд маля зүркнь әәвлхәһинь гүвдәд бульглв* (сердце его, словно плеть из стали, бьется о грудобрюшную преграду) [Тодаева 1976: 198],
2. *…зүркньәәвлхләһинь гүвдәд бульглад одв* (сердцеего бьется о грудную преграду) [Тодаева 1976: 225],
3. *әәвлхләдньхар болд ханҗалиг дөрү дүңгә дүрәд* (воткнув в ее грудь стальной кинжал на четыре пальца, сказал*)* [Тодаева 1976: 275],

15. Белкүсн (поясница) – 1

белкүсәрнь тас өгч унһаһад… (Хонгор) рассек его на две части в пояснице) [Тодаева 1976: 214],

16. Цөсн (желчь) – 2

1. *көгшн барсин цөсн билҗ тустл хәәкрәд оркв* (закричал, пока не лопнула желчь старого барса) [Тодаева 1976: 216],

2. *көдәд кетсн көгшн барсин цөсн билцртл хәәкрәд* (так кричал, пока не лопнула желчь старого барса, лежавшего в степи) [Тодаева 1976: 216],

17. Хурһн (пальцы) – 4

1. арвн цаһан хурһнанньүй болһнд арслң заань күчн эдслгсн (в каждом суставе десяти его пальцев заключена сила льва и слона) [Тодаева 1976: 219],

2. *Алдр богд Җаңһрнь арвн цаһан хурһарн девд мөңгн шалвинь хооран илəд* (славный богдо Джангара гладил его по пышным серебряным кудрям своими десятью белыми пальцами)[Тодаева 1976: 257],

3. *шаджң хойр альхан делгəд* (раскрыл свои две божественные ладони) [Тодаева 1976: 261]

4. *дергəр аврнцаһан хурһта* (у нее десять белых гибких пальцев положить под голову; сделать изголовье)[Тодаева 1976: 263],

18. Үй (суставы) - 1

арвн цаһан хурһнанньүй болһнд арслң заань күчн эдслгсн (в каждом суставе десяти его пальцев заключена сила льва и слона) [Тодаева 1976: 219],

19. Бөгтрһ (крестец) - 1

хар хулан бөгтрһтә гинә (крестец(у Рыжко) как у черного кулана) [Тодаева 1976: 221],

20. Нурһн (спина) – 2

1. *урһа зандн нурһнь нумн мет бөкиһәд* (стан его, словно растущий сандал, согнулся как лук) [Тодаева 1976: 222]

2. *бамбин улан бүсәснь авхнчн зөг шар тохаг амн нурһнднь дархнчн!* (взял бы его за бамбайский красный пояс и придавил бы ему шею локтем цвета желтой осы!)[Тодаева 1976: 178]

21. Амннурһн (шейные позвонки) – 2

1. *оцл көк һалзнаннь амннурһ ишкәд таг һәрәдхләрн хойр мөрнь өөр одад тусв* (когда он прыгнул, ступив на шею своего Сивко, то очутился около тех двух коней) [Тодаева 1976: 187]

2. *бамбин улан бүсәснь авхнчн зөг шар тохаг амннурһнднь дархнчн!* (взял бы его за бамбайский красный пояс и придавил бы ему шею локтем цвета желтой осы)[Тодаева 1976: 178]

22. Нүр (лицо) - 1

сай маңһс хаань нүр бийднь һагц бийнь бөлглн суугсн (и один-одинешенек лицом к лицу противостоял миллиону мангусовых ханов) [Тодаева 1976: 222],

23. Гер шүдн (резец) - 1

1. *өрлвән амн цаһан гершүдтә*(белые резцы – словно (открытые) клещи) [Тодаева 1976: 232].

24. Хамр (нос) – 2

1.балтиннь шүрүнднь әмд улан цусигамнхамр хойрарн алд дүңгә асхад һарад одв (жесток был удар бердышем: едет он, и на сажень плещет алая живая кровьртоминосом) [Тодаева 1976: 187];

2. *бүргд мөөлүр хамр доңхаһад* (величав его нежный орлиный нос) [Тодаева 1976: 266].

25. Өвдг (колено) – 1

барун өвдг деерән тәвәд, барун халхинь умсәд (посадил его на правое колено, в правую щеку поцеловал) [Тодаева 1976: 208],

26. Толһа (голова) – 4

1. *бүрә сәәхн көөсиһән толһа деерән бөлвәлн цацв* (брызжет он на свою голову пузырящуюся обильную красную пеню*)* [Тодаева 1976: 222],

2. *бөрә сәәхн көсиһән толһа деерән бөлвәлн цацв* (брызжет он на свою голову пузырящуюся обильную прекрасную пену) [Тодаева 1976: 228],

3. *хөөнь толһан дүңгән цуста улан көөсн һазр бүрәдв* (кроваво-красная пена величиною с баранью голову покрыла землю) [Тодаева 1976: 229].

4. *күнд зандн толһа дуунг болтл гүвдв бил* (до того, что ошалела его тяжелая сандаловая голова)[Тодаева 1976: 274].

27. Тоха (локоть) - 1

дөрвлҗн сәәхн далднь бат зандн тоха тальвад оркв (уперся в его четырехугольные прекрасные лопатки своими крепкими сандаловыми локтями) [Тодаева 1976: 209].

28. Дал (лопатка) – 4

1. дөрвлҗн сәәхн далднь бат зандн тоха тальвад оркв (уперся в его четырехугольные прекрасные лопатки своими крепкими сандаловыми локтями) [Тодаева 1976: 209].

2. *далин бәргр хар махнд* (застегнул пуговицы) на темных лопаточных мышцах*)* [Тодаева 1976: 212].

3. *деерәс хурц шар нарнд далнь асад* (сверух жжет ему лопатки знойное желтое солнце)[Тодаева 1976: 251],

4. *дөш цаһан далин мөөрсн деер дондалһҗ күләд* (руки его связали, выгнув кверху на хрящи белых, как наковальня, лопаток) [Тодаева 1976: 266],

29. Бая (головка у лопатки) – 1

1. *дүүвр цаһан далин баяһар далн тавн дарлцад өңгрлдв* (сшибались они семьдесят пять раз своими белыми крепкими лопатками) [Тодаева 1976: 210].

30. Махн (мясо) – 1

нег бортх әрк, нег көлмах өггн (дайте фляжку вина и одну ножкумяса) [Тодаева 1976: 221],

31. Аран (коренной зуб, клык (у животных)) - 1

ара харһулх өвсн олдл уга (не находя травинки зубам) [Тодаева 1976: 190],

32. Бел (бок, стан, талия) – 1

бер күмн үзхәрн – белиннь һурвн товчан сулдхн дахв (женщины, завидев его, бежали за ним, расстегнув три пуговки на поясах) [Тодаева 1976: 213],

33. Арсн (шкура, кожа, мех) – 2

1. *һунн царин арсар һоллгсн* (сердцевину плети сделали из шкуры трехлетнего быка) [Тодаева 1976: 193],

2. *Сүрин һалд сормсан түләд, сүзгин түдд арсан муках* (в огне костра брови свои опалить, в приступе набожности кожу свою оцарапать – содрать) [ППЗ 2007: 192].

34. Урл (губы) – 1

Гүмбин улан урлнь гүвлзгсн суудг (сидит, шевеля своими прекрасными алыми губами)[Тодаева 1976: 235],

35. Ясн (кости) – 1

1. *ик ясинь амаран һарһад, бага ясинь хамрарн һарһад идҗ оркв* (мальчуган съел мясо), выбросив через рот крупные кости, а через нос – мелкие кости) [Тодаева 1976: 241],

36. һолһа (толстые кишки) - 1

*һолһаһан хаһртл инәв (*смеялся до колик) [Тодаева 1976: 244],

37. һуй (бедро, ляшка) – 3

1. *һуян ташад… инәв* (хлопнул себя по ляжкам и засмеялся) [Тодаева 1976: 245],

2. *көк һалзн күлгән һуйдад одв* (хлестнул он по бедрам своего Сивко и поскакал) [Тодаева 1976: 245],

3. *Күүкн Цаһан мөрч доклзгсн цәвдриг долан миңһ һуйдад дуһилгсн бәәдг* (конюх Кюкен Цаган кружит, семь тысяч раз стегая по ляжкам разгоряченного игренего) [Тодаева 1976: 264],

38. Давсг (мочевой пузырь) – 2

1. *давсиг экәрдола нәәм сиичлдәд одв* (нанесли они друг другу семь-восемь ран повыше мочевого пузыря) [Тодаева 1976: 248],

2. *дарцг цаһан әрвңгән давсг талан авад* (белый (словно священный флаг) боковой жир собрал он к мочевому пузырю) [Тодаева 1976: 255],

39. Әрвн (жир на лопатках и брюхе) – 2

1. *дарцг цаһан әрвңгиг тасртл татв* (так затянули катаур), что он покрылся складками жира белого, как дарцаг) [Тодаева 1976: 203],

2. *дарцг цаһан әрвңгән давсг талан авад* (белый (словно священный флаг) боковой жир собрал он к мочевому пузырю) [Тодаева 1976: 255],

40. Шүдн (зубы) – 2

1. дегц дөчн цаһан шүдтә (у не сорок ровных белых зубов) [Тодаева 1976: 259],

2. *дуң цаһан шүднь дуунаһас ярлзад* (белые, как раковина, зубы его блестят на расстоянии версты) [Тодаева 1976: 274],

41. Хавсн (ребра) – 1

күдр нәәмн хавсарчн кеңкргин докур кел уга… бәәх угав (не я буду, если не сделаю из твоих крепких восьми ребер палочку для барабана) [Тодаева 1976: 264],

42. Цох (висок) – 2

1. долв алтн дуулхиг зүн цох деерән тальвб (надвинул сверкающий золотой шлем на свой левый висок*)* [Тодаева 1976: 265],

2. *алтн дуулхиг зүн цох деерән тальвб (*золотой шлем надвинул он набекрень, прикрыв левый висок) [Тодаева 1976: 274],

43. Эркә (большой палец) – 1

эркә хумха хойран дөмәд одв (тогда взял он двумя пальцами – большим и указательным и сжал*)* [Тодаева 1976: 269],

44. Хумха (указательный палец) – 1

эркә хумха хойран дөмәд одв (тогда взял он двумя пальцами – большим и указательным и сжал) [Тодаева 1976: 269],

45. Нульмсн (слезы) – 1

1. *богшрһан дүңгә мөндр хар нүлмсән асхрулад уульдад* (она, роняя град своих темных слез величиною с воробья, говорит) [Тодаева 1976: 274].